

КРИСТИН
ХАННА

*Улица
светлячков*

Кристин Ханна
Улица Светлячков

«Фантом Пресс»

2008

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Ханна К.

Улица Светлячков / К. Ханна — «Фантом Пресс», 2008

ISBN 978-5-86471-904-6

На дворе 1970-е. Кейт Маларки четырнадцать лет, она носит огромные очки и зубную пластинку, тайком зачитывается «Властелином колец» и почти не надеется завести друзей. Когда в дом по соседству переезжает Талли Харт, «самая крутая девчонка на планете», Кейт уверена, что дружбе между ними не бывать. Но и у Талли, жизнь которой со стороны кажется идеальной, есть свои секреты. Беда, случившаяся с Талли на школьной вечеринке, толкает девушек друг к другу и становится началом дружбы, которой суждено изменить жизнь обеих. Но даже в самой крепкой дружбе есть место зависти и соперничеству. Талли хороша собой, амбициозна и готова на все ради исполнения мечты – стать тележурналисткой. Она сияет так ярко, что затмевает тихоню Кейт, которая ныряет за ней следом в бурный мир теленовостей, хотя втайне мечтает совсем о другом. Проведя годы в тени лучшей подруги, Кейт хочет одного – найти собственный путь. Спустя тридцать лет Кейт и Талли по-прежнему верны данной когда-то клятве – «лучшие подруги навеки». Кажется, дружба, пронесенная через столько лет, преодолеет любые испытания. Но способна ли она пережить предательство?

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-86471-904-6

© Ханна К., 2008
© Фантом Пресс, 2008

Содержание

Глава первая	7
Часть первая	9
Глава вторая	9
Глава третья	16
Глава четвертая	24
Глава пятая	33
Глава шестая	50
Глава седьмая	59
Глава восьмая	69
Часть вторая	77
Глава девятая	77
Глава десятая	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Кристин Ханна

Улица Светлячков

*Эта книга посвящается «нам». Девочкам.
Подругам, которые оставались рядом год за годом, что бы ни
случилось.*

*Я вас не называю, но вы себя узнаете.
Спасибо*

*Людям, с которыми связано столько воспоминаний, —
моему отцу Лоренсу;
моему брату Кенту; моей сестре Лоре;
моему мужу Бенджамину и сыну Такеру.
Где бы мы ни находились, вы всегда в моем сердце*

*Маме, которая вдохновила меня на множество книг.
В особенности на эту*

*Старый друг – лучшее зеркало.
Джордж Херберт*

Firefly Lane by Kristin Hannah

Copyright © 2008 by Kristin Hannah

Книга издана при содействии Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Перевод с английского *Ольги Рогожиной*

phantom press

© Ольга Рогожина, перевод, 2022

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2022

Глава первая

Их так и называли – «девчонки с улицы Светлячков». Давно это было, больше тридцати лет назад, но сейчас, когда она, лежа в постели, прислушивалась к гулу снежной бури за окном, казалось, будто с тех пор не прошло и дня.

За последнюю неделю (без сомнения, худшую в ее жизни) она совершенно разучилась отделять себя от своих воспоминаний. Слишком часто 1974-й возвращался во сне: она снова становилась школьницей, взрослеющей в тени проигранной войны, снова вместе с лучшей подругой мчалась на велосипеде сквозь темноту, настолько густую, что сама себе казалась невидимой. Даже их улица – в сущности, не более чем отправная точка в этой ретроспективе – оживала перед глазами в мельчайших подробностях: вот она серой асфальтовой лентой петляет между травянистых склонов, а в канавах по обе стороны стоит темная, мутная вода. Когда-то давно, еще до того, как они познакомились, ей казалось, что эта улица и не ведет никуда – так, обычная проселочная дорога, названная в честь насекомых, которых сроду не видывали среди непролазной зелени и необъятной синевы этих мест.

Лишь потом они посмотрели на эту дорогу глазами друг друга. Стоя плечом к плечу на вершине холма, смогли за стеной леса, за рытвинами и колдобинами, за далекими заснеженными горами разглядеть все те места, где однажды окажутся. Живя по соседству, они ночами выскальзывали из своих домов и встречались на дороге. Сидя на берегу реки Пилчак, курили краденые сигареты, вместе плакали под песню «Билли, не геройствуй»¹ и рассказывали друг дружке абсолютно все, сшивали свои жизни воедино, и к концу лета никто уже не мог толком разобраться, где заканчивалась одна девочка и начиналась вторая. Никто и не разбирался, их знали просто как Талли-и-Кейт, и больше тридцати лет эта дружба составляла фундамент их жизней – прочный, надежный, долговечный. Музыка с годами менялась, но клятвы, данные на улице Светлячков, оставались в силе.

Лучшие подруги навеки.

Они всерьез полагали, что это навеки, представляли, как старухами будут вместе сидеть в креслах-качалках на скрипучей веранде, вспоминать былые времена и весело хохотать.

Она, конечно, давно осознала свою ошибку. Вот уже год твердила себе, что все в порядке, что вполне можно обойтись и без лучшей подруги. Иногда у нее даже получалось в это поверить.

А потом она слышала музыку. Их музыку. «Прощай, дорога из желтого кирпича». «Меркантильная». «Богемская рапсодия». «Пурпурный дождь». Вчера в супермаркете у овощного прилавка ее настигла дурацкая магазинная версия песни «У тебя есть друг»², и она вдруг расплакалась – прямо над ящиком редиса.

Она откинула одеяло и осторожно, стараясь не потревожить спящего подле нее мужчину, выбралась из кровати. На мгновение замерла, разглядывая его в полутьме. Даже во сне он выглядел встревоженным.

Она взяла телефон, вышла из спальни и, пройдя по залитому тишиной коридору, ступила на веранду. Постояла, вглядываясь в бушующую непогоду, собираясь с духом. Затем набрала номер, такой знакомый, и все думала, что же скажет своей бывшей лучшей подруге, как начнет их первый разговор после многих месяцев молчания. *Неделя была такая дурацкая... Жизнь на глазах разваливается... А может быть, просто Ты мне нужна.*

¹ *Billy, Don't Be a Hero* (1974) – песня британской поп-группы *Paper Lace* о солдате, уходящем на войну. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Goodbye Yellow Brick Road* (1973) – песня Элтона Джона. *Material Girl* (1985) – песня Мадонны. *Purple Rain* (1984) – песня Принса. *You've Got a Friend* (1971) – песня американской фолк-певицы Кэрол Кинг.

Где-то на другом берегу темного, бушующего залива звонил телефон.

Часть первая Семидесятые

*Королева танцев
Юна и прекрасна,
Ей всего семнадцать³*

Глава вторая

Для большей части страны 1970-й был годом беспорядков и перемен, но в доме на улице Магнолий вопреки всему царили порядок и постоянство. Сидя на холодном деревянном полу, десятилетняя Талли строила из конструктора «Линкольн Логс» домик для своих кукол «Лидл Кидлз»⁴, которые мирно спали, устроившись на розовых бумажных салфетках. У себя в комнате она могла бы послушать «Джексон Файв» – у нее была пластинка и детский проигрыватель, – но здесь, в гостиной, не водилось даже радио.

Бабушка музыку не жаловала, о телевидении и настольных играх тоже была невысокого мнения. Почти весь день она проводила с пальцами в руках. Расположившись, совсем как сейчас, в кресле-качалке у камина, она умело орудовала иглой, а под Рождество относила скопившиеся вышивки – больше сотни, и почти все с цитатами из Библии – в церковь, где их продавали на благотворительных ярмарках.

А дедушка... его было совсем не слышать. После инсульта он только и делал, что лежал в постели да время от времени звонил в колокольчик. Лишь в эти моменты Талли видела, чтобы бабушка куда-то спешила. Едва заслышав звон, она с улыбкой восклицала: «Боже ты мой!» – и убегала по коридору с такой скоростью, на какую только были способны ее обутые в шлепанцы старые ноги.

Талли взяла игрушечного тролля с желтыми волосами и Каламити из «Лидл Кидлз» и, тихонько мурлыкая «Мечтателя»⁵, закружила их в танце. На середине песни в дверь постучали.

Это было настолько неожиданно, что Талли отвлеклась от игры и подняла голову. Кроме мистера и миссис Биттл, которые являлись по воскресеньям, чтобы отвезти их в церковь, к ним никто и никогда не заходил.

Сложив вышивку в розовый пакет и оставив возле кресла, бабушка направилась к двери вялой шаркающей походкой, которая стала ей свойственна в последние пару лет. Когда дверь открылась, повисла долгая пауза, и затем бабушка сказала:

– Боже ты мой.

Голос ее звучал странно. Покосившись на дверь, Талли увидела высокую женщину с длинными спутанными волосами, на губах которой то расплзалась, то таяла улыбка. Женщина была красивая, такую красавицу нечасто встретишь, – с молочной кожей, тонким острым

³ Строчка из песни *Dancing Queen* (1976) группы *ABBA*.

⁴ *Lincoln Logs* – детский конструктор из миниатюрных деревянных бревнышек, выпускается в США с 1916 года, назван в честь Авраама Линкольна, который родился в деревянном доме. *Liddle Kiddles* – серия миниатюрных (около 7–8 см в высоту) кукол, выпускалась в 1965–1971 годах.

⁵ *Daydream Believer* (1967) – песня, написанная американским фолк-певцом и автором песен Джоном Стюартом и впервые исполненная квартетом *The Monkees*.

носом, высокими точеными скулами и аккуратным подбородком. Ее влажные карие глаза то закрывались, то медленно открывались снова.

– Дочь объявилась после стольких лет, а тебе больше и сказать нечего?

Она протиснулась мимо бабушки, подошла к Талли и наклонилась:

– Это кто тут, моя малышка Таллула Роуз?

Дочь? Но ведь это значит...

– Мама? – восхищенно прошептала Талли, сама себе не веря. Она так долго этого ждала, так давно мечтала, что мама однажды вернется за ней.

– Скучала?

– А то, – сказала Талли, едва сдерживая радостный смех. Она была так счастлива.

Бабушка закрыла дверь.

– Пойдем на кухню? Я кофе сварю.

– Я не за кофе приехала, а за своей дочерью.

– Без гроша в кармане? – устало ответила бабушка.

Маму это явно задело.

– Допустим, и что дальше?

– Талли нужно...

– Уж, пожалуй, как-нибудь разберусь, что нужно моей собственной дочери.

Мама вроде бы пыталась стоять ровно, но выходило не очень. Все ее тело как-то вихляло, и глаза были странные. Она наматывала на палец длинную прядь вьющихся волос.

Бабушка подошла ближе.

– Ребенок – это большая ответственность, Дороти. Ты бы вернулась домой, пожила с нами немного, получше познакомилась с Талли и, может быть, тогда была бы готова... – Она на мгновение умолкла, нахмурилась и добавила совсем тихо: – Ты напилась.

Мама хихикнула и подмигнула Талли.

Талли подмигнула в ответ. Напиваться – это же ничего страшного. Дедушка тоже часто пил, пока не заболел. Даже бабушка порой позволяла себе бокал вина.

– Мам, у меня же день рожденья сегодня, забыла?

– День рождения? – Талли вскочила на ноги. – Подожди, я сейчас.

Она опрометью бросилась в свою комнату и под бешеный стук собственного сердца принялась рыться в ящике стола, торопливо выгребая и разбрасывая его содержимое, пытаясь отыскать то ожерелье из бусин и макарон, которое сделала для мамы еще год назад, на занятии в воскресной школе. Бабушка тогда нахмурилась, увидев его, и посоветовала не слишком-то рассчитывать на маму, но Талли ее послушаться не могла. Она только и делала, что рассчитывала на маму – вот уже много лет подряд. Сунув ожерелье в карман, она рванула обратно и, подбегая к гостиной, услышала:

– Да не пьяная я, дорогая моя маменька. Я дочку свою вижу в первый раз за три года. Любовь вставляет покруче алкоголя.

– За шесть лет. Когда ты ее здесь оставила, ей было четыре.

– Серьезно, так давно? – Мама казалась озадаченной.

– Возвращайся домой, Дороти. Я тебе помогу.

– Угу, как в прошлый раз помогла? Нет уж, спасибо.

В прошлый раз? Мама приезжала раньше?

Бабушка вздохнула, затем вся как-то закаменела.

– Долго ты собираешься на меня за это злиться?

– Такие штуки время не лечит. Пойдем, Таллула.

Мама, пошатываясь, шагнула к двери.

Талли нахмурилась. Совсем не так она это себе представляла. Мама ее не обняла, не поцеловала, даже не спросила, как у нее дела. И кто вообще уходит из дома, не собрав чемодан?

- Мои вещи... – начала она, указывая на дверь спальни.
- На кой черт тебе эта мешанская дрянь, Таллула?
- А?.. – не поняла Талли.

Бабушка притянула ее к себе, и Талли окутал ее запах – детской присыпки и лака для волос, – такой родной и уютный. Никто, кроме бабушки, никогда не обнимал ее, ни с кем другим она не чувствовала себя в безопасности, и ей вдруг сделалось страшно.

- Бабуля? – спросила она, отстраняясь. – Что происходит?

– Ты едешь со мной, – сказала мама и, чтобы не потерять равновесие, схватилась за дверной косяк.

Бабушка взяла Талли за плечи и легонько встряхнула.

– Телефон и адрес ты знаешь, так ведь? Если испугаешься или что-нибудь нехорошее случится, ты нам звони, ладно?

В глазах ее стояли слезы, и, видя, что бабушка, всегда такая спокойная и невозмутимая, плачет, Талли совсем перепугалась и растерялась. Что происходит? Что она успела сделать не так?

- Бабуля, прости, я...

Мама склонилась над ней и, схватив за плечо, грубо тряхнула:

- *Никогда* не проси прощения. Это выглядит жалко. Идем.

Она взяла Талли за руку и потянула к двери. Спотыкаясь, Талли последовала за ней вниз по ступенькам и дальше, через дорогу, к тому месту, где был припаркован ржавый микроавтобус «фольксваген» с огромным «пацификом» на боку, весь в виниловых наклейках в виде цветов.

Дверь открылась, наружу выплыло облако серого дыма. Внутри, среди мглистого сумрака, Талли различила трех человек. За рулем сидел чернокожий мужчина с необъятным афро, перехваченным красной повязкой. Позади него – блондинка в полосатых штанах, жилетке с бахромой и коричневой бандане и мужчина в клешах и засаленной футболке. Пол был устлан мохнатым коричневым ковровином, кругом валялись курительные трубки, пустые бутылки, обертки от еды и восьмитрековые⁶ магнитофонные кассеты.

- Это моя дочка, Таллула, – сказала мама.

Талли терпеть не могла, когда ее называли Таллулой, но промолчала. Лучше потом сказать, когда они с мамой останутся вдвоем.

- Кайф, – сказал кто-то.

- Вылитая ты, Дот. Охренеть.

- Залезайте уже, – буркнул водитель. – А то опоздаем.

Человек в грязной футболке ухватил Талли за пояс и втащил в фургон. Она осторожно уселась, поджав ноги. Мама тоже залезла внутрь и захлопнула за собой дверь. В фургоне пульсировала странная музыка, Талли ничего не могла разобрать кроме слов *что-то тут творится...*⁷ Из-за дыма все очертания казались дрожащими, расплывчатыми.

Талли подвинулась ближе к металлической стенке фургона, чтобы освободить место для мамы, но та подседа к женщине в бандане, и они немедленно принялись болтать о свиньях, о маршах, о каком-то парне по имени Кент⁸. Талли ничего в этом разговоре не понимала, а от

⁶ Также известны как *Stereo 8*. Формат магнитофонных кассет, популярный в США и ряде других стран с середины 1960-х до конца 1970-х гг. Впоследствии был вытеснен более привычными нам компакт-кассетами.

⁷ *...Something happening here* – строчка из песни *For What It's Worth* (1966) американской рок-группы *Buffalo Springfield*. Песню часто связывают с антивоенными протестами 1970-х, хотя на самом деле в ней поется о массовых беспорядках 1966 года на Сансет-стрип в Лос-Анджелесе, начавшихся после ограничения доступа в ночные клубы.

⁸ Вероятно, упоминается расстрел в Кентском университете в мае 1970 года, когда военные открыли огонь по безоружным студентам, протестовавшим против введения войск в Камбоджу.

дыма у нее кружилась голова. Когда человек, сидевший с ней рядом, начал раскуривать трубку, она не сумела сдержать вздох досады.

Услышав ее, он повернулся и выдохнул облачко серого дыма прямо ей в лицо.

– Расслабься, малышка, просто плыви по течению.

– Вы только гляньте, как моя мать ее вырядила, – с горечью сказала мама. – Ну просто куколка. Как может человек быть *настоящим*, если боится запачкаться?

– Точняк, Дот. – Сосед Талли выпустил изо рта дым и откинулся на сиденье.

Мама впервые посмотрела на Талли – по-настоящему *посмотрела* прямо на нее.

– Запомни это, малыш. Жизнь, она не про то, чтобы печь печеньки, драить полы и детей рожать. Она про то, чтобы быть свободной. Делать что хочешь. Быть кем хочешь, хоть сраным президентом США, если приспичит.

– Новый президент нам бы не помешал, это факт, – отозвался водитель.

Женщина в бандане похлопала маму по бедру:

– В самую тощчку. Том, хэй, бонг мне передай? – Она пьяно захихикала. – О, почти стихи.

Талли нахмурилась, чувствуя, как в животе оседает прежде незнакомый ей стыд. Она-то думала, что платье красивое и смотрится на ней так славно. И стать хотела балериной, а вовсе не президентом.

Но маминой любви она хотела еще сильнее. Она подвинулась поближе к матери, так, чтобы можно было до нее дотянуться.

– С днем рождения, – сказала она тихонько и, сунув руку в карман, достала ожерелье, над которым так долго трудилась, намучилась с ним, если честно, – другие дети давно ушли играть, а она все сидела и приклеивала к макаронам блестки. – Это я для тебя сделала.

Мама выхватила ожерелье у нее из рук и сжала в кулаке. Талли все ждала, когда она скажет спасибо, наденет его, но так и не дождалась; мама просто сидела, покачиваясь в такт музыке, и разговаривала со своими друзьями.

В конце концов Талли закрыла глаза. Из-за дыма ей хотелось спать. Почти всю свою жизнь она скучала по маме. И совсем иначе, чем скучаешь по кукле, запропастившейся неизвестно куда, или по подружке, которая перестала приходить в гости, потому что ты жадиная и не делишься игрушками. Ей *не хватало* мамы. День за днем она носила в себе эту ноющую пустоту, а ночами чувствовала, как та распускается острой, живой болью. Если только мама вернется, обещала она себе, я буду очень хорошей девочкой. Самой лучшей. Она надеялась загладить свою вину, исправить то, что когда-то сделала или сказала не так. Больше всего на свете Талли хотела, чтобы мама ей гордилась.

Но сейчас она совсем растерялась. В ее мечтах все было иначе – там мама брала ее за руку и они уходили вместе, только вдвоем.

– *Вот мы и пришли, – говорила мама, пока они поднимались к дому по склону холма. – Дом, милый дом. – А потом целовала Талли в щеку и шептала ей на ухо: – Как же я соскучилась. Я уехала, потому что...*

– Таллула. Просыпайся.

Вздвигнув, Талли очнулась. Голова раскалывалась, в горле саднило. Она попыталась спросить: «Где мы?» – но с губ сорвался лишь жалкий хрип.

Взрослым это показалось ужасно смешным. Хохоча, они высыпали из фургона на улицу.

Здесь, в центре Сизтла, было полно народу, все кричали, скандировали, размахивали плакатами «Занимайтесь любовью, а не войной» и «Ни черта мы не пойдём!». Талли в жизни не видела такой кучи людей в одном месте.

Мама взяла ее за руку, притянула поближе.

День прошел как в тумане, вокруг скандировали, пели, снова скандировали. Талли ни на секунду не переставала бояться, что случайно отпустит мамину руку и потеряется в толпе.

Когда явились полицейские – за поясом у каждого пистолет, в руках дубинка, на лице пластмассовое забрало – стало только страшнее.

Но толпа мирно текла по улице, а полицейские мирно за ней наблюдали.

Уже стемнело, Талли выбилась из сил и проголодалась, голова разболелась, а они все шли и шли, сворачивая с одной незнакомой улицы на другую. Люди теперь вели себя иначе – свернули плакаты и достали выпивку. Иногда Талли удавалось расслышать обрывки разговоров, даже целые предложения, но смысл от нее ускользал.

– Видали этих свиней? У них руки *чесались* кого-нибудь мордой по асфальту повозить, да хрен там, мы мирное шествие, чувак. Не имеют права. Дот, алё, дай другим дунуть, ишь присосалась.

Кругом захохотали, а мама громче всех. Талли никак не могла понять, что происходит, и голова у нее ужасно болела. А толпа все прибывала, люди смеялись, танцевали. Неизвестно откуда на улицу полилась музыка.

А потом Талли вдруг поняла, что больше никого не держит за руку.

– Мама! – закричала она.

Люди были повсюду, но никто не ответил, даже не повернулся. Она проталкивалась сквозь толпу, мимо чужих тел, звала маму, кричала что было сил. А когда совсем охрипла, вернулась к тому месту, где видела маму в последний раз, уселась на тротуар и стала ждать.

Она вернется.

Слезы жгли глаза, катились по лицу, а она все сидела и ждала, стараясь быть храброй.

Но мама не вернулась.

Она не раз пыталась припомнить, что делала дальше, что с ней происходило, но воспоминания ускользали, окутанные, точно туманом, жужжащим роем чужих людей. Она помнила лишь, как проснулась на грязной каменной ступеньке и увидела посреди опустевшей улицы полицейского на лошади.

Он нахмурился, глядя на нее со своего высокого насеста, и спросил:

– Девочка, ты здесь одна?

– Да, – только и смогла выдавить Талли, прежде чем расплакалась.

Когда он привез ее обратно в дом на Квин-Энн-Хилл, бабушка обняла ее, поцеловала в щеку и сказала, что вины ее тут нет.

Но Талли знала, что это неправда. Она плохо себя вела, что-то сделала не так. В следующий раз, когда мама вернется, она будет лучше стараться. Пообещает ей стать президентом и никогда-никогда больше не позволит себе ни перед кем извиняться.

Талли отыскала плакат с президентами США и выучила их всех, по порядку. Месяцами она рассказывала каждому, кто готов был слушать, что станет первой женщиной-президентом, и даже бросила балетную школу. В день, когда ей исполнилось одиннадцать, пока бабушка зажигала свечи на именинном торте и тоненьким, прозрачным голоском пела «С днем рождения тебя», Талли все поглядывала на дверь, думая: «Вот сейчас», но в дверь так и не постучали, телефон так и не зазвонил. Распаковывая подарки, она изо всех сил старалась улыбаться. На столике перед ней лежал пустой альбом. Так себе подарок, если честно, но бабушка вечно дарила что-нибудь в этом духе – придумывала для Талли занятия, от которых не слишком много шума.

– Она даже не позвонила, – сказала Талли, подняв глаза.

Бабушка устало вздохнула.

– У твоей мамы немало... трудностей. Человек она слабохарактерный и давно сбилась с пути. Тебе пора бы перестать притворяться, будто это не так. Важно, чтобы ты сама была другой, сильной.

Этот совет Талли слышала уже миллион миллионов раз.

– Знаю.

Устроившись на потертом диване в цветочек, бабушка притянула ее к себе и усадила на колени. Талли обожала так сидеть. Она прижалась к бабушке потеснее, опустила голову на ее мягкую грудь.

– Бог свидетель, я бы очень хотела, чтобы твоя мама изменилась, но она пропащий человек. Это давно ясно.

– Поэтому она меня не любит?

Бабушка посмотрела на Талли. За очками в темной роговой оправе ее бледно-серые глаза казались огромными.

– Она тебя любит, просто на свой манер. Поэтому и возвращается.

– Не очень-то похоже на любовь.

– Это верно.

– По-моему, я ей даже не нравлюсь.

– Это я ей не нравлюсь. Много лет назад кое-что случилось, и я не... Впрочем, какая уж теперь разница. – Бабушка крепче прижала к себе Талли. – Уверена, когда-нибудь она будет локти кусать, что все эти годы ее не было рядом.

– А я смогу показать ей альбом.

– Вот и славно, – отозвалась бабушка, не глядя на нее. Помолчав, она добавила: – С днем рождения, Талли, – и поцеловала ее в лоб. – А теперь я пойду посижу с дедушкой, ему что-то сегодня нехорошо.

Когда бабушка вышла, Талли осталась сидеть на диване, уставившись на пустую первую страницу нового альбома. Это же будет идеальный подарок для мамы – показать ей все, что она пропустила. Но чем его заполнить? Своих фотографий у нее было совсем немного – почти все сделаны чужими мамами на чужих днях рождения или в школьных поездках. У бабушки глаза уже не те, ей с этими крохотными видеокамерами не управиться. А мамина фотография вообще была всего одна.

Талли взяла ручку и старательно вывела число в правом верхнем углу страницы. Затем нахмурилась. Что еще написать? *Милая мамочка, сегодня мне исполнилось одиннадцать лет...*

С этого дня она начала собирать в альбоме нехитрые свидетельства своей жизни. Школьные фото, фото со спортивных соревнований, корешки от билетов в кино. Год за годом она тщательно документировала каждый свой счастливый день, старательно описывала, где была и что делала, и приклеивала билетик или квитанцию в качестве подтверждения. Постепенно она стала немного приукрашивать события, чтобы показать себя с лучшей стороны. Не врала, всего лишь чуть преувеличивала. Добавляла разные мелочи, чтобы мама могла по-настоящему ей гордиться. Альбомы заполнялись один за другим. На каждый день рождения она получала новый, и так продолжалось, пока ей не исполнилось четырнадцать.

Тогда что-то в ней переменялось. Она сама толком не знала, что именно. Грудь у нее выросла раньше, чем у остальных девочек в классе, может, дело было в этом; а может, ей просто надоело переносить свою жизнь на страницы альбомов, которые никто и никогда не просил полистать. В четырнадцать она решила: хватит. Сложила свои детские альбомы в картонную коробку и сунула ее в дальний угол шкафа, а бабушку попросила новых не покупать.

– Ты уверена, моя зайка?

– Угу, – ответила Талли.

Отныне она не будет и вспоминать о своей матери, отныне ей плевать. В школе она стала говорить всем, что мать утонула, катаясь на яхте.

Эта ложь принесла освобождение. Одежду она теперь покупала не в детских магазинах, а в молодежной секции – короткие футболочки в обличку, которые подчеркивали новообретенную грудь, джинсы-клеш с низкой посадкой, отлично сидевшие на заднице. От бабушки

их приходилось прятать, но больших ухищрений это не требовало: надеваешь пуховый жилет потолще, прощаешься в дверях покороче – и можно выходить из дома в чем душа пожелает.

Она быстро заметила, что если одеваться как следует и вести себя определенным образом, то все самые классные ребята захотят с тобой тусоваться. По пятницам и субботам она говорила бабушке, что останется ночевать у подружки, а сама отправлялась кататься на роликах в Лейк-Хиллз, где никто не задавал вопросов про семью и ни у кого во взгляде не читалось «бедненькая Талли». Она научилась курить взтяг, не кашляя, а после отбивать запах жвачкой.

К восьмому классу она сделалась одной из самых популярных девочек в средней школе, завела множество друзей, и это ей здорово помогало. Жизнь бурлила, не оставалось времени думать о женщине, которая ее бросила.

И все же изредка она чувствовала себя... не то чтобы одинокой... но какой-то не такой. Оторванной от мира. Будто все люди вокруг – просто массовка.

Сегодня был как раз такой день. Она сидела на своем обычном месте в школьном автобусе, со всех сторон гудели разговоры. Казалось, абсолютно все болтали о своих семейных делах, а Талли сказать было нечего. Она не знала, каково это – подраться с младшим братом, поехать с мамой за покупками, поругаться с родителями и сидеть дома в наказание за то, что огрызалась. Когда автобус наконец затормозил возле ее остановки, она поспешно вскочила, но перед выходом нарочито громко прощалась с друзьями, махала им, заливисто хохотала. Притворялась; в последнее время она только и делала, что притворялась.

Когда автобус уехал, она поправила рюкзак на плече и поплелась к дому. И, едва повернув за угол, увидела фургон.

Он был припаркован напротив бабушкиного дома – все тот же красный, побитый жизнью «фольксваген». Даже виниловые наклейки с цветами на месте.

Глава третья

Было еще темно, когда зазвонил будильник. Кейт Маларки застонала и осталась лежать, уставившись на скошенный потолок. Ее тошнило от одной мысли о школе.

Восьмой класс как-то с самого начала не задался, и весь 1974-й вышел отстойным, целый год социального вакуума. Слава богу, хоть учиться осталось всего месяц. Только вряд ли на каникулах что-то изменится.

В шестом классе у нее было сразу две лучших подружки – они все делали вместе: выступали на конных соревнованиях, ходили в кружки, катались на велосипедах. Но летом, когда им исполнилось по двенадцать, все вдруг закончилось. У подруг просто крышу снесло, по-другому и не скажешь. Они курили травку перед уроками, часто прогуливали школу и не пропускали ни одной вечеринки. А когда поняли, что Кейт ничего этого делать не хочет, перестали с ней общаться. Совсем. Да только «хорошие» ребята в школе все равно обходили ее стороной – за то, что раньше дружила с укурками. Поэтому теперь ее единственными друзьями были книги. Она столько раз читала «Властелина колец», что многие сцены помнила почти наизусть.

И уже одно это не слишком способствовало повышению социального статуса.

Со вздохом она выбралась из постели. В крохотной кладовке второго этажа, которую только недавно переделали в ванную, она быстро приняла душ и заплела свои прямые светлые волосы в косу, затем надела очки – дурацкие, в роговой оправе. Такие давно вышли из моды, теперь все носят круглые, вообще без оправы, но папа сказал, что денег на новые очки пока нет.

Спустившись по лестнице, она подошла к задней двери, обернула штанины своих расклеванных брюк вокруг икр и сунула ноги в черные резиновые сапоги огромного размера, которые всегда стояли на крыльце. Переступая по грязи, точно Нил Армстронг по поверхности Луны, она приблизилась к хлеву на другом конце двора. Их старая кобыла, чуть прихрамывая, подошла к изгороди, поприветствовала хозяйку тихим ржанием.

– Привет, Горошинка, – отозвалась Кейт и, бросив в кормушку охапку сена, почесала мягкое бархатное ухо. – Я тоже по тебе скучаю, – добавила она, и это была чистая правда.

Еще два года назад они были неразлучны, Кейт каталась на Горошинке все лето, взяла кучу наград на сельской ярмарке Снохомиша.

Но жизнь порой так быстро меняется. Теперь она хорошо это понимала. Сегодня твоя лошадь здорова, а завтра уже состарилась и хромот. Сегодня дружишь с человеком, а завтра вы друг другу чужие.

– Пока, – сказала она и в темноте поплюхала по дорожке обратно к дому.

Оставив облепленные грязью сапоги на крыльце, она открыла дверь и тут же оказалась в эпицентре хаоса. Мама, в застиранном халате в цветочек и пушистых розовых тапочках, стояла у плиты с ментоловой сигаретой в зубах и лила тесто в прямоугольную электрическую сковородку. Ее каштановые волосы до плеч были стянуты ярко-розовыми ленточками в два тощих хвостика.

– Кейти, накрой на стол, – велела она, не отрывая взгляда от сковородки. – Шон! Спускайся сию минуту!

Кейт повиновалась. Едва она закончила, мама принялась разливать молоко по стаканам.

– Шон, завтракать! – снова прокричала она и на этот раз добавила волшебные слова: – Молоко уже налито!

Секунды не прошло, как восьмилетний Шон вихрем слетел по лестнице, рванул к бежевому в крапинку столу и, споткнувшись по пути о щенка лабрадора – нового члена семьи Маларки, – весело засмеялся.

Усаживаясь на свое обычное место за столом, Кейт мимоходом бросила взгляд в гостиную, а оттуда, сквозь большое окно над диваном, – на улицу. И увидела кое-что весьма неожиданное: к дому напротив поворачивал грузовик.

– Ого. – Не выпуская из рук тарелку, она выскочила в гостиную, замерла у окна и уставилась на дом, отделенный от них дорогой и тремя акрами принадлежавшей им земли. В этом доме уже сто лет никто не жил.

Она услышала за спиной шаги матери – та звонко прошлепала по кухонному линолеуму с кирпичным узором, потом мягко прошелестела по мшисто-зеленому ковровину гостиной.

– Кто-то въезжает в дом напротив, – объяснила Кейт.

– Правда?

Нет, неправда, я вру.

– Вот будет здорово, если там поселится семья с девочкой твоего возраста. Подружитесь с ней.

Кейт еле сдержалась, чтобы не огрызнуться. Только мамы считают, что в средней школе вот так в два счета заводят друзей.

– Ага, запросто.

Она резко повернулась и вместе с тарелкой вышла в коридор, где и прикончила свой завтрак на глазах у Иисуса, глядевшего на нее со стены.

Мама, разумеется, притащилась за ней следом. Встала у гобелена с изображением «Тайной вечери» и молчит.

– Чего? – рявкнула Кейт, когда ее терпение лопнуло.

Мама едва слышно вздохнула.

– Почему мы теперь вечно ругаемся?

– Ты первая начинаешь.

– И каким же образом? Говорю «привет, как дела»? Да уж, вот ведь мегера.

– Не я это сказала.

– Знаешь, это не моя вина вообще-то.

– Что не твоя вина?

– Что у тебя нет друзей. Если бы ты...

Кейт молча развернулась и зашагала прочь. Честное слово, еще одна речь в духе «ах, если бы ты чуточку постаралась», и ее стошнит.

Мама в кои-то веки не последовала за ней. Она вернулась на кухню, крикнула:

– Поторапливайся, Шон. Школьный автобус Маларки выезжает через десять минут.

Брат захихикал. Кейт, поднимаясь по лестнице, закатила глаза. Так тупо. Одна и та же дебильная шутка каждый день, а он все смеется. И чего он вечно такой довольный?

И следом за вопросом в голове тут же пронесся ответ: потому что у него есть друзья. А с друзьями все становится проще.

Она пряталась в своей комнате, пока не услышала, как заурчал во дворе двигатель старого «форда». Ей вовсе не хотелось, чтобы в школу ее подвозила мама, которая, стоило Кейт вылезти из машины, во весь голос вопила «пока-пока» и остервенело, точно игроки в программе «Цена удачи»⁹, махала рукой. Ездить в школу с родителями – значит добровольно поставить крест на собственной репутации. Лишь когда колеса прошуршали по гравию, Кейт спустилась, помыла посуду, собрала вещи и вышла на улицу. Светило солнце, но подъездную дорожку после вчерашнего ливня совсем развезло, лужи на ней стояли размером с автомобильную крышку. Старики, днями и ночами торчавшие в местном магазине хозяйственных товаров, наверняка уже постановили, что наводнения не избежать. Грязь засасывала подошвы ботинок – жал-

⁹ *The Price is Right* – американская телевизионная игра, существующая с 1972 года. Цель участников – угадать цену товара, который показывает ведущий. В России аналогичная программа выходила в 2005–2006 годах под названием «Цена удачи».

ких подделок под модные фирменные, – идти приходилось медленно. Кейт так внимательно глядела под ноги, стараясь не запачкать свои единственные радужные носки, что девушку, стоявшую у дома напротив, заметила, лишь когда дошла до самой остановки.

А девушка была ужасно красивая. Высокая, с большой грудью и рыжевато-каштановыми кудрями, она была похожа на Каролину Монакскую – такая же светлая кожа, пухлые губы, длинные ресницы. И одета *отпадно*: джинсы сидят низко-низко, застегиваются всего на три пуговицы, а по бокам вшиты такие огромные клинья вареной джинсы, что клеш получается просто нереальный; на ногах туфли на пробковой платформе – высотой сантиметров десять, не меньше, а из-под розовой, с широченными рукавами блузки в деревенском стиле выглядывает полоска голого живота.

Кейт прижала учебники к груди, мучительно сожалея о том, что вчера вечером не сдержалась и расковыряла несколько прыщей. А также о том, что джинсы на ней старомодные и прямые, как рельса.

– П-привет, – сказала она, замерев напротив новенькой. – Автобус с этой стороны останавливается.

Шоколадно-карие глаза, обведенные сверкающими синими тенями, без всякого выражения взглянули на нее из-под густо накрашенных ресниц.

Показался автобус. Закряхтел, заскрипел и наконец, вздрогнув, остановился. Один мальчик, в которого Кейт когда-то была влюблена, высунул голову в окно, прокричал:

– Эй, Чмоларки, штанов покороче не нашла? – и расхохотался.

Понурился, Кейт забралась в автобус. Плюхнулась на сиденье в первом ряду – как всегда одна, – устала себе под ноги и стала ждать, когда новенькая пройдет мимо, но больше никто в автобус не сел. Лишь когда дверь с грохотом закрылась и автобус тронулся, Кейт посмела обернуться и выглянуть в окно.

Но самая крутая девчонка на планете уже исчезла.

Сразу видно – Талли здесь чужая. Перед выходом она часа два думала, что надеть, выбрала безупречный наряд, будто прямоком со страниц «Севентин»¹⁰, – и прогадала по всем пунктам.

Едва подъехал автобус, она приняла решение: в этом захолустье она в школу ходить не станет. От Снохомиша до центра Сиэтла всего час пути, это верно, но с тем же успехом можно было отправиться на луну. Все здесь не по-людски.

Нет.

Не дождетесь.

Она промаршировала по гравийной дорожке обратно к дому и с такой силой толкнула дверь, что та, распахнувшись, грохнула об стену.

Никогда не повредит добавить чуточку драмы, в этом Талли давно убедилась, – просто чтобы расставить акценты, подчеркнуть непримиримость своей позиции.

– Ты, видно, совсем обкурилась, – громогласно заявила она и лишь секунду спустя осознала, что в гостиной нет никого, кроме грузчиков.

Один из них на мгновение замер, устало покосился в ее сторону:

– А?

Талли протиснулась мимо, так сильно пихнув шкаф, который грузчики держали на весу, что те вполголоса выругались. Ей было плевать. Она страшно разозлилась, казалось, вот-вот лопнет от гнева – ужасно мерзкое чувство.

Много чести – злиться из-за выходов ее так называемой матери, которая всю жизнь только и делала, что раз за разом ее бросала.

¹⁰ *Seventeen* (англ. «семнадцать») – американский журнал о моде, ориентированный на девочек-подростков.

Мать сидела на полу в спальне, вырезала какие-то картинки из «Космо». На голове, как обычно, гнездо: косматая грива спутанных волнистых волос перехвачена кожаной лентой с бусинами – такие вышли из моды лет сто назад. Даже не взглянув на Талли, она перевернула страницу; со следующего разворота усмехался, прикрывая рукой член, совершенно голый Берт Рейнолдс¹¹.

– Не буду я ходить в эту отсталую школу для деревенщин.

– Нет? – Мама снова перелистнула страницу, потянулась за ножницами и принялась вырезать цветы из рекламы шампуня. – Ну ладно.

Талли едва не завопила в голос.

– Ну ладно? *Ну ладно?! Мне четырнадцать лет!*

– Мое дело тебя любить и поддерживать, милая, а не палки в колеса вставлять.

Талли закрыла глаза, сосчитала до десяти.

– Я здесь никого не знаю.

– Так узнай. Я слышала, в своей старой школе ты была мисс Популярность.

– Ну, блин, мам, я...

– Дымка.

– Да не стану я звать тебя Дымкой!

– Как скажешь, Таллула.

Она подняла взгляд, чтобы убедиться, что Талли все ясно. Ей, разумеется, было ясно.

– Я здесь чужая.

– Ты ведь знаешь, что это неправда, Талли. Разве может дитя земли и небес быть где-то чужим? В Бхагавадгите говорится...

– Проехали.

Талли отвернулась, не дослушав. Очередная укуренная мудрость, которой место на психоделическом постере, ей была не нужна даром. В гостиной она ненадолго замешкалась, стащила из сумки матери пачку сигарет «Вирджиния слимз» и снова вышла на улицу.

Всю следующую неделю Кейт издалека наблюдала за новенькой.

Талли Харт была не такой, как все, – она казалась увереннее, невозмутимее, будто бы ярче остальных ребят, что бродили по вылинявшим зеленым коридорам школы. Гулять ей разрешали хоть всю ночь, к тому же она ни капельки не боялась, что ее застукают за курением в лесу позади школы. Все только об этом и говорили, Кейт постоянно слышала восхищенные перешептывания. Среди подростков Снохомиша, родители которых работали кто на молочной ферме, кто на бумажной фабрике, Талли Харт была диковинкой. Каждый хотел с ней подружиться.

Внезапная популярность соседки заставила Кейт еще острее почувствовать собственное одиночество. Она и сама толком не понимала почему. Знала только, что каждое утро, пока они стояли на остановке, совсем рядом и все же невозможно далеко друг от друга, разделенные зияющей пропастью молчания, ей мучительно, невыносимо хотелось, чтобы Талли ее заметила.

Впрочем, этому не бывать.

– ...пока «Шоу Кэрл Бернетт»¹² не началось. Все готово. Кейт? Кейти?

Кейт, очнувшись, подняла голову. Она заснула прямо за кухонным столом, над учебником обществознания.

– А? Ты что-то сказала? – спросила она, поправляя на носу очки в толстой оправе.

– Я приготовила запеканку для наших новых соседей. Сходи отнеси.

¹¹ Берт Рейнолдс (1936–2018) – один из самых популярных американских актеров 1970-х. Упомянутая здесь фотография 1972 года превратила Рейнолдса в секс-символ эпохи. Это был первый в американской истории журнальный разворот с обнаженным мужчиной.

¹² «Шоу Кэрл Бернетт» – американская комедийная телепрограмма, выходившая в 1967–1978 годах.

– Но... – Кейт отчаянно пыталась придумать отговорку, любую, лишь бы отмазаться, – они ж неделю как приехали.

– Ну что поделаешь, раньше не получилось. Всё дела, дела.

– У меня домашки куча, пусть Шон ходит.

– Сомневаюсь, что Шон там с кем-нибудь подружится.

– Можно подумать, я подружусь, – с тоской отозвалась Кейт.

Мама повернулась к ней. Каштановые волосы, которые она старательно завила и начесала утром, к вечеру снова повисли унылыми прядями, следов макияжа почти не осталось. Ее круглое, пухлешекое лицо выглядело бледным, потускневшим. Фиолетово-желтая, вязанная крючком жилетка – прошлогодний подарок на Рождество – была застегнута сикось-накось. Не сводя взгляда с Кейт, она подошла и села за стол.

– Можно я кое-что скажу, а ты не будешь кусаться?

– Это вряд ли.

– Мне жалко, что у вас с Джоанни все так получилось.

Кейт чего угодно ожидала, но не этого.

– Да ну, ерунда.

– Нет, не ерунда. Я слышала, у нее теперь своя компания, и довольно непутевая.

Кейт хотела было ответить, что ей все равно, плевать с высокой колокольни, но вдруг с ужасом почувствовала, как защипало в глазах. Накрыло воспоминаниями: вот они с Джоанни на ярмарке, катаются на каруселях, вот сидят возле конюшни, обсуждают, как весело будет учиться в старших классах. Она пожала плечами.

– Угу.

– Иногда в жизни бывает трудно. Особенно если тебе четырнадцать.

Кейт закатила глаза. Можно подумать, мама хоть что-то понимает в проблемах подростков, представляет, как это тяжело.

– Ни хрена себе новости.

– Я сейчас притворюсь, что этого слова от тебя не слышала. Это будет нетрудно, ведь больше я его никогда не услышу, правда?

Кейт вдруг страшно захотелось быть похожей на Талли. *Талли* не сдалась бы вот так запросто. Наверняка бы еще и закурила на глазах у матери, посмотрела, что она на это скажет.

Мама пошарила в бездонном кармане юбки и достала сигареты. Прикуривая, она все не сводила взгляда с Кейт.

– Ты знаешь, что я тебя люблю, во всем поддерживаю и никому не позволю тебя обижать. Но, Кейти, я не могу не спросить: чего ты ждешь?

– В смысле?

– Ты целыми днями торчишь дома, читаешь и делаешь домашку. Разве так с людьми знакомятся?

– Да никто не хочет со мной знакомиться.

Мама ласково погладила ее по руке:

– Не стоит сидеть и ждать, пока кто-нибудь другой придет и изменит твою жизнь. Вот ради чего женщины вроде Глории Стайнем жгут бюстгальтеры¹³ и устраивают демонстрации в Вашингтоне.

– Ради того, чтобы я могла завести друзей?

– Ради того, чтобы ты могла стать кем угодно – кем захочешь. Ведь вашему поколению так повезло. Можете выбирать, кем быть. Но иногда ради этого приходится рискнуть. Сделать

¹³ Глория Стайнем (р. 1934) – американская журналистка и политическая активистка, одна из лидеров феминистского движения конца 1960-х – начала 1970-х. Фраза отсылает к знаменитой акции 1968 года: протестуя против проведения конкурса «Мисс Америка», активистки сжигали символы угнетения и овеществления женщин – корсеты, номера журнала «Плейбой» и т. д. Стайнем в этой акции участия не принимала.

первый шаг. Я одно могу сказать: сожалеть в жизни приходится только о том, на что когда-то не решилась.

В голосе матери Кейт вдруг почудилось что-то непривычное, в слове «сожалеть» звякнула нотка грусти. Но, впрочем, что могла мама знать о кровавой борьбе за популярность в старшей школе? С тех пор, как она сама была подростком, сто лет прошло.

– Ага, как же.

– Это правда, Кейтлин. Однажды ты поймешь, что я вовсе не так глупа, как тебе кажется. – Она улыбнулась и снова коснулась руки дочери. – Вот будешь в первый раз просить, чтобы я посидела с твоими детьми, тогда и поймешь – если, конечно, ты такая же, как все женщины.

– Ты о чем вообще?

Мама рассмеялась, хотя Кейт ничего смешного в этом не видела.

– Я рада, что мы поговорили. А теперь иди, знакомься с соседкой. Вы подружитесь.

Ага. По-любому.

– Рукавицы только надень, горячо.

Класс. Еще рукавиц не хватало.

Кейт подошла к плите и уставилась на красно-коричневое месиво в прямоугольной форме. Медленно, точно во сне, оторвала кусок фольги, накрыла запеканку и подвернула края, затем натянула толстые стеганые рукавицы, которые сшила тетя Джорджия. С запеканкой в руках она подошла к задней двери, сунула ноги в свои убогие, прикидывающиеся модными ботинки и по вязкой, чавкающей дорожке зашагала к соседнему дому.

Дом, построенный в форме буквы «Г», низкий и длинный, точно приплюснутый, стоял задом к дороге. Крыша из дранки вся поросла мхом. Некогда белые стены давно не видели краски, водосточные желоба забились листьями и сучьями. Здоровенные кусты рододендрона заслоняли почти все окна, разросшийся можжевельник окружил дом колючей зеленой стеной. За этим садом много лет никто не следил.

Кейт остановилась у двери, сделала глубокий вдох.

С трудом удерживая запеканку одной рукой, она стянула со второй рукавицу и постучала.

Пожалуйста, пусть никого не будет дома.

Почти сразу же внутри раздались шаги.

Затем дверь распахнулась, и перед Кейт предстала высокая женщина, одетая в свободное, струящееся платье. Лоб перехвачен расшитой бисером лентой. В уши продеты разномастные сережки. У нее был странный расфокусированный взгляд, точно у близоруких, которые без очков ничего не видят, но ее красота – пронзительная, хрупкая – все равно бросалась в глаза.

– Да?

Странная, пульсирующая музыка раздавалась будто бы со всех сторон одновременно; внутри стоял полумрак, лишь красные и зеленые лава-лампы озаряли комнату жутковатым свечением.

– Здравствуйтесь, – заикаясь, пробормотала Кейт. – Моя мама вам запеканку приготовила.

– Ништяк. – Женщина качнулась назад, едва не упала.

И вдруг из-за ее спины появилась Талли, вернее сказать, вылетела, двигаясь с уверенностью и изяществом, которые пришлись бы впору кинозвезде, а не четырнадцатилетней девочке. Одетая в ярко-синее короткое платье и высокие белые сапоги, она выглядела достаточно взрослой, в самый раз, чтобы водить машину. Ни слова не говоря, она схватила Кейт за локоть, втащила ее в дом и провела через гостиную в абсолютно розовую кухню – розовым было все: стены, шкафы, занавески, столешницы. Когда Талли наконец посмотрела на нее, Кейт почудилось, что во взгляде ее темно-карих глаз промелькнуло что-то очень похожее на стыд.

– Это твоя мама? – спросила она, не придумав, о чем бы еще завести разговор.

– У нее рак.

– Ой. – Кейт понятия не имела, как на это реагировать. – Как жалко.

Кухню затопило тишиной. Не смея поднять глаза на Талли, Кейт разглядывала стол. Она в жизни своей не видела столько «вредной» еды разом. Печенье, сладкие хлопья для завтрака, пачки кукурузных чипсов, попкорн, покупные кексы с разными начинками.

– Ого. Вот бы мне мама разрешала все это есть.

Она тут же пожалела, что вообще раскрыла рот. Прозвучало это ужасно тупо и по-детски. Чтобы не стоять столбом, разглядывая каменное лицо Талли, она опустила запеканку на кухонную столешницу.

– Осторожно, горячая еще, – предупредила она и тут же поняла, что опять сморозила глупость – и так ясно, что горячая, не зря же она заявила в рукавицах с кита размером.

Талли наблюдала за ней, прислонившись спиной к розовой стене и раскуривая сигарету.

Кейт с опаской покосилась на дверь в гостиную:

– А ее не волнует, что ты куришь?

– Ее вообще ничего не волнует, слишком сильно болеет.

– А-а.

– Хочешь затянуться?

– М-м... нет, спасибо.

– Ну да. Я так и думала.

Со стены на них смотрели часы в виде кота. Кот водил из стороны в сторону глазами, помахивал хвостом, отмеряя секунды.

– Ну, тебе, наверное, пора домой, ужинать, – сказала Талли.

– Да, – согласилась Кейт, чувствуя себя еще большим задротом, чем прежде, – точно.

Талли снова провела ее через гостиную; ее мать теперь лежала на диване, раскинув в стороны руки.

– Пока, соседская девочка, которая старается быть гостеприимной.

Талли рывком распахнула дверь. Обнажился мутный багровый прямоугольник закатных сумерек, который казался слишком ярким, каким-то ненастоящим.

– Спасибо за еду, – сказала она. – Я готовить не умею, а Дымка вон сама уже готовенькая, если ты понимаешь, о чем я.

– Дымка?

– Моя мать. Теперь она так себя называет.

– А-а.

– Вообще было бы круто уметь готовить. Или хотя бы повара нанять, типа того. Ну, в смысле, раз у мамы рак.

Талли посмотрела прямо на Кейт.

Скажи, что можешь научить.

Рискни.

Но она не решилась. Слишком уж большого унижения это могло стоить.

– Ну... пока.

– Увидимся.

Кейт шагнула мимо нее и слилась с сумерками.

Уже на полпути к дороге Талли окликнула ее:

– Эй, погоди!

Кейт медленно обернулась.

– Тебя как зовут-то?

Вспышка надежды.

– Кейт. Кейт Маларки.

– А-а, Маларки-Чмоларки? – рассмеялась Талли.

Кейт эта дурацкая школьная дразнилка смешной не казалась. Она снова отвернулась.

– Прости, я не хотела, – сказала Талли, но смеяться не перестала.

– Ну да, как же.

– Ладно, хочешь, обижайся на всякую хрень, дело твое.

Кейт молча пошла прочь.

Глава четвертая

Талли смотрела ей вслед.

– Зря я это сказала, – произнесла она вслух, и под бескрайним небом собственный голос показался ей совсем тоненьким, незначительным.

Она и сама не знала толком, зачем сказала это, почему ей вдруг захотелось высмеять соседку. Со вздохом она вернулась в дом. Ее тут же окутал запах марихуаны, в глазах защипало от дыма. Мать лежала, распростершись, на диване, одна нога на подушках, другая на кофейном столике. Нижняя челюсть отвисла, в уголках губ блестели капельки слюны.

И эта девочка из соседнего дома все видела. Талли обдало жаркой волной стыда. Да про нее в понедельник вся школа говорить будет. *Мать Талли Харт – обдолбанная хиппи.*

Поэтому она и не приглашала никого в гости. Если уж берешься хранить секреты, храни их в укромном месте, подальше от посторонних глаз.

Она бы что угодно отдала, лишь бы иметь мать, которая готовит запеканки для соседей. Так вот почему ей захотелось поиздеваться над фамилией девчонки из дома напротив? От этой мысли Талли рассердилась и с силой захлопнула дверь.

– Дымка. Вставай!

Всхрапнув, мать села на диване.

– Ш-ш-што случилось?

– Ужинать пора.

Дымка откинула с лица мочалку свалывшихся волос и с трудом сфокусировала взгляд на часах, висевших на противоположной стене.

– Мы в богадельне или где? Кто ужинает в пять?

Талли немало удивилась, что мать вообще в состоянии разобрать, который час. Она вернулась в кухню, отрезала два куса запеканки, разложила по тарелкам и снова вышла в гостиную.

– Держи. – Она вручила матери тарелку.

– Это откуда? Ты приготовила?

– Вот еще. Соседка принесла.

Дымка медленно обшарила комнату мутным взглядом.

– У нас есть соседи?

Талли не ответила. Все равно мать вечно забывала, о чем идет речь. С ней невозможно было поддержать осмысленный разговор, и обычно Талли было плевать – вести беседы с матерью ее тянуло не больше, чем смотреть черно-белые фильмы, – но именно сейчас, после того как в доме побывала та девчонка, Талли очень остро ощутила разницу между ними. Будь у нее настоящая семья – настоящая мать, которая печет запеканки и таскает их соседям, – она бы не чувствовала себя так одиноко. Она опустилась в одно из кресел-мешков горчичного цвета, стоявших по бокам от дивана, и осторожно спросила:

– Интересно, что бабушка сейчас делает?

– Небось клепает очередную идиотскую вышивку, «Иисус в твоём сердце» или что-нибудь в этом духе. Типа, спасает душу. Ха. Как в школе дела?

Талли резко вскинула голову. Она поверить не могла, что мать интересуется ее делами.

– Куча народу, все хотят со мной тусоваться, но... – Она нахмурилась. Можно ли подобрать слова, чтобы объяснить, чего ей не хватает? Ясно было только одно: одиночество ходило за ней по пятам даже в толпе новых друзей. – Я все жду...

– А кетчуп у нас есть? – Уставившись на свой кусок запеканки, мать тыкала в него вилкой и чуть покачивалась в такт музыке.

Почувствовав болезненный укол разочарования, Талли разозлилась на себя. Развесила уши! Можно подумать, не знает, что за мать ей досталась.

– Я к себе, – бросила она, выбираясь из кресла.

И, прежде чем захлопнуть дверь своей комнаты, услышала, как мать задумчиво бормочет:

– Может, не кетчуп, а сыр?

Ночью, когда все давно уже легли спать, Кейт крадучись спустилась по лестнице и, надев огромные резиновые сапоги отца, выскользнула на улицу. Это вошло у нее в привычку – бессонными ночами выходить на задний двор. Над головой раскинулось необъятное, усыпанное звездами небо. Под этим небом она чувствовала себя крохотной, несущественной. Девочка-подросток, совсем одна на пустой улице, которая даже не ведет никуда.

Горошинка с тихим ржанием подошла ближе.

Кейт, усевшись на изгородь, достала из кармана куртки морковку.

– Привет, моя хорошая.

Она перевела взгляд на другую сторону улицы, туда, где стоял соседский дом. Уже полночь, но свет еще не погасили. Наверняка у Талли вечеринка, все крутые ребята собрались. Танцуют, смеются, обсуждают, как классно живется на свете, когда ты настолько крут.

Кейт все бы отдала, лишь бы ее хоть раз пригласили на такую вечеринку.

Горошинка ткнулась носом в ее колено, фыркнула.

– Знаю-знаю, размечталась.

Со вздохом Кейт слезла с изгороди и, напоследок похлопав кобылу по шее, пошла обратно к дому.

Несколько дней спустя, после ужина, состоявшего из печенья и сладких кукурузных хлопьев, Талли отправилась напрямик в ванную. Там она целую вечность стояла под горячим душем, затем тщательно брила ноги и подмышки, затем сушила голову феном, долго и обстоятельно, пока волосы, разделенные пробором пополам, не сделались безукоризненно прямыми и гладкими. Покончив с этим, она подошла к шкафу и уставилась внутрь, гадая, что надеть. Это первая в ее жизни вечеринка старшеклассников – выглядеть нужно на все сто. Из средней школы больше никого не позвали, только ее. Потому что она – особенная. Ее пригласил на свидание сам Пат Ричмонд, главный красавчик футбольной команды. Дело было в среду, они тусовались в закусочной, Талли со своими друзьями, он – со своими. Хватило одного взгляда. Пат тут же отделился от группы парней и направился в ее сторону.

Талли, увидев это, едва не хлопнулась в обморок. Музыкальный автомат заиграл «Лестницу в небеса»¹⁴. Романтичнее не придумаешь.

– Я могу влипнуть в неприятности только за то, что решил с тобой заговорить, – сказал он.

Талли, изо всех сил пытаясь выглядеть взрослой и умудренной опытом, ответила:

– А я люблю неприятности.

Он улыбнулся так, как никто и никогда не улыбался ей прежде. Впервые в жизни она поверила, что все, кто называет ее красавицей, ни капли не преувеличивают.

– Хочешь пойти со мной на вечеринку в эту пятницу?

– Попробую освободить вечер. – Талли ответила фразой, которую как-то услышала из уст Эрики Кейн в сериале «Все мои дети»¹⁵.

– Заеду за тобой в десять. – Он наклонился ближе: – Если, конечно, тебя отпускают гулять так поздно.

¹⁴ *Stairway to Heaven* (1971) – песня *Led Zeppelin*.

¹⁵ «Все мои дети» (1970–2011) – американская мыльная опера.

– Улица Светлячков, дом семнадцать. И я гуляю когда захочу.

Он снова улыбнулся.

– Кстати, я Пат.

– Талли.

– Ну, Талли, увидимся в пятницу, в десять.

Она до сих пор сама себе не верила. Предыдущие два дня только и думала, что о первом своем настоящем свидании. До этого она гуляла с парнями разве что в компании или ходила на школьную дискотеку. Но тут дело совсем другое, Пат вообще, считай, взрослый мужчина.

Они ведь могут полюбить друг друга – Талли в этом не сомневалась. И тогда, взявшись за его руку, она перестанет чувствовать себя такой одинокой.

После долгих терзаний она наконец выбрала наряд на вечер.

Джинсы клеш с низкой посадкой, трикотажный розовый топ в обтяжку с большим вырезом, открывающим грудь, любимые туфли на пробковой платформе. Красилась она почти час, наносила косметику слой за слоем, пока отражение в зеркале не сделалось по-настоящему сногшибательным. Ей хотелось, чтобы Пат увидел, какой красоткой она может быть.

Прихватив материну пачку сигарет, она вышла из комнаты.

В гостиной мать, оторвавшись от журнала, уставилась на нее мутным взглядом:

– Эй, уже пощити десять, ты куда собралась?

– Один парень на вечеринку позвал.

– Он у нас?

Ага, конечно. Так я его и пригласила зайти.

– Мы у дороги договорились встретиться.

– А-а. Ну ладно. Будешь возвращаться – не сильно шуми, я уже спать лягу.

– Хорошо.

На улице было темно и прохладно. По небу мерцающей дорожкой тянулся Млечный Путь.

Талли остановилась на обочине у почтового ящика и стала ждать, переминаясь с ноги на ногу, чтобы хоть немного согреться. Голые руки покрылись мурашками. Кольцо настроения на среднем пальце из зеленого стало фиолетовым. Она попыталась припомнить, что это значит.

На холме по другую сторону дороги стоял, сияя в темноте, уютный соседский домик. Из окон топленным маслом разливался свет. Наверное, сидят сейчас за большим столом, играют в «Монополию». Интересно, что они скажут, если взять и заявиться однажды в гости – просто позвонить в дверь, мол, здрасте?

Послышался гул мотора, затем вдали сверкнули фары. Тут же напрочь забыв о семье из дома напротив, она выскочила на дорогу и принялась махать.

Зеленый «додж-чейнджер» затормозил с ней рядом; казалось, машина вся вибрирует, пульсирует звуком. Талли залезла на пассажирское сиденье. Музыка играла так громко, что она сама себя не слышала.

Улыбнувшись ей, Пат ударил по газам, и они с космической скоростью рванули вперед по тихой проселочной дороге.

Вскоре Пат свернул на грунтовку, и Талли поняла, что они на месте. Посреди огромного поля несколько десятков машин с горящими фарами образовали широкий круг. Кто-то оставил включенным радио: *Bachman-Turner Overdrive* орали из динамиков, что «заняты делами»¹⁶. Пат припарковался неподалеку, у небольшой рожицы за оградой.

Везде тусовались старшекласники – вокруг костра, вокруг огромных бочонков с пивом, оставленных прямо на траве. Земля была усыпана пластиковыми стаканчиками. Чуть поодаль,

¹⁶ *Bachman-Turner Overdrive* – канадская рок-группа, существовавшая с 1973 по 2005 год. *Taking Care of Business* — песня группы, записанная в 1973 году.

возле амбара, какие-то парни играли в тач¹⁷. Стоял конец мая, то есть до лета еще жить и жить, и почти все были в куртках. Талли пожалела, что не оделась потеплее.

Пат, крепко держа ее за руку, пробрался сквозь толпу парочек к одному из бочонков и налил им обоим пива.

Талли взяла протянутый ей стакан и следом за Патом вышла из освещенного фарами круга. Отыскав тихое местечко, Пат расстелил на земле свою спортивную куртку и жестом предложил ей сесть.

– Я когда тебя в первый раз увидел, глазам не поверил, – сказал он, усаживаясь рядом и отхлебывая из стакана. – Ты самая красивая девчонка в городе. Все парни тебя хотят.

– Но пришла-то я с тобой, – ответила Талли, улыбаясь. Она тонула в темных озерах его глаз.

Пат сделал огромный глоток, поставил полупустой стакан на землю и, наклонившись, поцеловал Талли.

Ее уже целовали раньше, несколько раз, в основном на дискотеках, – дождавшись медляка, парни начинали суетливо, нервно искать ее губы своими. Никакого сравнения. Губы Пата творили волшебство. Она блаженно выдохнула его имя. Когда Пат, подавшись назад, взглянул на нее, его глаза лучились чистой любовью.

– Я так рад, что ты пришла.

– И я.

Он опрокинул в рот остатки пива и поднялся:

– Надо заправиться.

Пока они стояли в очереди к бочонку, Пат, повернувшись к ней, вдруг нахмурился:

– А ты чего не пьешь? Я думал, ты умеешь по-настоящему отрываться.

– А то!

Талли нервно улыбнулась. Она еще ни разу не пробовала алкоголь, но не отказываться же, нельзя, чтобы Пат подумал, будто она какая-нибудь отличница-недотрога, это ему точно не понравится, а она страшно, отчаянно хотела ему нравиться.

– До дна, – сказала она и в один присест осушила стакан. Тут же, не сумев сдержаться, рыгнула и смущенно рассмеялась.

– Кайф, – одобрительно кивнул Пат и налил им еще по пиву.

Со вторым стаканом было проще, пиво уже не казалось таким мерзким, а к третьему она совершенно перестала чувствовать вкус. После пива она с готовностью хлебала дешевое вино из бутылки, которую откупорил Пат. Целый час они сидели на его куртке, прижавшись тесно-тесно друг к другу, пили и болтали. Он без конца трепался о каких-то своих друзьях, которых она даже не знала, но, впрочем, какая разница. То, как он смотрел на нее, как держал ее за руку, – вот что по-настоящему важно.

– Пойдем, – прошептал он ей на ухо, – потанцуем.

У Талли, едва она поднялась на ноги, закружилась голова. Она никак не могла удержать равновесие и, пока они танцевали, без конца спотыкалась. А потом и вовсе растянулась на траве. Пат засмеялся, схватил ее за руку, помог подняться и повел в укромное, романтическое местечко среди деревьев. Талли, хихикая и спотыкаясь, ковляла за ним следом и лишь вздохнула, когда он вдруг обернулся, обнял ее и поцеловал.

Ей было так хорошо, по всему телу разливалось тепло, кожу покалывало. Она прижималась к Пату, точно кошка, наслаждаясь этим чувством. Вот сейчас он прервет поцелуй и, чуть подавшись назад, посмотрит ей в глаза и скажет: «Я люблю тебя», прямо как Райан О'Нил в «Истории любви».

¹⁷ Тач-регби, или тач, – разновидность регби, в которой вместо захватов игроков из противоположной команды используются прикосновения.

Может, она даже назовет его мажором¹⁸, признаваясь в любви в ответ. И своя песня у них будет – «Лестница в небеса», конечно. Они станут всем рассказывать, что познакомились, когда...

Язык Пата разжал ее губы, проник в рот и принялся орудовать внутри, точно инопланетный зонд. Ей больше не было хорошо, ей было странно, неприятно. Она хотела сказать: «Хватит», но ничего не получилось, звука не было, Пат словно высосал весь воздух из ее легких.

Руки шарили по ее телу – скользили по спине, по талии, дергали на ней лифчик, пытаясь расстегнуть. Послышался омерзительный хлопок, и туго натянутые бретельки вдруг ослабли. Рука добралась до ее груди.

– Не надо... – пролепетала Талли, пытаясь отцепить от себя его руки. Она совсем другого хотела. Она хотела любви, романтики, волшебства. Хотела, чтобы ее любили. А вовсе не... этого.

– Нет, Пат, не надо...

– Да ладно ломаться, Талли. Сама знаешь, что хочешь.

Он толкнул ее, и она упала на спину, прямо на землю, больно ударившись головой. На мгновение перед глазами все поплыло. А когда мир вернулся в фокус, Пат уже стоял на коленях у нее между ног. Ее ладони, сложенные вместе, он одной рукой прижимал к земле.

– Вот это мне по вкусу, – сказал он, раздвигая ей ноги.

Задрал топ, уставился на ее обнаженную грудь.

– О да...

Накрыл одну из ее грудей рукой, больно ущипнул за сосок. Потом рука скользнула вниз, под пояс ее джинсов, в трусы.

– Не надо, пожалуйста... – Талли вся извивалась, отчаянно пытаясь вырваться, но это, казалось, только сильнее его возбуждало.

Пальцы скользнули ей между ног, резко толкнулись внутрь, задвигались в ее теле.

– Ну же, детка, расслабься, тебе понравится.

Талли почувствовала, как по щекам побежали слезы.

– Не надо...

– О-о да... – Он навалился на нее, придавил к мокрой холодной траве своим весом.

Слез было так много, что она сама чувствовала на губах их соленый вкус, но Пату, похоже, было все равно. Его поцелуи переродились во что-то совсем иное – склизкое, сосущее, зубастое; но боль, которую они причиняли, вдруг показалась едва ощутимой, когда по животу ударила пряжка его расстегнутого ремня и в тело резко вонзился его член...

Она крепко зажмурилась, не чувствуя ничего, кроме этой боли, разрывавшей плоть между ног, царапавшей внутренности.

А потом все кончилось. Пат скатился с нее, улегся рядом, прижал ее к себе, поцеловал в щеку, как будто то, что произошло между ними, называлось любовью.

– Эй, да ты плачешь. – Ласковым движением он убрал волосы с ее лица. – Ты чего? Я думал, ты хочешь.

Она не знала, что ответить. Как и все девочки, она частенько представляла себе, как именно лишится девственности, но ни разу в ее грезах это не происходило вот так. Она уставилась на него, не веря своим ушам.

– Хочу? Вот *этого*?

Морщинка досады расчертила пополам его гладкий лоб.

– Хорош, Талли, пойдем танцевать лучше.

¹⁸ «История любви» (1970) – американский фильм о любви между юношей и девушкой из разных социальных слоев. Героиня фильма, дочь пекаря Джинни Кавиллери, в шутку называла «мажором» (англ. *preppie*) своего возлюбленного Оливера Баррета IV, родом из богатой семьи.

От этого его тона – почти робкого, будто он и вправду не мог взять в толк, с чего она так взбеленилась, – стало только хуже. Она, видно, поступила плохо, вертела перед парнем хвостом, а как дошло до дела – сдала назад. Вот что бывает с девчонками, которые такое себе позволяют.

Еще с минуту он лежал рядом, глядя на нее, затем поднялся и натянул штаны.

– Как знаешь. Короче, мне выпить надо. Пошли.

Талли отвернулась, легла на бок.

– Отвали.

Она чувствовала, что Пат еще рядом, смотрит на нее.

– Ну, блин, ты так на меня вешалась, я подумал, ты хочешь. Нельзя делать вид, что на все готова, а потом обламывать. Пора взростеть, малолеточка. Сама виновата.

Ни слова не говоря, Талли закрыла глаза и испытала облегчение, когда он наконец ушел, оставил ее в покое. В кои-то веки она была рада остаться одна.

Лежа на голой земле, она чувствовала себя разбитой, уничтоженной, но мучительнее всего было осознавать, что она сама в это вляпалась по глупости. Примерно через час она поняла, что вечеринка на исходе – машины потихоньку разъезжались, гудя моторами, с шорохом разбрасывая гравий из-под колес.

А она все лежала, никак не могла заставить себя пошевелиться. Сама виновата – с этим не поспоришь. Тупая малолетка. Любви ей захотелось.

– Дура, – прошипела она, сумев наконец приподняться и сесть.

Медленно оделась, встала. Но, едва выпрямившись, почувствовала, как подкатывает тошнота, и ее тут же вырвало – прямо на любимые туфли. Когда рвотные позывы отступили, она наклонилась, подобрала сумку и, прижав ее к груди, тяжело заковыляла обратно к дороге.

В такой час машин совсем не было. Вот и хорошо. Хотя бы не придется никому объяснять, почему у нее в волосах застряла куча сосновых иголок, а туфли заляпаны рвотой.

По пути домой она снова и снова возвращалась мыслями к тому, что случилось, – вспоминала, как Пат улыбался ей, приглашая на вечеринку; как нежно поцеловал ее в самый первый раз; как говорил с ней – будто она что-то для него значила; а потом вспоминала того, другого Пата, его грубые лапы, настойчивый язык, цепкие пальцы, его твердый член и резкие движения, которыми он раз за разом загонял его внутрь.

И чем больше она думала об этом, тем плотнее смыкалась вокруг нее стена одиночества.

Если бы она могла довериться кому-то, все рассказать. Возможно, стало бы легче, хотя бы чуточку. Да только поговорить было не с кем.

Мало ей двинутой матери, мало того, что отца она в глаза не видела, – теперь обзавелась еще одним секретом, который придется хранить подальше от чужих глаз. Люди ведь скажут: надо было головой думать, прежде чем идти на вечеринку со старшеклассником.

Приближаясь к дому, она шла все медленнее. Ей казалась невыносимой одна мысль о том, чтобы вернуться туда, остаться один на один со своим одиночеством – в этом доме, который должен был служить ей убежищем, но никогда им не был, с этой женщиной, которая должна была любить ее, но никогда не любила.

Серая соседская лошадь подошла к изгороди и тихонько заржала.

Талли перешла дорогу и поднялась по склону холма. Остановившись у изгороди, она вырвала из земли пучок травы и поднесла к лошадиной морде.

– Держи, мой хороший.

Лошадь понюхала траву и, фыркнув, потрусилась прочь.

– Она морковку любит.

Талли резко вскинула голову и увидела соседскую девчонку, сидевшую на изгороди чуть поодаль.

Несколько минут прошло в молчании, тишину нарушало лишь тихое ржание старой кобылы.

– Поздно уже, – сказала соседка.

– Ага.

– Мне нравится тут сидеть по ночам. Звезды такие яркие. Иногда, если очень долго смотреть в небо, начинает казаться, что они парят вокруг, как светлячки. Может, поэтому улицу так называли. Ты, наверное, думаешь, что я совсем ненормальная, раз несу такую чушь.

Талли хотела ответить, но не смогла. Где-то глубоко-глубоко внутри ее была тяжелая, крупная дрожь, и все силы уходило на то, чтобы стоять спокойно.

Девчонка – Кейт, так ее вроде бы звали – грациозно соскользнула с изгороди. На ней была безразмерная футболка с «Партриджами»¹⁹, рисунок весь потрескался и начал отслаиваться. Она подошла ближе, чавкая резиновыми сапогами по грязи.

– Выглядишь не очень. – Из-за зубной пластинки во рту звук «ш» получился свистящим, шепелявым. – И от тебя блевотиной воняет.

– Я в порядке, – ответила Талли, каменея.

– Точно? В порядке?

Талли, к собственному ужасу, разрыдалась.

Кейт на мгновение замерла, разглядывая ее сквозь свои задротские очки в толстой оправе. А затем, ни слова не говоря, крепко обняла.

Талли дернулась, почувствовав прикосновение, – оно было неожиданным, непривычным. Хотела было отстраниться, но не смогла заставить себя сдвинуться с места. Она и не помнила, когда ее в последний раз вот так обнимали, и вдруг поняла, что всем телом прижимается к этой странной девчонке и боится разжать объятия, будто Кейт – ее единственный якорь, без которого ее унесет далеко-далеко в открытое море, туда, откуда нет возврата.

– Она поправится, обязательно поправится, – сказала Кейт, когда рыдания потихоньку стихли.

Талли, нахмурившись, подалась назад. Она не сразу поняла, о чем речь.

Рак. Кейт решила, что она переживает из-за матери.

– Хочешь, поговорим об этом? – сказала Кейт и, достав свою пластинку, положила ее на поросшую мхом опору изгороди.

Талли уставилась на соседку, не моргая. В серебристом свете полной луны она вгляделась в зеленые глаза, увеличенные толстыми стеклами очков, и, увидев в них лишь безграничное сострадание, так мучительно захотела открыться, что ее едва не затошнило. Только она понятия не имела, с чего начать.

– Пойдем, – сказала Кейт и повела ее вверх по холму к крыльцу дома. Усевшись на ступеньку, она подтянула колени к груди, спрятала ноги под подолом своей заношенной футболки. – У моей тети Джорджии был рак. Отстой, конечно. Она облысела совсем. Но зато выздоровела.

Талли села с ней рядом, поставила сумку на землю. Блевотиной и правда здорово воняло. Она закурила, чтобы хоть как-то замаскировать запах.

– Я только с вечеринки, которую на речке устраивали, – вырвалось у нее.

– В смысле, с вечеринки старшеклассников? – На Кейт, судя по голосу, это произвело большое впечатление.

– Меня Пат Ричмонд пригласил.

– Из футбольной команды? Ого! Мне мама не разрешит и в одну очередь в столовке со старшеклассником встать. Она чокнутая просто.

– Никакая она не чокнутая.

¹⁹ «Семья Партридж» (1970–1974) – американский музыкальный ситком.

– Она считает, что восемнадцатилетние парни офигеть какие опасные. Называет их «членами на ножках». Скажешь, не бред?

Талли отвернулась, обвела взглядом поле и сделала глубокий вдох. Она поверить не могла, что собирается рассказать обо всем соседской девчонке, но правда жгла изнутри. Если не вытряхнуть ее наружу – сгоришь дотла.

– Он меня изнасиловал.

Зеленые глаза Кейт впились в ее лицо, Талли это чувствовала, но продолжала сидеть неподвижно, глядя прямо перед собой. Ее стыд был настолько огромным, настолько неодолимым, что невозможно было заставить себя повернуться, увидеть его отражение в чужих глазах. Она ждала чего-то, каких-то слов – что ее обругают, назовут дурой, – но Кейт все молчала. В конце концов Талли не выдержала и искоса взглянула на нее.

– Ты в порядке? – спросила Кейт.

Эти простые слова заставили Талли заново пережить случившееся. В глазах зашипало, все вокруг расплылось бесформенными пятнами.

Кейт снова обняла ее. И Талли, впервые с раннего детства, позволила себе найти утешение в чужих объятиях. Наконец отстранившись, она попыталась улыбнуться.

– Я тебя чуть в слезах не утопила.

– Надо кому-нибудь рассказать.

– Нет, ни за что. Все только скажут, что я сама виновата. Это секрет, ладно?

– Ладно, – нахмурившись, неохотно согласилась Кейт.

Талли вытерла глаза и, вспомнив про свою сигарету, сделала очередную затяжку.

– С чего ты ко мне так добра?

– Показалось, что тебе одиноко. А я знаю, каково это, уж поверь.

– Знаешь? Но у тебя же есть семья.

– Им *приходится* меня любить. – Кейт вздохнула. – А ребята в школе от меня шарахаются, как будто я заразная. Раньше у меня были подруги, но... Хотя ты вообще, наверное, не понимаешь, о чем я. Тебя-то в школе любят.

– Хочешь сказать, вьются вокруг и делают вид, будто меня знают.

– Я бы и на такое согласилась.

Повисла тишина. Затянувшись в последний раз, Талли потушила сигарету. Они с Кейт ужасно разные – будто бы составлены из одних контрастов, совсем как залитое лунным светом поле перед домом, – и все же с ней так просто. Талли едва не заулыбалась – и это сегодня-то, в худший день ее жизни. Такое что-нибудь да значит.

Они просидели на крыльце почти час, то говорили, то просто слушали тишину. Ничего важного не обсуждали – никаких больше секретов, обычная болтовня.

В конце концов, когда Кейт зевнула, Талли поднялась на ноги:

– Пора мне валить.

Они вместе дошли до конца подъездной дорожки. Кейт остановилась у почтового ящика.

– Ну пока.

– Пока.

Талли на мгновение замешкалась, чувствуя себя ужасно неловко. Ей хотелось обнять Кейт на прощанье, может, даже прижать к себе покрепче и объяснить, что без нее эта ночь была бы куда ужаснее, – но она так и не решилась. Проявлять уязвимость опасно, уж этому мать ее научила, а унижения ей на сегодня хватило, больше не вынести. Развернувшись, она пошла к дому. И, едва оказавшись внутри, отправилась напрямик в душ. Пока плети горячей воды хлестали ее по плечам, она думала обо всем, что случилось, – обо всем, чему она позволила случиться, просто потому что хотела сыграть крутую девчонку, – и плакала. А потом выключила воду, выключила слезы, тут же застрявшие тугим комом в горле, и, собрав все воспоминания

об этом вечере, затолкала их в дальний угол подсознания – туда же, где хранила детские воспоминания о матери, раз за разом бросавшей ее. И дорогу к ним постаралась поскорее забыть.

Глава пятая

После того как Талли ушла, Кейт еще долго лежала без сна. Затем сбросила одеяло и вылезла из постели.

На первом этаже она нашла все, что требовалось: небольшую статуэтку Девы Марии, церковную свечу в красном стеклянном подсвечнике, коробок спичек и старинные бабушкины четки. Притащив все это обратно в спальню, она устроила небольшой алтарь у себя на комодке и зажгла свечу.

– Господи, – попросила она, склонив голову, сложив ладони в молитве, – пожалуйста, позаботься о Талли Харт и помоги ей справиться с этим несчастьем. И еще, пожалуйста, пусть ее мама выздоровеет. Я знаю, Ты сможешь им помочь. Аминь.

Затем она несколько раз повторила молитву к Деве Марии и отправилась обратно в постель.

Всю ночь ей снилась Талли, их разговор, и она ворочалась с боку на бок, гадая, что ждет ее утром. Стоит ли подойти к Талли в школе или издали улыбнуться ей? Или, может, надо притвориться, что ничего не было? У популярности есть свои правила, тайные законы, которые пишут невидимыми чернилами, чтобы никто, кроме девчонок вроде Талли, не мог прочитать. Меньше всего Кейт хотелось облажаться и выставить себя на посмешище. Она слышала, что иногда популярные ребята тайком общаются с задротами – например, если родители дружат, – здороваются с тобой, улыбаются и все такое, но только когда вы не в школе. Может, у них с Талли как-то так все и будет.

В конце концов она бросила бесплодные попытки уснуть и встала. Надела халат, спустилась на первый этаж. Отец, сидевший в гостиной с газетой, поднял на нее взгляд и улыбнулся:

– С добрым утром, Кейти Скарлетт! Иди обними своего старика.

Кейт забралась к нему на колени, прижалась щекой к грубой шерсти его рубашки.

Отец заправил ей за ухо прядь волос. Он выглядел усталым – работал очень много, брал двойные смены на заводе «Боинга», чтобы накопить на ежегодную семейную вылазку на природу.

– Как в школе дела?

Он это вечно спрашивал. Однажды, давным-давно, Кейт честно ответила: «Не очень, пап», ожидая, что отец поддержит, даст совет ну или хоть как-то отреагирует, но он промолчал. Услышал то, что хотел услышать, а не то, что она сказала. Мама говорила, это из-за того, что он так вкальвает на заводе.

Кейт могла бы и обидеться на его рассеянность, но почему-то лишь сильнее его полюбила. Отец никогда на нее не орал, не просил быть повнимательнее, не напоминал, что она сама кузнец своего счастья. Это мама вечно поучает, а отец просто любит ее, несмотря ни на что.

– Отлично, – ответила она и широко улыбнулась, чтобы вышло поубедительнее.

– Еще бы, – отец поцеловал ее в висок, – ты же у нас первая красавица в городе, скажешь нет? Не зря тебя мама в честь такой известной героини назвала.

– Да уж, у меня со Скарлетт О’Хара невероятно много общего.

– Посмотрим, – усмехнулся отец. – Тебе, юная леди, еще жить и жить.

Кейт посмотрела ему в глаза:

– Думаешь, я буду красивая, когда вырасту?

– Кейти, – ответил он, – ты уже красавица каких поискать.

Она сберегла эти слова, припрятала в кармашке – как те круглые полированные камушки, которые носят с собой и гладят, чтобы успокоиться, – и, пока собиралась в школу, то и дело прикасалась к ним, перекатывала на ладони.

К тому моменту, как она собралась, дом опустел. «Школьный автобус Маларки» уже уехал.

Она так нервничала, что пришла на остановку намного раньше обычного. Каждая минута тянулась целую вечность, а Талли все не было, она не появилась, даже когда автобус тряско выкатился на дорогу и затормозил у остановки.

Уронив подбородок на грудь, Кейт поднялась по ступенькам, плюхнулась на сиденье в первом ряду.

Все утро в школе она искала Талли глазами, но так и не увидела. Во время обеда, проскочив с подносом мимо группы популярных ребят, которые потехи ради то и дело пролезали к раздаче без очереди, она уселась за один из длинных столов в дальнем углу. В противоположном конце столовой школьники смеялись, пихали друг друга, болтали, но здесь, в резервации для изгоев, стояла удручающая тишина. Кейт, как и остальные обитатели резервации, сидела, упершись взглядом в поднос.

Этому навыку, необходимому для выживания, все изгои обучались довольно быстро: школа – зона боевых действий похлеще вьетнамских джунглей, лучше сидеть тихо и не высываться. Кейт с таким тщанием разглядывала свой обед, что, услышав над головой «привет», вздрогнула и едва не свалилась со стула.

Талли.

День выдался прохладный, но она все равно была в коротенькой юбке, высоких белых сапогах, черных колготках и топе без бретелей. На шее висело несколько ожерелий с «пацификами». Волосы на свету отливали медью. У бедра болталась огромная сумка из макраме.

– Ты никому не рассказывала про вчера?

– Нет. Конечно нет.

– Значит, подруги?

Кейт сама не поняла, чему удивилась сильнее – этому вопросу или уязвимости во взгляде Талли.

– Подруги.

– Отлично. – Талли достала из сумки пачку кексов в ярких обертках и уселась напротив. – Так вот, насчет макияжа. Тебе явно требуется помощь, и я это не из вредности говорю. Правда. Просто я в моде разбираюсь. У меня талант. Можно молока твоего отопью? Класс. А банан ты собираешься есть? В общем, могу к тебе зайти после школы...

Кейт стояла у входа в аптеку и оглядывалась по сторонам – не идет ли кто-нибудь из маминых знакомых.

– Ты уверена?

– Абсолютно уверена.

Ответ не очень-то успокаивал. Официально они дружили всего один день, но Кейт уже успела усвоить: у Талли полно грандиозных замыслов.

И ее замысел на сегодня – сделать из Кейт красотку.

– Ты что, не доверишь мне?

Вот и он, заветный вопрос. Едва Талли произнесла его, Кейт поняла, что проиграла: крыть такое нечем. Не может же она сомневаться в своей новой подруге.

– Доверяю, конечно. Просто мне не разрешают краситься.

– Слушай, я профессионал. Так накрасу, что твоя мама даже не заметит. Ну пойдем.

Талли уверенно зашагала между полок, выбирая тени и румяна, которые пойдут Кейт, а на кассе – внезапно – сама за все заплатила. И на робкие возражения ответила:

– Ну мы подруги или нет?

Выходя из аптеки, она пихнула Кейт плечом.

Кейт, рассмеявшись, пихнула ее в ответ. Вместе они дошли пешком до своей улицы: сперва по городу, затем вдоль реки. И все это время болтали не переставая – о шмотках, о музыке, о школе. Наконец они свернули с дороги к дому Талли.

– Если б бабушка увидела, в каком тут все состоянии, она бы взбесилась, – сказала Талли, сконфуженно оглядывая рододендроны размером с дирижабль, целиком заслонявшие стену. – Дом вообще-то ей принадлежит.

– Она к тебе приезжает?

– Не-а. Проще подождать.

– Чего?

– Когда мать снова про меня забудет.

Она обошла трио мусорных баков, перешагнула через гору небубренных газет и открыла дверь. Внутри стоял густой дым.

Мама Талли лежала на диване в гостиной, прикрыв глаза.

– Здравствуйте, миссис Харт, – сказала Кейт. – Я ваша соседка, Кейт.

Миссис Харт попыталась приподняться, но, похоже, была слишком слаба.

– Привет, наша соседка.

Талли схватила Кейт за руку и потащила прочь из гостиной, а едва они оказались в ее комнате, с грохотом захлопнула дверь. Тут же зарывшись в стопку пластинок, она откопала альбом «Прощай, дорога из желтого кирпича» и поставила в проигрыватель. Когда зазвучала музыка, она швырнула Кейт выпуск «Тайгер Бит» и подтащила к зеркалу стул.

– Ну что, готова?

Волнение, едва поутихшее, снова охватило Кейт. Ей за это точно попадет, но разве можно завести друзей и стать популярной, ни разу не рискнув?

– Готова.

– Отлично. Садись. Начнем с волос. Чуть осветлим некоторые пряди. Морин МакКормик²⁰, между прочим, так и делает.

– А ты откуда знаешь?

– Прочитала в «Тин»²¹ в том месяце.

– Ну ее-то волосами, наверное, профессионалы занимаются.

Кейт открыла «Тайгер Бит» и попыталась сосредоточиться на статье («Идеальная девушка для Джека Уайлда²² – что, если это ты?»).

– Эй, возьми свои слова обратно. Я инструкцию два раза прочитала!

– Какова вероятность, что я останусь лысой?

– Нулевая. Почти. А теперь помолчи, мне надо еще разок в инструкцию заглянуть.

Талли разделила волосы Кейт на пряди и принялась распылять на них осветляющий спрей. Прошел почти час, прежде чем она наконец осталась довольна результатом.

– Будешь у меня вылитая Марша Брейди.

– А каково это, быть популярной? – Кейт вовсе не собиралась спрашивать, но слова как-то сами собой сорвались с языка.

– Скоро узнаешь. Только про меня потом не забывай.

Кейт прыснула:

– Очень смешно. Ой, эта штука жжется.

– Да? Не к добру это. И волосы что-то выпадать начали.

²⁰ Морин МакКормик (р. 1956) – американская актриса, исполнявшая роль Марши Брейди, красивой и популярной девочки-подростка, в комедийном сериале «Семейка Брейди» (1969–1974).

²¹ *Tiger Beat, Teen* – американские журналы для девочек-подростков.

²² Джек Уайлд (1945–2006) – британский актер, получивший известность в возрасте 16 лет за роль в музыкальном фильме «Оливер!» (1968) по мотивам «Приключений Оливера Твиста».

Кейт удалось сдержаться и не состроить гримасу. Если ради того, чтобы дружить с Талли, придется немного походить лысой, она и на это готова.

Талли включила фен и направила струю раскаленного воздуха на волосы Кейт.

– У меня месячные начались, – проорала она. – Так что по крайней мере я не залетела от этого мудилы.

Храбрится – Кейт поняла это по голосу, увидела по глазам.

– Я за тебя молилась.

– Правда? – спросила Талли. – Ого. Спасибо.

Кейт не придумала, что на это ответить. Для нее молиться было все равно что чистить зубы перед сном – так уж заведено.

Талли выключила фен и улыбнулась, но тут же лицо ее приняло озабоченное выражение. Наверное, из-за того, что пахло паленым волосом.

– Так. Иди в душ, смой это все.

Кейт послушно отправилась в ванную. Несколько минут спустя она вылезла из-под душа, вытерлась, снова натянула одежду.

Талли схватила ее за руку и повела обратно к зеркалу.

– Как волосы, выпадают?

– Ну, некоторые да, – признала Кейт.

– Если облысеешь, я тоже налысо побреюсь. Слово даю.

Талли снова включила фен и взялась за расческу.

Кейт даже смотреть было страшно. Она сидела с закрытыми глазами, и голос Талли постепенно сливался с жужжанием фена.

– Открывай глаза.

Кейт медленно подняла голову. С такого расстояния она все прекрасно видела и без очков, но по своей близорукой привычке наклонилась ближе, чтобы как следует рассмотреть девушку в зеркале. В ее светлых волосах, безукоризненно прямых, разделенных идеально ровным пробором, сияли пряди, обесцвеченные почти до белизны. В кои-то веки волосы выглядели шелковистыми и мягкими, а не просто тонкими и прилизанными. Травянисто-зеленые глаза из-за осветленных прядей казались ярче, нежно-розовые губы притягивали взгляд. Она смотрелась почти что красавицей.

– Ого, – только и смогла выдавить она, чувствуя, как в горле встают комом слезы благодарности.

– Это ты еще не видела себя с накрашенными ресницами и румянами, – сказала Талли. – А прыщи на лбу консилером замажем.

– Я твоя подруга навеки, – прошептала Кейт почти неслышно, но, заметив, как Талли улыбнулась, поняла, что ее все же услышали.

– Круто. Теперь давай тебя красить. Бритву мою не видела?

– Это еще зачем?

– Как зачем? Для бровей, конечно. А, вот она. Ну, закрывай глаза.

Кейт повиновалась не раздумывая.

– Окей.

Кейт зашла в дом, даже не пытаясь прятать лицо – столько в ней было уверенности. Впервые в жизни она чувствовала себя красивой.

Отец сидел в своем мягком кресле в гостиной. Услышав ее шаги, он поднял голову.

– Господь всемогущий. – Он грохнул стаканом о деревянный столик с гнутыми резными ножками. – Марджи!

Мама вышла из кухни, вытирая руки о фартук. На ней была обычная будничная одежда: полосатая синтетическая блузка, оливковая с рыжим, брюки клеш из коричневого вельвета, а

поверх всего этого мятый фартук с надписью «Место женщины на кухне... и в сенате». Взглянув на Кейт, она замерла. Медленно развязала фартук и бросила его на стол.

В повисшую внезапно тишину тут же ворвались, спотыкаясь друг о друга, Шон и собака.

– А Кейти на скунса похожа! – заявил Шон. – Фу-у!

– Скоро ужин, иди мой руки, – резко сказала мама и добавила, когда он не двинулся с места: – Сейчас же.

Шон, ворча, поплелся наверх.

– Марджи, ты ей разрешала сотворить с волосами такое непотребство? – спросил папа.

– Я разберусь, Бад. – Мама, нахмурившись, подошла к дочери: – Это девочка из дома напротив сделала?

Кейт кивнула, отчаянно стараясь не забыть, какой красавицей себя чувствовала еще секунду назад.

– Тебе нравится?

– Да.

– Ну тогда и мне нравится. Помню, тетя Джорджия меня как-то покрасила в рыжий. Бабушка от ярости аж побагровела. – Она улыбнулась. – Но надо было спросить, Кейтлин. Ты же у меня ребенок еще, хоть вы, девочки, и думаете, что взрослые. Так, а с бровями что?

– Талли их побрила. Это чтобы форму придать.

Мама попыталась сдержать улыбку.

– Понятно. Вообще-то их обычно выщипывают. Надо было тебе показать, но я все думала, что рано. – Она оглянулась в поисках сигарет. Нашла пачку на столике, достала одну и закурила. – После ужина научу. Думаю, не выйдет беды, если ты будешь в школу красить ресницы, и блеск для губ тоже можно. Я покажу, как краситься, чтобы выглядело естественно.

Кейт крепко ее обняла:

– Люблю тебя.

– А я тебя. А теперь займись тестом для кекса. И, Кейти, я рада, что вы подружились, но смотри у меня, больше правила не нарушать, ладно? Так и в неприятности влипнуть недолго.

Кейт тут же вспомнила о Талли и той вечеринке.

– Хорошо, мам.

Всего за неделю Кейт вдруг сделалась популярной. Одноклассники восхищались ее новой прической, больше не отворачивались от нее в коридорах. Она дружила с Талли Харт, а значит, считалась крутой по умолчанию.

Даже родители заметили разницу. За ужином Кейт вела себя совсем иначе, болтала без умолку. Истории сыпались из нее одна за другой. Кто с кем встречается, кто кого обыграл в тетербол²³, кого оставили после уроков за футболку «Занимайтесь любовью, а не войной», где стрижется Талли (в Сиэтле, у какого-то чувака по имени Джин Уорез²⁴, круто, да?) и что за фильм будут показывать в автокинотеатре в выходные. Даже после ужина, когда они с мамой мыли посуду, Кейт продолжала рассказывать про Талли.

– Я так хочу, чтобы вы познакомились. Она офигенно крутая. Ее все обожают, даже торчки.

– Торчки?

– Ну, обдолбыши? Укурки?

²³ Тетербол – игра с мячом для двух игроков. Мяч прикреплен веревкой к верхнему концу металлического столба. Задача игроков – ударить по мячу так, чтобы веревка целиком намоталась на столб.

²⁴ «Джин Уорез» (*Gene Juarez*) – сеть салонов красоты в Сиэтле, названная по имени своего основателя. Первый салон открылся в 1971 году.

– А. – Мама взяла у нее стеклянную форму для запекания и принялась тереть ее полотенцем. – Я... поспрашивала насчет этой девочки, Кейти. Она несколько раз пыталась купить сигареты у Альмы в аптеке.

– Ну так это для ее мамы, наверное.

Мама поставила сухую форму на бежевую крапчатую столешницу.

– Просто сделай мне одолжение, Кейти. Хоть вы с Талли и дружите, не забывай, что у тебя своя голова на плечах. Не хочу, чтобы она тебя втянула в неприятности.

Кейт швырнула самодельную, связанную крючком посудную тряпку в мыльную воду.

– Я с тебя просто офигеваю. А кто мне морали читал, мол, «иногда приходится рискнуть»? Сначала годами нудишь, что надо заводить друзей, а стоит мне с кем-то подружиться, в шлюхи ее записываешь?

– Я вроде бы никого не записывала в...

Кейт бросилась прочь из кухни. Топая по лестнице, она ждала, что мама окликнет ее, потребует вернуться, скажет, что она наказана – никаких больше гулянок, но за ее эффектным выходом со сцены последовала лишь тишина.

Она закрылась в своей комнате, для пушного драматизма хлопнув дверью. Села на кровать и стала ждать. В этот раз она в кои-то веки проявит твердость, пусть мама первая идет извиняться.

Но мама все не приходила, и часам к десяти Кейт начала чувствовать себя довольно гадко. А вдруг мама обиделась? Она вскочила, принялась мерить комнатку шагами.

Тут в дверь постучали.

Кейт бросилась обратно к кровати и постаралась состроить скучающую мину.

– Да?

Дверь медленно открылась. Показалась мама, одетая в длинный, до пола, красный велюровый халат, который в прошлом году получила на Рождество.

– Не против, если я зайду?

– Как будто я могу тебе запретить.

– Можешь, – тихо отозвалась мама. – Так ты не против?

Кейт пожала плечами, но подвинулась на кровати, освобождая для нее место.

– Ты знаешь, Кейти, иногда в жизни...

Кейт не смогла сдержать стона. Серьезно? Очередная нотация про тяготы жизни?

К ее удивлению, мама вдруг рассмеялась.

– Ладно, ладно, обойдемся без речей. Наверное, ты для этого уже слишком большая. – Она подошла к алтарю на комод. – В последний раз я у тебя такой видела, когда тете Джорджии делали химиотерапию. А сейчас за кого нужно молиться?

– У мамы Талли рак, а еще ее изн... – Она прикусила язык, в ужасе от того, что чуть не выболтала чужую тайну. Она привыкла рассказывать маме все на свете, но теперь у нее есть лучшая подруга, так что придется быть поосторожнее.

Мама села рядом с ней на кровать, как делала после каждой ссоры.

– Рак? Тяжелое испытание для девочки твоего возраста.

– Ее вроде не напрягает.

– Правда?

– Да ее вообще ничего не напрягает. – В голосе Кейт послышалась гордость.

– В каком смысле?

– Ты не поймешь.

– Что, старая слишком?

– Я этого не говорила.

Мама легонько коснулась ее лба, убирая волосы, – такое знакомое прикосновение, естественное, как дыхание. Кейт от этого каждый раз будто возвращалась в детство.

- Прости, если тебе показалось, что я осуждаю твою подругу.
- Да уж, есть за что просить прощения.
- «А ты, мама, прости, что нагрубил», угу?
- Кейт не смогла сдержать улыбки.
- Угу.
- Вот что, давай-ка пригласишь Талли к нам на ужин в пятницу?
- Она тебе понравится, точно говорю.
- Не сомневаюсь, что понравится. – Мама поцеловала ее в лоб. – Спокойной ночи.
- Спокойной ночи, мам.

Еще долго после того, как мама ушла и в доме все стихло, Кейт ворочалась с боку на бок, слишком взбудораженная, чтобы заснуть. Ей не терпелось пригласить Талли. А после ужина можно будет посмотреть «Я мечтаю о Джинни»²⁵, или поиграть в «Операцию», или потренироваться наносить макияж. Может, Талли даже захочет переночевать? Они бы...

Тюк.

... всю ночь проболтали о мальчишках, о поцелуях, о...

Тюк.

Кейт села на кровати. Это не птица ходит по крыше и не мышка шуршит в стене.

Тюк.

Это мелкий камушек бьется в стекло!

Скинув одеяло, Кейт бросилась к окну и распахнула его.

Талли стояла на заднем дворе их дома, придерживая рукой велосипед.

– Спускайся, – сказала она слишком громко и помахала в воздухе рукой – мол, поторапливайся.

– В смысле, тайком сбежать, что ли?

– Ну, э-э, да.

Кейт в жизни ничего такого не делала, но теперь уже поздно было включать задрота. Крутые ребята нарушают правила и по ночам тайком сбегают из дома. Это любой дурак знает. А еще любой дурак знает, что именно так влипают в неприятности. Вот об этом-то ее мама и предупреждала.

Не забывай, что у тебя своя голова на плечах.

Кейт было плевать. Важнее всего Талли.

– Иду.

Она закрыла окно, огляделась в поисках одежды. К счастью, комбинезон нашелся тут же в углу, аккуратно сложенный, накрытый сверху черной толстовкой. Стянув с себя пижаму со Скуби-Ду, она быстро оделась, затем на цыпочках вышла в коридор. Когда Кейт крадучись пробиралась мимо двери в спальню родителей, сердце так бешено стучало, что даже закружилась голова. Лестница на каждый ее шаг отвечала угрожающим скрипом, но все же ей удалось спуститься незамеченной.

Возле задней двери она ненадолго замерла, успела подумать: «Мне за это влетит» – и тут же повернула ручку.

Снаружи ждала Талли. А рядом с ней – самый клевый велик, какой Кейт когда-либо видела. Седло у него было крохотное и узкое, от руля, изгибавшегося вниз, тянулась куча каких-то кабелей и тросов.

– Ого, – выдохнула Кейт. Ей на такой велик не накопить – хоть все лето ягоды собирай.

– У него десять скоростей, – сообщила Талли. – Бабушка подарила в том году на Рождество. Хочешь прокатиться?

²⁵ «Я мечтаю о Джинни» (1965–1970) – американский комедийный сериал об астронавте, который находит на пляже бутылку с девушкой-джинном (Джинни).

– Нетушки.

Кейт тихонько закрыла за собой дверь. Затем выкатила из-под навеса свой старый розовый велосипед с самым обычным рулем, огромным седлом в цветочек и белой корзиной спереди. В нем не было ни капли крутости, на таких великах маленькие девочки катаются.

Но Талли будто и не заметила. Они вскочили на велосипеды и покатали прочь от дома по мокрой, кочковатой подъездной дорожке. Выехав на улицу, повернули налево. У Саммер-Хилла Талли сказала:

– Смотри. Повторяй за мной.

На бешеной скорости они рванули вниз по склону холма. Волосы Кейт развевались за спиной, глаза слезились. По обе стороны от них темные кроны деревьев перешептывались на ветру. В бархатно-черном небе мерцали звезды.

Талли отклонилась назад и раскинула руки в стороны. Смеясь, взглянула на Кейт:

– Попробуй.

– Не могу. Слишком быстро.

– В этом вся суть.

– Опасно же.

– Да ладно тебе, Кейти. Отпусти руль. Бог трусливых не любит, – сказала Талли и затем тихонько добавила: – Доверься мне.

Теперь у Кейт не было выбора. Дружить – значит доверять друг другу. А Талли со слабачкой водиться не станет.

– Ну, давай, – сказала она себе, стараясь, чтобы голос звучал решительно.

А потом сделала глубокий вдох, пробормотала короткую молитву и отпустила руль.

Она летела вниз по склону, плыла сквозь ночное небо. Воздух пах конюшней, лошадьми, влажным сеном. Где-то совсем рядом раздавался смех Талли, и Кейт хотела было улыбнуться, но вдруг что-то пошло не так. Ее переднее колесо наехало на камень, велосипед сперва взбрыкнул, точно рассерженный бык, затем завалился набок, зацепив велик Талли.

Кейт закричала, потянулась к рулю, но было поздно. Она летела – теперь уже по-настоящему. Дорога бросилась ей наперерез, крепко ударила при встрече, и, проехавшись по асфальту, Кейт обрушилась в грязную придорожную канаву.

Кубарем прокатившись по тому же маршруту, в нее врезалась Талли. Велосипеды с грохотом повалились на землю.

Оглушенная, Кейт уставилась в ночное небо. Все тело пульсировало болью. Лодыжка, похоже, сломана. Распухла, дотронуться страшно. Кожу в нескольких местах содрало до мяса.

– Вот это *круто!* – Талли восхищенно расхохоталась.

– Ты совсем уже? Мы чуть не убились.

– А я о чем?

Кейт попыталась приподняться, поморщилась от боли.

– Надо вылезать из этой канавы. А то еще машина проедет, и...

– Ну ты скажи, разве не круто? Надо будет в школе всем рассказать.

Рассказать в школе. Из этого выйдет целая *история*, и Кейт в ней достанется одна из главных ролей. Все будут слушать разинув рты – ого, ничего себе, – будут говорить: «Вы ночью сбежали из дома? С Саммер-Хилла без рук? Да ну, хорош сочинять...»

И тут Кейт тоже рассмеялась.

Держась друг за друга, они поднялись на ноги, подобрали велосипеды. К тому моменту, как они перешли на другую сторону дороги, Кейт уже едва замечала, что ушиблась и поранилась. Она вдруг почувствовала себя совсем другим человеком – более смелым, безбашенным, готовым на все. Подумаешь, влетит – кого это волнует? Подумаешь, лодыжку вывихнула, подумаешь, коленку разбила – зато какое приключение! Она последние два года только и делала, что соблюдала правила и сидела дома по вечерам в выходные. С нее хватит.

Они бросили велосипеды на обочине и похромали к реке. Выбеленный лунным светом пейзаж казался прекрасным – серебряные волны, острые, зубастые камни на берегу.

Талли уселась на ствол поваленного дерева, полусгнивший, заросший мхом, окруженный мохнатым ковром густой травы.

Кейт села рядом, так близко, что их колени почти соприкасались. Они разом подняли головы к усыпанному звездами небу. Плеск речной воды, звонко устремлявшейся им навстречу, звучал задорно, точно девичий смех. Мир вокруг замер, затих, и даже ветер будто бы затаил свое прохладное дыхание и оставил их совсем одних в этом волшебном месте, прежде казавшемся таким непримечательным – мало ли у реки излучин, которые затапливает по осени.

– Интересно, кто придумал название нашей улицы, – сказала Талли. – Ни одного светлячка тут не видела.

Кейт пожала плечами.

– У старого моста есть улица Миссури. Может, кто-то из первопоселенцев заскучал по родным краям.

– А может, дело в *волшебстве*. Волшебная улица. – Талли повернулась к ней: – И тогда получается, это судьба: мы должны были подружиться.

Ее слова звучали так непреклонно, что Кейт пробрал озноб.

– Пока ты к нам не переехала, я думала, что это просто дорога, которая никуда не ведет.

– Теперь это наша дорога.

– Когда вырастем, можем поехать куда угодно, куда захотим.

– Мне без разницы, где быть.

Кейт почудилась в голосе подруги какая-то затаенная печаль, которой она не могла разгадать. Когда она повернулась, Талли глядела в небо.

– О маме думаешь? – осторожно спросила Кейт.

– О ней я стараюсь не думать.

Повисла долгая пауза, потом Талли сунула руку в карман, достала пачку «Вирджинии слимз» и закурила.

Кейт очень старательно делала вид, что ничуть не возражает.

– Хочешь затянуться?

Выбора не было, и Кейт это прекрасно понимала.

– Э-э. Давай.

– Если бы у меня была нормальная мать... ну, в смысле, если бы она не болела, я хоть могла бы ей рассказать, что со мной случилось на той вечеринке.

Кейт, едва вдохнув дым, судорожно закашлялась.

– Часто об этом вспоминаешь?

Талли откинулась назад, прислонилась спиной к бревну и забрала у нее сигарету. После паузы она сказала:

– Кошмары снятся.

Кейт ужасно хотелось сказать что-нибудь дельное, да только она не знала что.

– А твой папа? С ним нельзя поговорить?

Талли отвела взгляд.

– Я не уверена, что она вообще в курсе, кто мой отец. – Ее голос звучал едва слышно. – А может, он узнал про меня и сбежал.

– Это как-то сурово.

– Жизнь вообще суровая. Но зачем мне они, когда у меня есть ты, Кейти? Ты мне помогла это пережить.

Кейт улыбнулась. Воздух между ними мешался с вонючим сигаретным дымом, от которого слезились глаза, но ей было плевать. Ее лучшая подруга здесь, с ней рядом, – вот что самое главное.

– Для этого друзья и нужны.

Следующим вечером, дочитывая последнюю главу «Изгоев»²⁶, Талли услышала, как мать орет на весь дом:

– Талли! Открой, блин, дверь!

Она грохнула книгой о стол и, спустившись в гостиную, обнаружила мать распростертой на диване перед телевизором: в руках бонг, на экране – «Счастливые дни»²⁷.

– От тебя до двери два шага.

Мать пожала плечами:

– И что?

– Ну хоть бонг свой спрячь.

Дымка театрально вздохнула и, свесившись с дивана, сунула бонг под стоявший рядом столик. Только слепой не заметит. Но на большее она, по-видимому, была не способна.

Талли пригладила рукой волосы и открыла дверь.

На пороге, держа перед собой запеканку, укутанную фольгой, стояла невысокая, темно-волосая женщина. Карие глаза ее были подчеркнуты ярко-синими тенями, на круглых щеках лежали, пожалуй, слишком плотным слоем румяна розового оттенка, призванные создавать иллюзию высоких скул.

– Ты, наверное, Талли. – Голос у нее оказался неожиданно высокий. Девичий, энергичный, очень идущий к ее глазам, в которых блестели задорные искорки. – Я мама Кейт. Прости, что явилась без звонка, у вас занято было.

Талли вспомнила про телефон у материнной постели, про вечно снятую трубку.

– А-а.

– Я вам с мамой принесла запеканку с тунцом на ужин. Ей, наверное, сейчас не до готовки. У моей сестры пару лет назад был рак, так что я знаю, о чем говорю.

Она улыбнулась, но через несколько мгновений тишины ее улыбка померкла.

– Ты меня не пригласишь зайти?

Талли оцепенела. *Добром это не кончится.*

– Э-э, да, конечно.

– Спасибо.

Миссис Маларки протиснулась мимо нее и вошла в дом.

Дымка все так же лежала, распластавшись, на диване, с горкой марихуаны прямо на животе. Она ошалело улыбнулась, попыталась подняться, но не сумела. Рухнув обратно на диван, она несколько раз тихонько выругалась и тут же захихикала. В доме нещадно воняло травой.

Миссис Маларки замерла на месте. В замешательстве наморщила лоб.

– Я Марджи, ваша соседка, – сказала она.

– А я Дымка, – сообщила мать Талли, снова пытаясь подняться. – Очень приятно. Просто офигеть как.

– И мне.

Ровно одно чудовищное, неловкое мгновение они молча разглядывали друг друга. Талли была уверена, что острый взгляд миссис Маларки уже приметил все: и бонг под журнальным столиком, и прозрачный пакет с травой рядом на полу, и пустой, опрокинутый винный бокал, и коробки из-под пиццы на столе.

²⁶ «Изгой» (1967) – роман американской писательницы Сьюзан Хиттон о двух соревнующихся бандах подростков. Хиттон написала его в возрасте 16 лет, на момент публикации ей было 18.

²⁷ «Счастливые дни» (1974–1984) – американский комедийный сериал.

– Хотела вам сказать, что я почти каждый день дома, так что буду рада помочь, отвезти вас к врачу, в магазин сходить – что попросите. Я хорошо себе представляю, как на людей действует химиотерапия.

Дымка недоуменно нахмурилась:

– А у кого рак-то?

Когда миссис Маларки повернулась к Талли, той захотелось забиться в какой-нибудь уголок, свернуться калачиком и умереть.

– Талли, покажи нашей офигенной соседке с запеканками, где у нас кухня.

Талли почти бегом рванула на кухню. Стол в этом розовом аду был завален упаковками от фастфуда, в раковине громоздилась немытая посуда, кругом стояли набитые окурками пепельницы – и мать ее лучшей подруги все это увидит, все эти жалкие свидетельства ее жалкой жизни.

Миссис Маларки прошагала мимо, нагнулась к духовке, поставила форму с запеканкой на решетку и, толкнув дверцу бедром, повернулась к Талли.

– Кейти у меня хорошая девочка, – сказала она наконец.

Ну вот, приехали.

– Да, мэм.

– Молилась за твою маму, чтобы она поправилась. Даже алтарь у себя в комнате соорудила.

Талли пристыженно молчала, уставившись в пол. Как объяснить, зачем она соврала? Да разве можно такое объяснить нормальной матери вроде миссис Маларки, которая любит своих детей? К стыду, сжигавшему Талли изнутри, присоединилась зависть. Может, если бы у нее самой была нормальная мать, она не соврала бы вот так запросто – ей вообще не пришлось бы врать. А теперь из-за этой лжи она потеряет единственного человека, который ей дорог, – Кейти.

– Ты считаешь, это нормально – обманывать друзей?

– Нет, мэм.

Талли так сосредоточенно разглядывала пол, что вздрогнула, когда чужая рука мягко прикоснулась к ее подбородку, заставила поднять голову.

– Ты будешь хорошей подругой для Кейти? Или такой, от которой жди беды?

– Я ей ни за что на свете не причиню зла.

Талли столько всего хотела еще сказать, готова была упасть на колени и поклясться, что впредь будет хорошим человеком, но слезы стояли так близко, что она не смела даже шевельнуться. И вдруг, взглянув в темные глаза миссис Маларки, она увидела в них то, чего совсем не ожидала, – понимание.

В гостиной Дымка, спотыкаясь, подошла к телевизору и переключила канал. Из кухни Талли хорошо видела экран, освещавший груды мусора в захламленной комнате: Джин Энерсен²⁸ рассказывала о главных новостях дня.

– Ты ведь сама всем занимаешься? – спросила миссис Маларки почти шепотом, точно боялась, что Дымка подслушивает. – Платишь по счетам, ходишь за продуктами, убираешься. Кто вам дает деньги?

Талли с трудом проглотила вставший в горле комок. Прежде никто не угадывал так точно всю правду о ее жизни.

– Бабушка раз в неделю присылает чек.

– У меня отец страшно пил, и все в городе знали. – Голос миссис Маларки звучал ласково, и так же ласково смотрели ее глаза. – И вел он себя жутко. Вечерами по пятницам и суб-

²⁸ Джин Энерсен (р. 1946) – журналистка, работавшая на одном из телеканалов Сиэтла. Первая женщина – ведущая новостей в США.

ботам моей сестре Джорджии приходилось выволакивать его из бара и тащить домой. А он всю дорогу отвешивал ей оплеухи одну за другой и ругал последними словами. Она все сносила – подставлялась, как эти клоуны на родео, что вечно норовят влезть между быком и ковбоем. Я только в старших классах поняла, почему она так пила, зачем водилась с непутевой компанией.

– Не хотела, чтобы ее жалели.

Миссис Маларки кивнула:

– Терпеть этого не могла. Но какая разница, что думают другие? По своему опыту тебе скажу – никакой. То, как твоя мама живет, что она за человек, не определяет, что за человек ты. Ты можешь решать сама за себя. И стыдиться тут нечего. Ты, главное, разрешай себе мечтать, Талли. – Она взглянула в гостиную через распахнутую дверь. – Вот как Джин Энерсен из новостей. Женщина, которая добилась такого успеха в жизни, уж точно знает, как получить все, чего хочешь.

– Но как понять, чего я хочу?

– Ты просто живи с открытым сердцем и поступай как надо. После школы отправляйся в колледж. И доверяй своим друзьям.

– Кейт я доверяю.

– Значит, расскажешь ей правду?

– А можно я просто вам пообещаю...

– Кто-то из нас двоих ей расскажет, Талли. Надеюсь, что все-таки ты.

Талли сделала глубокий вдох, медленно выдохнула. Как можно рассказать Кейт правду? Все ее инстинкты восставали против этого шага, но выбора не было – она хотела, чтобы миссис Маларки ей гордилась.

– Ладно.

– Отлично. Тогда увидимся завтра за ужином. Приходи в пять. Это твой шанс начать с чистого листа.

Тем вечером Талли переодевалась раза четыре, пытаясь подобрать идеально подходящий к случаю наряд. Когда она наконец собралась, время уже настолько поджимало, что пришлось бежать бегом – через дорогу и вверх по пригорку.

Дверь открыла мама Кейт. На ней были фиолетовые брюки клеш из габардина и полосатый свитер с треугольным вырезом и широченными рукавами. Улыбнувшись, она сказала:

– Предупреждаю, у нас тут гвалт и сумбур.

– Обожаю гвалт и сумбур, – ответила Талли.

– Значит, впишешься без труда.

Обняв Талли за плечи, она отвела ее в гостиную, где на зеленом мохнатом ковролине среди бежевых стен стояли вишнево-красный диван и уютное черное кресло. Иисусу в золоченой рамке, висевшему на стене, составлял компанию лишь Элвис, а вот на телевизоре громоздились десятки семейных снимков. Талли тут же вспомнился телевизор в собственном доме, заставленный пепельницами, заваленный пачками сигарет – и без единой фотографии.

– Бад, – обратилась миссис Маларки к крупному темноволосому мужчине, сидевшему в кресле. – Это Талли Харт, наша соседка.

Мистер Маларки поставил свой стакан на столик и улыбнулся ей.

– Так-так, значит, это о тебе мы столько слышали? Рады, что ты зашла, Талли.

– И я рада.

Миссис Маларки похлопала ее по плечу.

– Ужинать будем в шесть. Кейти у себя наверху, дверь возле лестницы. Вам двоим, девочки, наверняка есть о чем поболтать.

Талли поняла намек и лишь кивнула, не сумев совладать с голосом. Оказавшись в этом уютном доме, наполненном ароматами готовки, рядом с лучшей мамой на свете, она вдруг

осознала, что не сможет со всем этим расстаться, что не вынесет, если ей здесь перестанут быть рады.

– Я больше никогда ей не совру, – пообещала она.

– Молодец. А теперь иди.

Напутственно улыбнувшись ей, миссис Маларки вернулась в гостиную.

Мистер Маларки обнял жену, притянул ее к себе и усадил в кресло. Они тут же склонили головы, прижались друг к другу.

Талли, глядя на них, ощутила внезапно такую острую, парализующую тоску, что застыла на месте. Будь у нее такая семья, она бы жила совсем иначе. Ей захотелось еще немного побыть с ними.

– Вы новости смотрите?

Мистер Маларки поднял голову:

– Никогда не пропускаем.

– Джин Энерсен меняет мир, – сказала миссис Маларки с улыбкой. – Одна из первых женщин, которым удалось пробиться в ведущие вечерних новостей.

– Я тоже хочу быть журналисткой на телевидении, – вдруг заявила Талли.

– Это же замечательно, – сказала миссис Маларки.

– Вот ты где. – Голос Кейт неожиданно раздался прямо над ухом у Талли. – Все такие милые, – добавила она нарочито громко, – с ног падают, торопятся мне рассказать, что ты пришла.

– Я тут как раз говорила твоим родителям, что собираюсь стать новостной журналисткой.

Миссис Маларки, взглянув на нее, лучезарно улыбнулась. В этой улыбке уместилось все, чего Талли не хватало в жизни.

– Вот это мечта так мечта, правда, Кейти?

Кейт на мгновение озадаченно нахмурилась. Затем взяла Талли под руку и потащила наверх, прочь из гостиной. Оказавшись в своей маленькой спальне со скошенным потолком, она подошла к проигрывателю и принялась копаться в тощей стопочке пластинок. Когда наконец выбрала, что послушать – «Гобелен» Кэрол Кинг²⁹, – Талли уже стояла у окна, глядя куда-то вдаль сквозь лиловый вечерний свет.

Неожиданно для себя заявив, что станет журналисткой, она почувствовала мощный прилив адреналина, но теперь возбуждение улеглось, оставив после себя лишь тихую грусть. Она знала, чего от нее ждут, но от одной мысли об этом ей делалось тошно.

Скажи ей правду.

Если ты не скажешь, скажет миссис Маларки.

– У меня есть свежие выпуски «Севентин» и «Тайгер Бит», – сообщила Кейт, вытягиваясь на синем ковролине. – Хочешь почитать? Можем вместе пройти тест «Станет ли Тони ДеФранко³⁰ с тобой встречаться?».

Талли улеглась с ней рядом.

– Ага, давай.

– Ян-Майкл Винсент такой лапочка, – сказала Кейт, открыв страницу с фотографией актера.

– А я слышала, он свою девушку обманывает. – Талли осторожно покосилась на подругу.

– Терпеть не могу, когда врут. – Кейт перевернула страницу. – А ты правда собираешься стать журналисткой? Мне ты никогда не говорила.

²⁹ Кэрол Кинг (р. 1942) – американская певица и автор песен. *Tapestry* (1971) – ее альбом, ставший одной из самых продаваемых пластинок за всю историю музыки.

³⁰ Тони ДеФранко (р. 1959) – солист популярной в 1970-е поп-группы «Семья ДеФранко» (*The DeFranco Family*), все члены которой приходились друг другу братьями и сестрами.

– Ага, – ответила Талли и впервые по-настоящему вообразила, что это может быть правдой. А вдруг она прославится? Тогда все будут ей восхищаться. – Только тебе тоже придется. Мы же все делаем вместе.

– Мне?

– Станем командой, как Вудворд и Бернштейн³¹, только одеваться мы будем получше. Ну и в целом выглядеть посимпатичнее.

– Я что-то не знаю...

Талли пихнула ее плечом:

– Да все ты знаешь. Миссис Рэмсдейл перед всем классом заявила, что ты отлично пишешь.

Кейт рассмеялась.

– Было такое. Ну ладно, тогда я тоже стану журналисткой.

– А когда прославимся, расскажем в интервью Майку Уоллесу³², что друг без друга ни за что бы не справились.

Они помолчали, перелистывая страницы журналов. Талли дважды попыталась заговорить о матери, но оба раза Кейт ее перебивала, а потом снизу крикнули: «Ужин!» – и шанс во всем сознаться был упущен.

Это был лучший ужин в ее жизни, но каждую секунду на плечи давил груз невысказанной правды. К тому моменту, как они закончили убирать со стола и мыть посуду, она была напряжена до предела. Даже грезы о телевидении и будущей славе не помогли расслабиться.

– Мам, – сказала Кейт, убирая в шкаф последнюю тарелку, – мы с Талли скатаемся на великах до парка, ладно?

– Не скатаемся, а прокатимся, – ответила миссис Маларки, пытаясь нашарить в кармане кресла телепрограмму. – И чтобы дома была к восьми.

– Ну ма-ам...

– К восьми, – повторил папа из гостиной.

Кейт взглянула на Талли:

– Обращаются со мной как с маленькой.

– Сама не понимаешь, как тебе повезло. Ладно, пойдем за великами.

На бешеной скорости они пронеслись по ухабистой дороге, хохоча во все горло. На вершине Саммер-Хилла Талли раскинула руки в стороны, и Кейт последовала ее примеру.

Добравшись до парка у реки, они бросили велосипеды под деревьями, повалились на траву и, лежа плечом к плечу, уставились в небо, слушая, как плещет о камни вода.

– Мне надо тебе кое-что рассказать, – торопливо пробормотала Талли.

– Что?

– Нет у моей мамы никакого рака. Она просто вечно укуренная.

– Твоя мама курит траву? Ага, так я и поверила.

– Нет, правда, она постоянно под кайфом.

Кейт повернула к ней голову:

– Серьезно?

– Серьезно.

– Ты что, *соврала* мне?

От стыда Талли едва могла смотреть Кейт в глаза.

– Я не хотела.

– Нельзя просто взять и соврать нечаянно. Это тебе не об кочку на дороге споткнуться.

³¹ Боб Вудворд (р. 1943), Карл Бернштейн (р. 1944) – американские журналисты, освещавшие уотергейтский скандал.

³² Майк Уоллес (1918–2012) – американский журналист и телеведущий, известный своими интервью с выдающимися личностями – политиками, учеными, писателями, актерами и пр.

- Ты и представить себе не можешь, каково это – стыдиться своей матери.
- Это я-то не могу? Ты бы видела, что мама вчера напялила, когда мы поехали ужинать...
- Нет, – прервала ее Талли. – Ты не понимаешь.
- Так объясни мне.

Талли догадалась, чего хочет Кейт – услышать правду, породившую ложь, – но не знала, сможет ли обратить свою боль в слова и выложить их перед Кейт, точно колоду карт. Всю жизнь она держала свои тайны при себе. Она просто не перенесет, если Кейт, узнав правду, больше не захочет быть ее подругой.

С другой стороны, если не рассказать – их дружбе точно конец.

– Мне было два, – наконец начала она, – когда мать меня впервые бросила, оставила у бабушки. Она поехала в город за молоком, а вернулась через два года, мне уже четыре исполнилось. В следующий раз она явилась, когда мне было десять, и я тогда решила – наверное, это значит, что она меня любит. Но она потеряла меня в толпе. И в следующий раз я ее увидела уже в четырнадцать. Бабушка разрешает нам с ней жить в этом доме, каждую неделю посылает деньги. И так будет продолжаться, пока мать снова не свалит, а это случится рано или поздно.

– Ничего не понимаю.

– Конечно, не понимаешь. Моя мать не такая, как твоя. Мы с ней сроду так долго вместе не жили. Но в конце концов она от меня устанет и смоеется.

– Разве матери так поступают?

Талли пожала плечами:

– Ну, видно, со мной что-то не так.

– С тобой все нормально. Это с ней что-то не так. Но я все равно не понимаю, зачем ты врала.

Талли наконец подняла взгляд на Кейт.

– Хотела тебе понравиться.

– Ты хотела понравиться *мне*? – Кейт расхохоталась. Талли собралась было спросить, что в этом такого смешного, но тут Кейт снова стала серьезной: – Больше никакого вранья, ладно?

– Обещаю.

– И мы с тобой лучшие подруги навеки, – добавила она с пылкой искренностью. – Ладно?

– То есть ты всегда будешь рядом?

– Всегда, – подтвердила Кейт. – Что бы ни случилось.

Талли ощутила, как в душе у нее диковинным цветком распускается незнакомое чувство. Его медовый аромат почти взаправду витал в воздухе. Впервые в жизни она могла кому-то полностью довериться.

– Всегда, – повторила она. – Что бы ни случилось.

Для Кейт то лето после восьмого класса навсегда осталось одним из лучших в жизни. Утром каждого буднего дня она, ни на что не жалуясь, со скоростью метеора выполняла свою часть работы по дому, потом до трех часов сидела с братом, пока мама ездила по делам и заседала в волонтерском совете местной юношеской организации. Как только мама возвращалась, Кейт отпускали гулять. А в выходные она и вовсе целыми днями была предоставлена сама себе.

Они с Талли объездили на велосипедах всю долину, часами катались по Пилчаку на надувных кругах. А под вечер, обмазавшись с ног до головы детским маслом с парой капель йода – чтобы получше загореть, – укладывались на полотенца в своих ярких, вязанных крючком купальниках, включали транзисторный приемник, который всюду брали с собой, и слушали хит-парад топ-40. Они болтали обо всем на свете: о моде, музыке, мальчиках, о войне и о том, что теперь творится во Вьетнаме, о том, каково будет вместе работать журналистками, о фильмах. Не было запретных тем – с какого вопроса ни сделай подачу, с другой стороны сетки прилетит ответ.

Однажды, на исходе августа, Талли зашла в гости, чтобы вместе собраться на ярмарку. Кейт, как обычно, приходилось тащить все с собой и уже на улице переодеваться и краситься. Если она хотела выглядеть как человек, конечно. Мама продолжала считать, что она не доросла до нормальных шмоток и косметики.

– Топик взяла? – спросила Талли.

– Ага.

Упиваясь своей невероятной находчивостью, они спустились в гостиную, где отец, сидя на диване, смотрел телевизор.

– Пап, мы на ярмарку пошли, – крикнула Кейт, радуясь, что мамы нет рядом. Она бы точно заметила, что сумка у нее слишком уж плотно набита. Просветила бы ее плетеные бока своим рентгеновским зрением и все разглядела: и одежду, и босоножки, и косметику.

– Смотрите осторожно там, – отозвался отец, даже не подняв головы.

Он теперь все время так говорил, с тех самых пор, как в новостях стали рассказывать, что в Сиэтле пропадают девушки. По телевизору маньяка звали Тедом³³ – так он представился одной девушке, которую хотел похитить на пляже у озера Саммамиш, а она сбежала и все рассказала полиции, даже внешность его описала. Девушки штата, конечно, были в ужасе. Стоило увидеть на улице желтый «фольксваген-жук», и сразу душа в пятки: вдруг это машина Теда?

– Мы очень осторожно, – с улыбкой пообещала Талли. Ей нравилось, что родители Кейт за них волнуются.

Кейт подошла поцеловать отца на прощанье. Он приобнял ее и протянул десятидолларовую купюру:

– Повеселитесь хорошенько.

– Спасибо, пап.

Вместе с Талли они зашагали по подъездной дорожке, размахивая на ходу сумками.

– Как думаешь, Кенни Марксон придет? – спросила Кейт.

– Больно уж ты печешься о парнях.

Кейт пихнула ее бедром:

– Да он в тебя втюрился.

– Какая честь. Я и то его выше.

Внезапно Талли застыла на месте.

– Блин, Талли, ну предупреждай хоть, я чуть не навернулась...

– О нет.

– Что такое?

И тут Кейт заметила полицейскую машину, припаркованную у дома напротив.

Талли схватила ее за руку и потащила вперед, через дорогу, к входной двери, открытой нараспашку.

В гостиной сидел полицейский.

Увидев их, он натянул на лицо неестественную, будто клоунскую улыбку.

– Здравствуйте, девочки, я из полиции. Дэн Майерс.

– Что она на этот раз натворила? – спросила Талли.

– На озере Квинолт вчера устроили акцию за сохранение ареала пятнистых неясителей, и кончилось все очень плохо. Организовали сидячую забастовку, у «Вэйерхаузера»³⁴ на целый день работа встала, твоя мама там тоже была. Хуже того, кто-то бросил в лесу зажженную сигарету. – Он ненадолго умолк. – Пожар только-только потушили.

– Дайте угадаю, ее посадят?

³³ Речь идет о Теде Банди – серийном убийце, действовавшем в 1970-е в нескольких американских штатах, в т. ч. в окрестностях Сиэтла. В период с 1974 по 1978 год его жертвами стали как минимум 30 женщин.

³⁴ *Weyerhaeuser* – американская лесопромышленная компания со штаб-квартирой в Сиэтле.

– Адвокат постарается добиться, чтобы ее отправили на добровольное лечение от наркозависимости. Если получится, она какое-то время пробудет в больнице. А если нет... – Он не договорил.

– Бабушке моей сообщили?

Полицейский кивнул:

– Она тебя уже ждет. Помочь собраться?

Кейт никак не могла взять в толк, что происходит. Она повернулась к подруге:

– Талли?

Встречный взгляд карих глаз был пугающе пустым, и Кейт поняла, что случилось нечто ужасное.

– Я возвращаюсь к бабушке, – сказала Талли, проходя мимо нее к себе в комнату.

Кейт бросилась следом:

– Ты не можешь просто взять и уехать!

Талли вытащила из шкафа чемодан и расстегнула замок.

– У меня нет выбора.

– Я *заставлю* твою маму вернуться! Я ей скажу...

Талли на мгновение отвлеклась от сборов и пристально посмотрела на Кейт.

– Тут ничем не поможешь, – сказала она тихо, и голос ее звучал совсем по-взрослому, устало и печально. Только теперь Кейт по-настоящему поняла смысл всех этих историй про бедовую мать Талли. Они вместе смеялись над ее вечной укуренностью, над ее нелепыми шмотками, идиотскими рассказами, но это было совсем не смешно. Талли ведь знала, что так и случится.

– Пообещай мне, – голос Талли сорвался, – что мы всегда будем подругами.

– Всегда, – только и смогла сказать Кейт.

Побросав вещи в чемодан, Талли закрыла его и, ни слова не говоря, вышла в гостиную. По радио играли «Америкэн-пай»³⁵, и Кейт задумалась на мгновение, всегда ли теперь, услышав эту песню, будет вспоминать сегодняшний день. *День, когда умерла музыка*. Следом за Талли она вышла во двор. Они так долго обнимались, что полицейскому пришлось бережно потянуть Талли за плечо.

Кейт не смогла даже помахать ей на прощанье. Так и стояла истуканом на дорожке, чувствуя, как по щекам струятся слезы, и смотрела, как ее лучшая подруга уезжает прочь.

³⁵ *American Pie* (1971) – песня американского автора-исполнителя Дона Маклина. «День, когда умерла музыка», многократно упоминаемый в тексте песни, – отсылка к авиакатастрофе 3 февраля 1959 года, в которой погибли музыканты Бадди Холли, Ричи Валенс и Биг Боппер. Именно благодаря песне Маклина за днем гибели музыкантов закрепилось это название.

Глава шестая

Следующие три года они преданно писали друг другу. Это была не привычка, а скорее жизненная необходимость. Каждое воскресенье вечером Талли садилась за белый письменный стол в своей детской, лилово-розовой комнатке и изливала на бумагу все мысли и мечты, обиды и тревоги. Иногда она писала о вещах совсем незначительных – про свою новую стрижку, как у Фэрры Фосетт³⁶, с которой выглядела просто отпадно, или про платье «Ганни Сакс»³⁷, в котором ходила на школьный бал, – но порой разрешала себе рассказать Кейт о чем-то сокровенном: о своих бессонных ночах или о снах, в которых ее мать возвращалась, чтобы сказать, что гордится ей. Когда умер дедушка, она смогла поговорить об этом только с Кейт. Даже не плакала о нем толком, пока не услышала в трубке голос лучшей подруги:

– Ой, Талли, мне ужасно жаль.

Впервые в жизни она не врала и не приукрашивала события (ну, почти) – просто была собой, а Кейт большего и не просила.

Настало лето 1977 года. Всего через несколько месяцев они пойдут в выпускной класс, каждая в свою школу.

Сегодня у Талли был особый день – она готовилась к нему много месяцев подряд. Пришло время начать долгий путь, который столько лет назад показала ей миссис Маларки.

Стать новой Джин Энерсен.

Эти слова превратились для нее в мантру, тайный код, вместивший всю необъятность ее мечты, – с ними казалось, что мечта и впрямь может сбыться. Когда-то давно, на кухне дома в Снохомише, она проглотила семечко, и теперь это семечко проросло, пустило корни глубоко в ее сердце. Она и не догадывалась, насколько сильно ей нужна была мечта, пока вдруг не почувствовала, как превращается из несчастной, покинутой сиротки Талли в девушку, готовую покорить мир. У нее появилась цель, к которой можно стремиться, за которую можно держаться, и все подробности ее биографии вдруг сделались неважными. К тому же миссис Маларки ей гордилась – она не раз упоминала об этом в письмах. А главное, Кейт ведь хочет того же. Они обе станут журналистками, будут вместе гоняться за новостями и рассказывать о них миру. Команда.

Она остановилась на тротуаре перед зданием телеканала, чувствуя себя грабителем, которому предстоит атаковать Форт-Нокс.

Хотя канал был известный и влиятельный, принадлежал ABC, его здание в Денни-Регрейд³⁸ оказалось на удивление скромным. Ни тебе шикарного вида, ни панорамных окон, ни роскошного вестибюля с картинами на стенах. За дверью виднелся самый обычный стол буквой «Г», за ним вроде бы симпатичная секретарша, а напротив – три неказистых пластиковых стула горчичного цвета для посетителей.

Талли сделала глубокий вдох, расправила плечи и вошла. Сообщив секретарше свое имя, она присела на один из горчичных стульев. Ждать пришлось довольно долго, и все это время она тщательно следила за собой: не ерзать, коленкой не дергать.

Никогда не знаешь, кто за тобой наблюдает.

– Миз Харт? – наконец обратилась к ней секретарша. – Проходите.

Поднявшись, Талли улыбнулась ей выверенной, профессиональной улыбкой:

– Спасибо.

³⁶ Фэрра Фосетт (1947–2009) – американская актриса, модель и художница.

³⁷ *Gimme Sax* – популярная в 1960–1970-е годы американская марка одежды, специализировавшаяся на вечерних платьях в стиле ретро для молодых девушек.

³⁸ Район Сизтла, расположенный к северу от делового центра города.

Секретарша распахнула перед ней дверь, за которой оказался еще один вестибюль.

И тут же Талли столкнулась нос к носу с человеком, которому почти год еженедельно отправляла письма.

– Здравствуйте, мистер Рорбах, – она пожала протянутую руку, – очень рада наконец с вами познакомиться.

Он оказался старше, чем Талли предполагала, и выглядел усталым. На голове, почти идеально гладкой и блестящей, топорщилась жалкая бахрома седых с рыжиной волос. Одет он был в бледно-голубой полиэстеровый костюм с белой декоративной строчкой.

– Прошу, проходите в мой кабинет, мисс Харт.

– Миз Харт, – поправила она.

Нужно уметь себя поставить. Как говорит Глория Стайнем, чтобы вас уважали, надо требовать уважения.

Мистер Рорбах непонимающе моргнул:

– Простите?

– Если не возражаете, я предпочитаю обращение «миз Харт». А вы, конечно, не возражаете. Как может человек, изучавший английскую литературу в Джорджтаунском университете³⁹, сопротивляться переменам в обществе? Я уверена, вы – человек прогресса. По глазам вижу. Отличные очки, кстати.

Несколько мгновений он молча смотрел на нее, чуть приоткрыв рот, а затем, точно вспомнив, где находится, сказал:

– Прошу за мной, миз Харт.

Он провел ее по безликому белому коридору мимо очереди одинаковых, отделанных «под дерево» дверей и открыл последнюю слева.

Окно его крошечного кабинета смотрело прямо на эстакаду монорельса. Стены были абсолютно голые.

Талли села на черный складной стул, лицом к рабочему столу мистера Рорбаха, а тот, заняв свое место, поднял на нее внимательный взгляд.

– Сто двенадцать писем, миз Харт. – Он похлопал ладонью по пухлой картонной папке на столе.

Сохранил ведь все ее письма. Это что-нибудь да значит. Талли вытащила из портфеля свое свеженькое резюме и положила перед мистером Рорбахом.

– Как вы, конечно, помните, школьная газета регулярно размещает мои материалы на первой полосе. Также у меня с собой подробный репортаж о землетрясении в Гватемале, свежие новости о деле Карен Энн Куинлан и душераздирающие подробности последних дней жизни Фредди Принца⁴⁰. Думаю, они в достаточной степени демонстрируют мои способности.

– Вам семнадцать лет.

– Да.

– В следующем году вы заканчиваете школу.

Не зря настрочила столько писем. Да он все про нее знает.

– Верно. И, кстати, мне кажется, что из этого мог бы выйти неплохой материал. Последний год учебы в школе, какие они, выпускники 78-го? Можно было бы делать ежемесячные репортажи о том, что творится за закрытыми дверями в местных школах. Уверена, ваши телезрители...

³⁹ Университет в Вашингтоне, один из самых престижных в США.

⁴⁰ Карен Энн Куинлан (1954–1985) – американка, впавшая в кому в 1975 году в возрасте 21 года. Борьба родителей девушки за то, чтобы отключить ее от аппарата искусственной вентиляции легких, породила в США широкую общественную дискуссию об эвтаназии и праве на смерть. Фредди Принц (1954–1977) – американский актер и стендап-комик, в 1977 году покончил с собой.

– Миз Харт... – Он наблюдал за ней, опустив подбородок на сложенные вместе кончики пальцев. Талли отчего-то показалось, что он с трудом сдерживает улыбку.

– Да, мистер Рорбах?

– Мы тут на ABC работаем, в конце-то концов. Ну не можем мы нанимать школьников.

– Но стажеры ведь у вас есть?

– Да, студенты, из Вашингтонского университета⁴¹ и других колледжей. Те, кто приходит к нам стажироваться, уже понимают, как устроено телевидение. Большинство из них успели до нас поработать на университетских каналах. Мне жаль вас расстраивать, но вам сюда пока рановато.

– Ясно.

Они молча уставились друг на друга.

– Я давно на телевидении, миз Харт, и мне редко попадались такие целеустремленные люди, как вы. – Он снова похлопал по папке с ее письмами. – Я вам вот что скажу: вы продолжайте отправлять мне свои статьи. А я вас буду иметь в виду.

– То есть потом, когда я буду готова, вы меня возьмете?

Он рассмеялся.

– Вы, главное, пишите. И хорошо учитесь, а после школы отправляйтесь в колледж, ладно? А там посмотрим.

Талли снова почувствовала прилив энергии.

– Буду писать раз в месяц. Я у вас еще поработаю, мистер Рорбах, вот увидите.

– Я в вас верю, миз Харт.

Они еще немного поговорили, затем мистер Рорбах проводил ее к выходу. По пути он остановился возле витрины, где за стеклом сверкали золотом десятки статуэток «Эмми» и других наград.

– Когда-нибудь я выиграю «Эмми», – сказала Талли, погладив стекло пальцами. Что ж, придется немного подождать, но расстраиваться из-за этого она не станет. Подумаешь, какая-то мелкая заминка.

– Знаете что, Таллула Харт? Уверен, так и будет. А пока учитесь и наслаждайтесь последним школьным годом. Во взрослую жизнь еще успеете.

Снаружи ее встретил открыточный вид Сиэтла – один из тех ясных, безоблачных, фотогеничных дней, ради которых люди продают дома в заурядных, куда менее впечатляющих местах и переезжают сюда. Знали бы они, как редко выпадают такие деньки. Лето в этих местах светит жарко, но и прогорает стремительно, точно ракетное топливо.

Прижимая к груди черный дедушкин портфель, она пошла к автобусной остановке. Когда по эстакаде у нее над головой с грохотом пронесся монорельсовый поезд, она почувствовала, как дрожит под ногами земля.

Всю дорогу домой Талли убеждала себя, что на самом деле отказ открыл перед ней кучу возможностей: теперь она сможет проявить себя в колледже, а потом получить работу еще получше этой.

Но как она ни пыталась взглянуть на этот разговор под другим углом, ощущение, что она не справилась, все никак не отпускало. Подходя к дому, она чувствовала себя будто бы меньше ростом, груз неудачи оттягивал плечи.

Она отперла дверь и вошла, швырнула портфель на кухонный стол.

Бабушка сидела в гостиной на старом потрепанном диване; ноги ее, затянутые в чулки, покоились на продавленном бархатном пуфике. Она спала, уронив на колени вышивку, и едва слышно похрапывала.

⁴¹ Государственный университет в Сиэтле.

Увидев ее, Талли растянула губы в улыбке. Подойдя поближе, наклонилась и коснулась узловатых пальцев.

– Привет, бабуль, – сказала она тихо, усаживаясь рядом.

Бабушка выплыла из сна в явь. Глаза за толстыми стеклами старомодных очков постепенно прояснились.

– Как все прошло?

– Заместитель главного редактора сказал, что я для них слишком хороша, представляешь? Говорит, для человека с моими навыками эта работа – путь в никуда.

Бабушка ласково жала ее ладонь:

– Сказали, что тебе пока рано, да?

Глаза Талли наполнились слезами, которые она до сих пор сдерживала из последних сил. Досадливо смахнув их рукой, она сказала:

– Они меня еще возьмут, когда я поступлю в колледж. Вот увидишь. Еще будешь мной гордиться.

«Бедненькая Талли», – читалось во взгляде бабушки.

– Я-то тобой давно горжусь. Это ты для Дороти стараешься.

Талли прижалась к сухощавому бабушкиному плечу и позволила себя обнять. Спустя несколько мгновений она уже понимала, что и эта боль пройдет – заживет, как солнечный ожог, и в следующий раз обжечь ее будет уже не так просто.

– У меня есть ты, так что и без нее обойдусь.

Бабушка устало вздохнула.

– Хочешь, пойди позвони своей подруге Кейти. Только не слишком долго, дорогое это удовольствие.

Одна мысль о том, чтобы позвонить Кейт, подняла Талли настроение. Междугородние звонки и правда стоили состояния, так что поговорить им удавалось нечасто.

– Очень хочу! Спасибо, бабуль.

Через несколько дней Талли устроилась на подработку в «Квин-Энн Би» – местный еженедельник. Поручения ей, как правило, давали пустячные, и такую же пустячную сумму платили в час за их выполнение, но ее это нисколько не смущало. Главное, что нашлась лазейка в индустрию. Почти все лето 77-го она проторчала в крошечных каморках редакции, пытаясь выжать из этой работы всю пользу до последней капли: таскалась хвостом за корреспондентами, делала бесконечные ксерокопии, приносила всем подряд кофе. Свободное время проводила дома с бабушкой, играя в джин рамми⁴² на спички. А каждое воскресенье, точно по расписанию, садилась писать Кейт и пересказывала ей все события недели в мельчайших подробностях.

Вот и сейчас, сидя за столом, она перечитывала очередное восьмистраничное письмо, которое затем подписала: «Твоя лучшая подруга навеки, Талли ♥» – и бережно сложила в три раза.

На столе рядом лежала последняя открытка от Кейт – Маларки всей семьей отправились в свою ежегодную вылазку на природу. Кейт называла эту поездку «Адская комариная неделя», но Талли завидовала каждому мгновению, которое не могла с ними разделить. Она ужасно хотела поехать, мало что в жизни ей далось сложнее, чем этот отказ. Но не бросать же свою драгоценную работу, да и бабушка в последнее время сдала, так что выбора особо не было.

⁴² Карточная игра, цель которой – собирать комбинации из нескольких карт одного достоинства или одной масти, идущих подряд.

Она взглянула на открытку, в очередной раз пробежала глазами по строчкам, которые давно выучила наизусть. «По вечерам играем в червы и жарим маршмэллоу, вода в озере ледяная...»

Талли заставила себя отвернуться. Какой смысл страдать о том, чего все равно не получишь? Уж этому-то Дымка ее научила.

Она положила письмо в конверт, надресала адрес, затем спустилась вниз проведать бабушку. Та уже спала.

Талли одна посмотрела свои любимые воскресные сериалы – «Все в семье», «Элис» и «Коджака»⁴³, – а потом заперла входную дверь и пошла спать. Перед тем как лениво соскользнуть в сон, она успела подумать: интересно, что сейчас поделявают Маларки?

Проснувшись, как обычно, в шесть утра, она стала собираться на работу. Иногда, если ей удавалось приехать пораньше, кто-нибудь из корреспондентов разрешал помочь с сегодняшними материалами.

Одевшись, она поспешно выскочила в коридор и постучала в последнюю дверь. Будить бабушку она ненавидела, но такие уж были правила – не уходить, не попрощавшись.

– Бабуль?

Она постучала снова и медленно открыла дверь.

– Бабуль... я на работу пошла.

На подоконнике лежали лиловые тени утренних сумерек. Развешенные по стенам вышивки в полутьме казались пустыми серыми прямоугольниками.

Бабушка лежала в кровати. Даже с порога Талли хорошо видела ее – завитки седых волос, складки ночной рубашки... неподвижную грудь.

– Бабушка?

Она подошла ближе, прикоснулась к морщинистой, бархатной щеке. Ледяная. Дряблые губы застыли, ни вдоха.

Весь мир вокруг Талли накренился, точно потерял опору. Сил ее хватало только на то, чтобы стоять неподвижно, глядя на безжизненное бабушкино лицо.

Редкие слезы казались густыми, точно кровь, едва пробивались наружу по узким слезным протокам. В голове завертелся калейдоскоп воспоминаний: вот ее седьмой день рождения, бабушка плетет ей косички и говорит, мол, если будешь молиться как следует, мама наверняка придет, и только потом, годы спустя, признается, что Бог может и не услышать молитв маленькой девочки, да и взрослой тети тоже; а вот они с бабушкой играют в карты – всего неделю назад, – бабушка смеется, глядя, как Талли в очередной раз сгребает колоду сброса, и говорит: «Талли, ну обязательно же все карты собирать себе в руку...»; а вот целует ее на ночь, нежно-нежно.

Талли понятия не имела, как долго простояла без движения, но когда она наклонилась поцеловать бабушкину пергаментную щеку, сквозь тонкие шторы уже пробивалось, освещая комнату, утреннее солнце. Это удивило Талли – что рассвет все равно случился. Казалось, без бабушки комната должна была погрузиться в вечный сумрак.

«Ну все, Талли, прекращай», – сказала она себе.

Она знала, что ей много чего нужно сделать. Бабушка несколько раз все проговаривала, старалась ее подготовить. Но к такому не подготовишь, что ни говори.

Она подошла к бабушкиному прикроватному столику, на котором, рядом с фотографией дедушки и батареей пузырьков с таблетками, стояла красивая шкатулка розового дерева.

⁴³ «Все в семье» (1971–1979), «Элис» (1976–1985) – американские комедийные сериалы. «Коджак» (1973–1978) – детективный сериал, названный по имени главного героя, нью-йоркского детектива Тео Коджака.

Открыв шкатулку, Талли испытала смутное чувство вины, будто собиралась что-то украсть, но бабушка ведь просила ее об этом. «Перед тем как отправиться на тот свет, – говорила она, – я тебе кое-что оставлю в той шкатулочке, которую мне дедушка подарил».

Внутри, поверх грозди дешевых украшений, которые бабушка почти и не носила, лежал сложенный пополам лист розовой бумаги, снаружи подписанный именем Талли.

Она медленно протянула руку, взяла письмо, развернула.

Милая моя Талли,

Пожалуйста, прости меня. Я знаю, как ты всегда боялась, что тебя бросят, оставят одну на белом свете, но уж столько мне было отпущено Господом. Я бы осталась с тобой подольше, если бы только могла. Мы с дедушкой будем присматривать за тобой с небес. А ты, главное, верь в это крепко, и никогда не будешь одна.

Ты была моей самой большой радостью в жизни.

С любовью, бабушка

Была.

Бабушки больше нет.

Талли стояла у дверей церкви, дожидаясь, пока схлынет вяло текущий мимо поток стариков. Некоторые из друзей бабушки узнавали ее, подходили выразить соболезнования.

Мне так жаль, милая...

...Она теперь в лучшем мире...

...Свиделись наконец-то с Уинстоном.

...Не хотела бы, чтобы ты плакала.

Она выслушивала каждого, потому что знала – так хотела бы бабушка, но к одиннадцати часам уже готова была вопить от отчаяния. Неужели они не видят, неужели не понимают, что перед ними, вся в черном, стоит семнадцатилетняя девчонка, у которой на всем белом свете никого не осталось?

Ей ужасно не хватало Кейти и всей семьи Маларки, но она понятия не имела, как связаться с ними в Канаде, а домой они вернутся только через два дня, так что придется выносить все это одной. Будь они рядом, эта ее семья понарошку, быть может, она смогла бы продержаться до конца службы.

Без них Талли не справилась. Вместо того чтобы сидеть и слушать жуткие, раздирающие сердце воспоминания о бабушке, встала прямо посреди погребальной службы и вышла на улицу.

Снаружи, под жарким августовским солнцем, она снова смогла дышать, но слезы стояли близко, едва не переливаясь через край, и все вертелся в голове бессмысленный вопрос: *Как ты могла меня бросить?*

Окруженная огромными полинялыми старомодными автомобилями, она отчаянно пыталась не разреветься. Пыталась забыть о том, что случилось, не думать о том, что с ней будет теперь.

Неподалеку треснула ветка, и Талли подняла голову. Сперва она не разглядела ничего, кроме беспорядочно припаркованных машин.

А потом увидела ее.

У самого края церковной лужайки, в тени высоких кленов, за которыми начинался городской парк, стояла, зажав в зубах длинную тонкую сигарету, Дымка. На ее худом как палка теле болтались затасканные вельветовые клешы и грязная блузка-крестьянка. По обе стороны лица свисали неряшливые занавеси волнистых каштановых волос.

Сердце Талли, не сдержавшись, радостно екнуло. Наконец-то она не одна. Может, Дымка и ненормальная, но ведь приехала, когда стряслась беда. Не переставая улыбаться, Талли бегом бросилась ей навстречу. Она готова была простить все: упущенные годы, все те разы, когда мать бросала ее. Главное, что она вернулась теперь, когда Талли нуждалась в ней сильнее всего.

– Слава богу, ты приехала, – тяжело выдохнула она, останавливаясь. – Ты поняла, как нужна мне.

Мать подалась к ней, споткнулась, рассмеялась, пытаясь удержать равновесие.

– Ты прекрасное создание, Талли. Все, что тебе нужно, – это воздух и свобода.

У Талли внутри все оборвалось.

– Нет, – она умоляюще взглянула на мать, – только не сейчас, пожалуйста...

– Всегда.

В голосе Дымки послышалась внезапная резкость, острота, не вязавшаяся с мутной безжизненностью ее взгляда.

– Я твоя плоть и кровь, и сейчас ты мне очень нужна. Кроме тебя, у меня никого нет. – Талли и сама слышала, что шепчет, но говорить громче не было сил.

Дымка двинулась к ней нетвердым шагом. В ее глазах отчетливо читалась грусть, но Талли было плевать. Псевдоочувства ее матери появлялись и исчезали так же стремительно, как солнце в небе Сиэтла.

– Талли, посмотри на меня.

– Ну смотрю.

– Нет. *Посмотри*. Я не могу тебе помочь.

– Но ты мне нужна.

– В этом, блин, вся трагедия. – Дымка сделала долгую затяжку, спустя несколько секунд выпустила изо рта облако дыма.

– Почему? – спросила Талли. «...ты меня не любишь?» – хотела добавить она, но так и не успела облечь свою боль в слова, служба вдруг закончилась, парковку наводнили запакованные в черное люди. Талли отвела взгляд, всего на одно мгновение, чтобы утереть слезы. Но когда повернулась обратно, матери рядом не было.

Женщина из соцзащиты была сухая, как хворост. Вроде бы пыталась говорить правильные вещи, но, стоя у двери в комнату Талли, так и норовила глянуть на часы.

– Я все равно не понимаю, зачем мне собираться. Мне скоро восемнадцать. Дом в собственности, кредита нет – точно знаю, я сама весь год платила по счетам. Я вполне способна жить самостоятельно.

– Нас уже ожидает адвокат, – только и сказала соцработница. – Ты ведь почти готова, правда?

Талли положила в чемодан пачку писем от Кейти, захлопнула крышку, шелкнула замком. Сказать «готова» у нее не повернулся язык, так что она просто подхватила чемодан и забросила на плечо свою плетеную сумку.

– Наверное.

– Замечательно. – Соцработница стремительно развернулась и зашагала к лестнице.

Талли обвела свою спальню долгим прощальным взглядом, точно впервые видя все то, что давно привыкла не замечать, – бледно-лиловое постельное белье с оборками, широкую белую кровать, шеренгу покрытых пылью пластмассовых лошадок на подоконнике, куклу мисс Бизли⁴⁴ на комод, шкатулку для украшений с «мисс Америкой» и крохотной балериной в розовой пачке.

⁴⁴ Изначально кукла девочки Баффи, героини американского комедийного сериала «Дела семейные» (1966–1971). В 1967 году после успеха сериала в США начали производить и продавать аналогичных кукол.

Бабушка обставила эту комнату специально для маленькой девочки, которую много лет назад бросила здесь мать. А теперь все эти вещи, которые она с такой заботой выбирала, рас- суют по коробкам и бросят пылиться в темной кладовке – как и связанные с ними воспомина- ния. Сколько пройдет времени, прежде чем она сможет вспоминать о бабушке без слез?

Талли закрыла дверь, проследовала за соцработницей по притихшему дому, спустилась по ступенькам крыльца и подошла к выдавшему виды желтому «форду-пинто», который был припаркован на улице.

– Чемодан положи в багажник.

Талли повиновалась, затем залезла на пассажирское сиденье.

Едва соцработница повернула ключ зажигания, из динамиков оглушительно заорала музыка: «Не переставай верить в нас» Дэвида Соула⁴⁵. Она поспешно выключила магнитулу, пробормотав:

– Прошу прощения.

Талли, сочтя, что извиняться за Дэвида Соула стоит не больше, чем за кого угодно еще, лишь пожала плечами и уставилась в окно.

– И очень соболезную по поводу твоей бабушки, если я еще не говорила.

Талли молча вглядывалась в свое искаженное отражение в боковом стекле. Как будто негатив лица – бесцветный и бесплотный. Примерно так, вообще говоря, она себя и чувство- вала.

– Судя по всему, она была исключительной женщиной.

Талли не удостоила эту реплику ответом. Да и сил говорить у нее не было. Встреча с матерью будто высушила ее изнутри. Опустошила.

– Ну вот мы и приехали.

Они остановились возле хорошо сохранившегося викторианского особняка в центре Бал- ларда⁴⁶. Написанная от руки вывеска гласила: «БЭЙКЕР И МОНТГОМЕРИ, АДВОКАТЫ».

Талли ненадолго замешкалась в машине. А когда вышла, соцработница уже понимающе ей улыбалась.

– Чемодан брать необязательно.

– Я все равно возьму, спасибо.

Собранный чемодан надо держать при себе – уж что-что, а это Талли прекрасно пони- мала.

Соцработница кивнула и повела ее по вспоротому травой бетонному тротуару к белой двери. Войдя, Талли присела в чересчур затейливо украшенном фойе, рядом с пустым секре- тарским столом. По стенам, оклеенным узорчатыми обоями, были развешены умильные портреты большеглазых детишек. Ровно в четыре к ним вышел плотный лысоватый человек в роговых очках.

– Здравствуй, Таллула. Я Элмер Бэйкер, адвокат твоей бабушки.

Талли проследовала за ним в небольшой кабинетик на втором этаже, где стояли два мягких кресла и антикварный стол красного дерева, усеянный желтыми блокнотами, какими обычно пользуются юристы. В углу, жужжа и грохоча, напольный вентилятор гнал к двери поток теплого воздуха. Соцработница села у окна.

– Сюда, сюда. Присаживайся, пожалуйста, – сказал адвокат, пробираясь к собственному креслу за изящным столом. – Итак, Таллула...

– Талли, – тихо поправила она.

– Точно. Айма говорила, что тебе так больше нравится.

⁴⁵ Дэвид Соул (р. 1943) – американско-британский актер и музыкант. Сентиментальная песня *Don't Give Up on Us* (1976) – его главный хит.

⁴⁶ Район на северо-западе Сиэтла.

Он поставил локти на стол и подался вперед. Его глаза черными жучками смотрели из-за толстых увеличительных линз очков.

– Как ты знаешь, твоя мать от опеки отказалась.

У Талли едва достало сил кивнуть, хотя накануне она весь вечер готовила длинную речь о том, что вполне способна жить самостоятельно. Оказавшись в этом кабинете, она почувствовала себя беспомощной, маленькой.

– Мне очень жаль, – сказал он тихо, и Талли передернуло от этих слов. Она успела по-настоящему возненавидеть эту дурацкую, бессмысленную фразу.

– Понятно, – сказала она, тайком сжимая кулаки.

– Наша миз Каллиган подыскала для тебя замечательную семью. У них на попечительстве уже находятся несколько подростков. И самое прекрасное, что ты сможешь продолжить учиться в своей старой школе. Этому ты наверняка рада.

– Вне себя от счастья.

Мистер Бэйкер на мгновение опешил.

– Разумеется. Ну что ж. К вопросу о твоём наследстве. Айма оставила тебе все свое имущество – оба дома, машину, банковские счета и ценные бумаги. Также она распорядилась, чтобы ты продолжала ежемесячно выплачивать содержание ее дочери, Дороти. Твоя бабушка считала, что это единственный способ не потерять ее из виду. По нашему опыту, Дороти вполне готова регулярно выходить на контакт, если знает, что получит деньги.

Он кашлянул, прочищая горло.

– Итак, если мы продадим оба дома, тебе еще довольно долго не придется переживать о финансах. Мы позаботимся о том, чтобы...

– Но мне ведь тогда будет негде жить?

– Мне жаль, но так распорядилась Айма. Она хотела, чтобы ты могла себе позволить учебу в любом колледже. – Он на мгновение поднял на Талли взгляд. – Однажды ты получишь Пулитцеровскую премию. Так она, во всяком случае, сказала.

Талли поняла, что вот-вот расплачется, – но не рыдать же на глазах у этих людей. Она вскочила на ноги:

– Мне в туалет надо.

Лоб мистера Бэйкера расскла озабоченная складка.

– А, да, разумеется. Это внизу. Первая дверь налево от входа.

Талли схватила чемодан и поволокла его с собой. Выйдя в коридор, она закрыла дверь и прислонилась к стене, отчаянно стараясь сдержать слезы.

Не может быть, чтобы ее отправили в приемную семью.

Она взглянула на свои часы – памятные, к двухсотлетию Независимости.

Маларки возвращаются завтра.

Глава седьмая

Домой из Британской Колумбии они ехали целую вечность. Кондиционер в машине сломался, из бесполезных вентиляционных решеток сочился теплый воздух. Все были потные, грязные и уставшие. Но мама с папой все равно рвались петь песни. Еще и требовали, чтобы дети подпевали.

Кейт едва выносила тупость происходящего.

– Мам, ну *скажи* Шону, ну пусть он перестанет меня трогать за плечо.

Брат рыгнул и залился смехом. Собака разгавкалась как ненормальная.

Тем временем папа, сидевший за рулем, подался вперед и включил радио. Из динамиков зазвучал голос Джона Денвера: «Слава богу, я не городской»⁴⁷.

– Вот что я буду петь, Марджи. А если они не хотят подпевать... то и ладно.

Кейт уткнулась в книгу. Машину так болтало, что слова перед глазами расплывались, но какая разница, она уже сто раз читала «Властелина колец».

«Я рад, что ты здесь со мной. Вдвоем не страшно, даже в конце»⁴⁸.

– Кейти. Кейтлин!

Она подняла голову:

– А?

– Приехали, – сказал папа. – Давай откладывай свою книжку и помогай разгрузиться.

– А можно я сначала Талли позвоню?

– Нет, сначала ты вещи распакуешь.

Кейт звонко захлопнула книгу. Она неделю ждала этого звонка. Но разгрузить машину – это, конечно, важнее.

– Ладно. Но пусть Шон тоже помогает.

Мама вздохнула:

– Ты лучше за собой последи, Кейтлин.

Все высыпали из вонючей машины и начали ежегодный послеотпускной ритуал. Закончили уже затемно. Кейт вывалила последний мешок грязной одежды в кучу на полу у стиральной машины, запустила первый раунд стирки и пошла искать маму. Родители нашлись на диване в гостиной – сидели, прижавшись друг к другу, с каким-то оглушенным видом.

– Теперь-то можно я Талли позвоню?

Отец посмотрел на часы:

– В полдесятого ночи? Не уверен, что ее бабушка очень обрадуется.

– Но...

– Спокойной ночи, Кейти, – строго сказал отец, крепче обнимая и прижимая к себе маму.

– Так вообще-то нечестно.

Мама усмехнулась:

– А кто сказал, что в жизни все по-честному? Отправляйся-ка спать.

Талли почти четыре часа простояла на углу своего дома, наблюдая, как Маларки разгружают машину. Она несколько раз порывалась взбежать по холму и просто заявиться к ним, но чувствовала, что не готова пока к шумной многоголосице всего семейства. Ей хотелось побыть наедине с Кейт в каком-нибудь укромном месте, где они могли бы поговорить.

Как только в окнах погас свет, она перешла через дорогу. На всякий случай еще полчаса подождала на лужайке под окнами Кейт.

⁴⁷ Джон Денвер (1943–1997) – американский кантри-певец и автор песен, один из самых успешных музыкантов в истории фолк-музыки. Песня *Thank God I'm a Country Boy* была записана в 1974 году.

⁴⁸ Перевод Н. В. Григорьевой, В. И. Грушецкого.

Где-то слева от нее Горошинка тихонько ржала и била копытом. Видно, тоже устала от одиночества. Пока Маларки были в отъезде, ее кормил сосед, но кормить – не то же самое, что любить.

– Понимаю, старушка, – сказала Талли, усаживаясь на землю.

Она обхватила колени руками, обняла себя покрепче. Наверное, надо было просто позвонить, вместо того чтобы выслеживать их среди ночи. Но миссис Маларки, пожалуй, сказала бы, что лучше ей прийти завтра, что они все устали с дороги, а у Талли больше не было сил ждать. С таким громадным одиночеством без подмоги не справишься.

Часов в одиннадцать она наконец встала, отряхнула джинсы от травы и швырнула мелкий камушек в окно Кейт.

Пришлось кинуть еще три, прежде чем Кейт высунула голову.

– Талли!

Она нырнула обратно в комнату, захлопнула окно и меньше чем через минуту появилась из-за угла – в ночнушке с «Бионической женщиной»⁴⁹, все тех же огромных очках в черной оправе, с зубной пластинкой во рту. Распахнув объятия, она бросилась к Талли.

Когда Кейт прижала ее к себе, Талли впервые за много дней почувствовала себя в безопасности.

– Я так скучала, – сказала Кейт, обнимая ее еще крепче.

Талли промолчала. Попробуй она ответить, точно бы расплакалась. Интересно, Кейт хотя бы представляет, насколько эта дружба важна для нее?

– Я велики достала, – сказала она, глядя в сторону, чтобы Кейт не заметила предательского блеска в ее глазах.

– Класс.

Через несколько минут они уже мчались вниз по Саммер-Хиллу, ловя ветер раскинутыми в стороны руками. У подножия холма они бросили велосипеды под деревьями и пошли по длинной извитой тропинке к берегу реки. Деревья вокруг перешептывались под вздохи ветра, и время от времени с какой-нибудь ветки падал лист – ранняя примета грядущей осени.

Кейт плюхнулась на землю на их старом месте, прислонилась спиной к мшистому стволу поваленного дерева, вытянула ноги в траве, которая за время их отсутствия успела заметно подрасти.

Талли ощутила внезапный приступ ностальгии. Сколько же времени они провели здесь летом 74-го, сплетая свои отдельные одинокие жизни в прочный спасительный трос дружбы. Она улеглась подле Кейт, придвинулась так близко, что их плечи соприкасались. После всего, что случилось за последние дни, Талли важно было чувствовать, что ее лучшая подруга наконец рядом. Она поставила радиоприемник в траву и покрутила ручку громкости.

– Адская комариная неделя в этот раз была даже адовее обычного, – пожаловалась Кейт. – Зато получилось уговорить Шона сожрать слизня. Меня лишили карманных денег на неделю, но оно того стоило. – Она хихикнула. – Ты бы видела его лицо, когда я начала ржать. А тетя Джорджия пыталась поговорить со мной о контрацепции. Прикинь? Сказала, что мне надо...

– Ты хоть понимаешь, как тебе повезло? – Слова сорвались с языка, прежде чем Талли успела их остановить, просыпались, точно драже из банки.

Поерзав в траве, Кейт повернулась на бок и уставилась на Талли:

– Ты же всегда просишь все тебе рассказывать про поездку.

– Ну да. Просто неделя вышла хреновая.

– Тебя что, уволили?

– Ты так себе представляешь хреновую неделю? Хотела бы я хоть денек пожить твоей идеальной жизнью.

⁴⁹ «Бионическая женщина» (1976–1978) – американский фантастический сериал.

Нахмурившись, Кейт отодвинулась от нее.

– Ты злишься на меня или что?

– Не на тебя, – вздохнула Талли. – Ты моя лучшая подруга.

– А на кого тогда?

– На Дымку. На бабушку. На Господа. Подчеркните нужное. – Она сделала глубокий вдох. – Бабушка умерла, пока вас не было.

– Ох, Талли.

Вот наконец-то то, чего она ждала всю неделю. Человек, который ее по-настоящему любит и по-настоящему жалеет. На глаза навернулись слезы и тут же заструились по щекам. Она ловила ртом воздух, отчаянные, судорожные рыдания сотрясали тело, мешая как следует вдохнуть, а Кейт все это время обнимала ее, не говоря ни слова, позволяя выплакаться.

Когда слез не осталось, Талли слабо улыбнулась.

– Спасибо, что не стала говорить «мне очень жаль».

– Но мне правда жаль.

– Знаю.

Талли прислонилась спиной к бревну и уставилась в ночное небо. Она хотела бы рассказать, как страшно ей было, как, несмотря на все одиночество, которого она натерпелась в жизни, только теперь она по-настоящему понимала, каково это – остаться совсем одной, но слова не шли, она не могла признаться в этом никому, даже Кейт. Мысли и страхи кажутся воздушными, бесформенными, пока не начнешь говорить о них вслух – стоит заключить их в плотные словесные оболочки, и они раздавят тебя своим весом.

Кейт некоторое время помолчала, затем спросила:

– И что теперь?

Талли вытерла глаза, затем сунула руку в карман и извлекла пачку сигарет. Щелкнула зажигалкой, затянулась, закашлялась. Она уже несколько лет не курила.

– Отправят в приемную семью. Но это ненадолго. Как только мне исполнится восемнадцать, смогу жить одна.

– Не будешь ты жить не пойми у кого, – яростно проговорила Кейт. – Я найду Дымку и заставлю ее поступить правильно.

Талли не ответила. Кейт очень хорошая, как ее не любить после такого, но она живет в параллельной реальности. А в реальности Талли мамы не выручают тебя из беды. Приходится самой себя выручать.

Главное – не принимать близко к сердцу.

И лучший способ этого добиться – окружить себя людьми и суматохой. Этому трюку она давно выучилась. Задержаться в Снохомише надолго у нее не выйдет. Скоро власти ее отыщут и отправят обратно в замечательную новую семью, полную беспризорных подростков и взрослых надзирателей на государственном пайке.

– Надо завтра пойти на вечеринку. Вот ту, про которую ты в последнем письме упоминала.

– К Карен, что ли? На дикую попойку в честь конца каникул?

– Именно.

Кейт нахмурилась.

– У меня мама ежа родит, если узнает, что я ходила на вечеринку с бухлом. Да и папа тоже.

– А мы им скажем, что ты у меня переночуешь, в доме напротив. Твоя мама поверит, что Дымка сподобилась явиться на денек-другой.

– Если меня поймают...

– Не поймают.

Талли видела, как нервничает Кейт, понимала, что надо одуматься, пока не поздно, отказаться от этой безрассудной, а может, и опасной затеи. Но остановить этот поезд была уже не в силах. Если она не сделает что-нибудь дерзкое прямо сейчас, точно провалится в липкую, густую черноту страха. Начнет думать о матери, которая столько раз бросала ее, о чужих людях, с которыми ей теперь придется жить, о бабушке, которой больше нет.

– Никто нас не поймает, зуб даю. – Она повернулась к Кейт: – Ты ведь мне доверяешь?

– Конечно, – нерешительно отозвалась Кейт.

– Отлично. Значит, идем на вечеринку.

– Дети, завтрак готов!

Кейт первой плюхнулась за стол.

Мама едва успела поставить перед ней блюдо с оладьями, как раздался стук в дверь.

Кейт подскочила:

– Я открою.

Она бросилась к двери и, распахнув ее, принялась изображать удивление.

– О господи, мама, это же Талли! Надо же, с ума сойти! Мы *так давно* не виделись.

Мама стояла у стола в своем красном велюровом халате на молнии, из-под которого выглядывали пушистые розовые шлепанцы.

– Привет, Талли, рада тебя видеть. Нам тебя не хватало в поездке, но что поделаешь, работа – дело важное.

Талли вся подалась вперед. Взглянула ей в лицо, хотела было что-то сказать, но лишь беззвучно приоткрыла рот и замерла, уставившись на маму Кейт.

– Что такое? – спросила миссис Маларки, подходя к ней. – Что-то случилось?

– Моя бабушка умерла, – едва слышно ответила Талли.

– Ой, моя милая... – Мама притянула Талли к себе, крепко сжала в объятиях и долго не отпускала. Затем, отстранившись, приобняла ее за плечи и отвела к дивану в гостиной.

– Кейти, выключи плиту, – сказала она, даже не обернувшись.

Кейт, повернув ручку, вышла следом за ними и остановилась в арке, разделявшей кухню и гостиную. Талли и мама, похоже, забыли о ее существовании.

– Похороны мы пропустили? – ласково спросила мама, взяв Талли за руку.

Та кивнула.

– Все только и делали, что говорили «мне очень жаль». Как же меня теперь бесит эта фраза.

– Просто никто не знает толком, что говорить.

– И еще без конца твердили, мол, «она теперь в лучшем мире». Это меня особенно восхищает. Можно подумать, даже умереть приятней, чем жить со мной.

– А что твоя мама?

– Ну, не просто так она назвалась Дымкой. Рассеялась, будто и не было. – Талли взглянула на Кейт и быстро добавила: – То есть еще не совсем, она пока тут. Мы проживем в доме напротив.

– Разумеется, она тут, – сказала мама. – Она ведь понимает, что нужна тебе.

– Мам, можно я сегодня у них переночую? – спросила Кейт. Сердце у нее в груди колотилось так бешено, что, казалось, и маме должно быть слышно. Она изо всех сил старалась сделать честное лицо, но все равно была уверена, что соврать не выйдет – мама ее всегда насквозь видела.

Но в этот раз мама на нее даже не взглянула.

– Конечно. Вам, девочки, нужно сейчас держаться вместе. А ты, Талли Харт, помни вот что: ты у нас новая Джессика Сэвич⁵⁰. Ты справишься. Я обещаю.

– Вы правда так думаете?

– Я не думаю, я знаю. У тебя редкий дар, Талли. И можешь быть уверена, бабушка присматривает за тобой с небес.

Кейт вдруг захотелось вклиниться в разговор, подойти и спросить, считает ли мама, что она, Кейт, тоже изменит мир. Сделав шаг вперед, она даже открыла рот, чтобы заговорить, но не успела подобрать слова – Талли ответила раньше:

– Вы будете мной гордиться, миссис М. Обещаю.

Кейт сникла. Она понятия не имела, что может сделать такого, чтобы мама гордилась *ей*, она ведь не Талли. И никакого редкого дара у нее нет.

Но даже если нет, маме-то разве не полагается думать, что есть? А она вместо этого угодила в гравитационное поле звезды по имени Талли. Как, впрочем, и все остальные.

– Мы обе станем журналистками, – сказала Кейт куда резче, чем собиралась. И, поймав на себе их удивленные взгляды, немедленно почувствовала себя круглой душой. – Пойдемте есть, – сказала она, натянув на лицо улыбку. – Стынет же.

Плохая все-таки была идея с этой вечеринкой. Тупее не придумаешь – еще бы предложила пойти поиздеваться над Кэрри на выпускном⁵¹.

Талли и сама это понимала, но сдать назад не могла. С самого дня похорон бабушки, когда Дымка выкинула на бис свой коронный номер, Талли чувствовала, как горе постепенно уступает место злости. Ярость хищным зверем металась у нее в крови, заряжая эмоциями, которые нельзя было ни сдержать, ни подавить. Она знала, что ведет себя неразумно, но сойти с намеченного курса не могла. Стоит на минуту замешкаться, и страх ее настигнет. К тому же дело уже наполовину сделано. Они уже сидят в спальне ее матери и по идее должны бы собираться.

– Божечки, – восхищенно пробормотала Кейт. – Ты обязана это прочитать.

Талли подошла к водяной кровати, обклеенной убогими вырезками из журналов, выдернула из рук Кейт книгу и швырнула ее к противоположной стене.

– Ты вот серьезно решила сейчас почитать?

– Эй! – Кейт попыталась сесть, по водяному матрасу вокруг нее побежали волны. – Там Вульфгар ее привязал к кровати! Должна же я узнать...

– Кейт, мы на вечеринку собираемся. Хватит уже свои сопливые романчики читать. И вообще только психу придет в голову привязывать женщину к кровати.

– Ну да, – неуверенно согласилась Кейт, – я понимаю. Просто...

– Никаких «просто». Одевайся давай.

– Ладно, ладно.

Она взглянула на одежду, которую выбрала для нее Талли, – джинсы и бронзовый топ в обтяжку с открытыми плечами.

– Мама бы концы отдала, если бы узнала, что я так в люди выхожу.

Талли не ответила. Сказать по правде, она предпочла бы этого вообще не слышать. Меньше всего ей сейчас хотелось вспоминать о миссис М. Вместо этого она сосредоточилась на своем наряде: джинсы, розовый топ без бретелей и синие сандалии на платформе, с высокой шнуровкой. Наклонившись, она как следует начесала волосы, чтобы получилось не хуже, чем

⁵⁰ Джессика Сэвич (1947–1983) – американская журналистка и телеведущая, в 1970–1980-е годы вела вечерние новости на *NBC*. Одна из первых женщин – ведущих новостей в США.

⁵¹ «Кэрри» (1974) – роман Стивена Кинга о школьнице Кэрри Уайт, обладавшей способностями к телекинезу. На выпускном Кэрри жестоко расправляется с травившими ее одноклассниками.

у Фэрры, а затем залила их таким количеством лака, что в радиусе метра передохли комары. Убедившись, что выглядит превосходно, она повернулась к Кейт:

– Ну чего ты там...

Кейт, уже одетая, снова лежала на кровати с книжкой.

– Я с тебя не могу просто.

Улыбаясь, Кейт перевернулась на спину.

– Ну, Талли, там так ужасно романтично все, вот правда.

Талли снова выхватила у нее книгу. Она сама толком не понимала, почему это ее так взбесило. Может, дело было в непробиваемом идеализме Кейт? Ну как она могла, зная про жизнь Талли, продолжать верить во все эти «жили долго и счастливо»?

– Пойдем.

Даже не обернувшись, чтобы проверить, идет ли Кейт следом, она вышла в гараж, открыла ворота, затем уселась на потрескавшееся черное водительское кресло бабушкиного «форда-виктории» и, стараясь не обращать внимания на рваные края обивки, впивавшиеся в спину, хлопнула дверь.

– Тебе можно брать ее машину? – спросила Кейт, просунув голову в пассажирскую дверь.

– Чисто технически это теперь моя машина.

Кейт уселась в соседнее кресло и закрыла дверь.

Талли воткнула кассету *Kiss* в восьмитрековый магнитофон и сразу сделала погромче. Затем переключилась на задний ход и аккуратнo надавила на педаль газа.

Возле дома Карен Эбнер, по дороге к которому они во всю глотку орали песни *Kiss*, уже стояло машин пять, не меньше. Некоторые были благоразумно спрятаны в тени деревьев. Новости о том, что у кого-то уехали родители, всегда распространялись стремительно; вечеринки вырастали как грибы после дождя.

Внутри было не продохнуть от дыма. Запах марихуаны и благовоний сбивал с ног. Музыка гремела так, что у Талли немедленно заболели уши. Она схватила Кейт за руку и потащила вниз по лестнице в комнату отдыха в подвале.

Стены там были обшиты пластиковыми панелями «под дерево», на полу лежал салатный ковролин. Посреди комнаты стоял камин с коническим кожухом, вокруг него – диван в форме полумесяца и пара кресел-мешков. У левой стены несколько парней играли в настольный футбол, сопровождая каждый поворот ручки дикими воплями. Рядом танцевали – все неистово дергались под музыку, стараясь подпевать. На диване двое парней целеустремленно накуривались, а возле самого входа, под огромной картиной, изображавшей испанского матадора, какая-то девушка хлестала пиво из пробитой в банке дыры.

– Талли!

Она и слова сказать не успела, как старые друзья окружили ее, оттеснили от Кейт. Подойдя к огромному бочонку с пивом, она приняла из рук какого-то парня пластиковый стакан, доверху наполненный пенистым, золотистым «Рейниром»⁵². И, взглянув на пиво, содрогнулась от всплывшей в памяти сцены: *Пат наваливается, прижимает ее к земле...*

Она оглянулась в поисках Кейт, но той нигде не было видно.

И тут все начали скандировать: «Тал-ли! Тал-ли!»

Ей никто не причинит зла. Не здесь. Возможно, завтра, когда за ней явятся из службы опеки, но не теперь. Она залпом осушила стакан и, протягивая его, чтобы наполнили снова, выкрикнула имя Кейт.

Кейт тут же возникла рядом, точно все это время держалась неподалеку, дожидаясь, пока ее позовут.

Талли сунула ей полный стакан:

⁵² *Rainier* – американская марка пива, которое производилось в Сиэтле с 1878 по 1999 год.

– Держи.

Кейт мотнула головой. Движение было мимолетное, едва различимое, но Талли все поняла и тут же устыдилась, что вообще предложила, а потом вдруг разозлилась на Кейт: как она умудряется оставаться такой невинной? Сама Талли невинной не была сроду, во всяком случае, она за собой такого не помнила.

– Кей-ти! Кей-ти! – заорала Талли, призывая всех вокруг ее поддержать. – Ладно тебе, Кейти, – сказала она тихонько, – мы с тобой лучшие подруги или как?

Кейт обвела толпу нервным взглядом.

Талли снова почувствовала жгучий стыд и зависть. Еще можно остановить это, защитить Кейти...

Кейт взяла из ее рук стакан и принялась пить огромными глотками.

Пиво стекало по ее подбородку прямо на блестящий топ, который, намокая, все сильнее обтягивал грудь; пролилось больше половины, но Кейт будто и не заметила.

Сменилась музыка. Из динамиков зазвучала «Абба» – «Королева танцев». *Ты танцуй, ты кружись...*

– Обожаю эту песню! – сказала Кейт.

Талли схватила ее за руку и нырнула в толпу. Едва оказавшись среди танцующих, она отпустила Кейт и позволила музыке и движению полностью захватить себя.

К тому моменту, как песня закончилась и заиграло что-то другое, медленное, она дышала тяжело, в груди теснился радостный смех.

Но еще заметнее была перемена в Кейт. Талли сама не понимала, в чем дело – то ли подействовало пиво, то ли пульсирующий ритм музыки. Так или иначе, Кейт выглядела по-настоящему неотразимой: светлые волосы сияли в свете ламп, нежное, обычно бледное лицо разрумянилось от танцев.

Когда к ним подошел Нил Стюарт и пригласил Кейт потанцевать, только она одна и удивилась.

– Нил меня приглашает, – проорала она, повернувшись к Талли, когда музыка чуть стихла. – Пьяный, что ли?

Вскинув руки, она задвигалась в такт музыке вместе с Нилом, а Талли так и осталась стоять одна в толпе.

Кейт прижалась щекой к мягкой футболке Нила.

Как же хорошо в его объятиях, как приятно ощущать его ладони на своей пояснице, чуть повыше задницы. Чувствовать, как их бедра соприкасаются в танце. От этого сердце колотится как бешеное, учащается дыхание. Целиком захватывает какое-то незнакомое чувство, жаркое предвкушение. Хочется... чего?

– Кейт?

Он произнес ее имя так робко, что в голове сам собой возник вопрос: неужели он тоже это чувствует?

Она медленно подняла взгляд.

Нил улыбнулся ей; он, может, и выпил, но на ногах держался вполне сносно.

– Ты такая красивая, – сказал он и поцеловал ее – прямо посреди танцпола. Кейт резко втянула носом воздух и вся напряглась в его объятиях. Это случилось так неожиданно, что она понятия не имела, как реагировать.

Язык Нила разомкнул ее сжатые губы, проник в рот.

– Ого, – сказал он тихо, наконец отстраняясь.

Что ого-то? Ого, ну ты и лохушка? Или ого, какой офигенный поцелуй?

У нее за спиной кто-то проорал:

– Копы!

В ту же секунду Нил исчез, а на его месте возникла Талли, схватила ее за руку.

Спотыкаясь, они бросились прочь из дома, вскарабкались по холму, продрались через кусты и оказались под деревьями. Когда они добрались до машины, Кейт уже была вне себя от ужаса, а в животе у нее бушевала настоящая революция.

– Меня сейчас стошнит.

– Не стошнит. – Талли рывком открыла пассажирскую дверь и втокнула Кейт внутрь. – И нас не поймают.

Талли обежала машину кругом и распахнула дверь с противоположной стороны. Плюхнулась в водительское кресло, вонзила ключ в зажигание, дернула рычагом, включая заднюю передачу, и вжала педаль в пол. Машина рванула назад и с грохотом врезалась во что-то. Кейт тряпичной куклой мотнулась вперед и ударилась лбом о приборную панель, прежде чем ее отшвырнуло назад. Она открыла глаза, ошалело глядя по сторонам, пытаясь сфокусироваться.

А Талли тем временем уже опускала стекло с водительской стороны.

В темноте перед окном стоял их старый знакомый, полицейский Дэн, тот самый, что три года назад увез Талли из Снохомиша.

– Чувствовал я, что от вас, девчонки с улицы Светлячков, будет один геморрой.

– Твою мать, – сказала Талли.

– Первоклассные манеры, Таллула. А теперь, пожалуйста, выйди из машины. – Он наклонился, посмотрел на Кейт: – И ты тоже, Кейт Маларки. Вечеринка окончена.

В полиции их первым делом рассадили по разным помещениям.

– Пришлем кого-нибудь с тобой потолковать, – пообещал Дэн, провожая Талли в комнату в дальнем конце коридора.

Одинокая лампочка, свисавшая с потолка, освещала стального цвета стол и два убогих стула. Стены были болотно-зеленые, вместо нормального пола – голый шершавый цемент. В воздухе стояла какая-то смутная, унылая вонь, смесь мочи, пота и сто лет назад пролитого кофе.

Стена по левую руку от нее была целиком зеркальная.

Любому, кто видел хоть одну серию «Старски и Хатч»⁵³, сразу поймет, что это непрозрачное окно.

Может, по ту сторону окна уже стоит соцработница, разочарованно качает головой, сокрушается: «Теперь та замечательная семья ее не примет»; а может, там адвокат, которому, скорее всего, и сказать нечего.

А может, там мистер и миссис Маларки.

Представив себе это, Талли тихонько пискнула от ужаса. Ну как можно быть такой идиоткой? Маларки ее любили, а она взяла и собственными руками уничтожила эту любовь, и ради чего? Просто потому, что так невероятно расстроилась, когда мать ее в очередной раз бросила? Можно было уже привыкнуть. Словно когда-то бывало иначе.

– Я больше не облажаюсь, – сказала она, глядя в зеркало. – Если мне дадут еще один шанс, я буду паинькой.

Она ждала, что кто-то, может даже полицейский с наручниками, тут же ворвется в комнату, но минуты все так же текли мимо, не нарушая затхлой тишины. Она подвинула черный пластиковый стул в дальний угол и уселась на него.

Надо было головой думать.

Она закрыла глаза, снова и снова повторяя про себя эту фразу. А следом за ней, точно тень, бегущая по пятам в сумерках, тянулся вопрос: «Ты будешь хорошей подружкой для Кейти?»

– Как меня угораздило так облажаться?

⁵³ «Старски и Хатч» (1975–1979) – американский детективный сериал о двух полицейских-напарниках.

В этот раз Талли даже не взглянула на зеркало. Никого там нет. Никому она не нужна, кто вообще станет за ней наблюдать?

Ручка двери дернулась, затем повернулась.

Талли напряглась. Впилась пальцами в ляжки.

Будь паинькой, Талли. Соглашайся со всем, что скажут. Лучшие уж приемная семья, чем тюрьма для малолетних.

Дверь открылась, и вошла миссис Маларки. В своем застиранном платье в цветочек и потрепанных белых кедах она выглядела усталой, наспех одетой, будто ее разбудили среди ночи и она натянула на себя первое, что попало под руку.

Впрочем, так, скорее всего, и было.

Миссис Маларки потянулась в карман платья за сигаретами. Достав пачку, она закурила, глядя на Талли сквозь завитки дыма. Грусть и разочарование расходились от нее волнами, такими же осязаемыми, как дым.

Стыд сокрушил Талли. Много ли было на свете людей, которые в нее верили? И именно миссис М. она умудрилась подвести.

– Как Кейт?

Миссис Маларки выдохнула облачко дыма.

– Бад увез ее домой. Откуда она, надо думать, в ближайшее время не выйдет.

– Понятно. – Талли неловко поерзала на стуле. Каждый ее изъясн был как на ладони, она это чувствовала, – каждая ложь, каждая тайна, каждая пролитая слеза. Миссис М. все видела.

И то, что она видела, ей не очень-то нравилось.

Впрочем, трудно ее винить.

– Я понимаю, что подвела вас.

– Да, подвела. – Миссис Маларки взяла стул и села напротив Талли. – Тебя хотят отправить в воспитательную колонию.

На лице миссис М. так отчетливо читалось разочарование, что Талли опустила взгляд, уставилась на свои руки.

– В приемную семью меня теперь не возьмут.

– Мне сказали, что твоя мама отказалась от опеки.

– Вот так сюрприз.

Талли слышала, как у нее сорвался голос. И понимала, что выдала себя и свою боль, но ее ведь все равно не скроешь. Уж точно не от миссис М.

– Кейт считает, что тебе подыщут новую семью.

– Ну, Кейт живет в другом мире.

Миссис Маларки откинулась на спинку стула. Затянулась сигаретой, выдохнула дым и тихо сказала:

– Она хочет, чтобы ты жила с нами.

Талли как ножом по сердцу полоснуло. Невыносимо было слышать эти слова – много времени пройдет, прежде чем она сумеет их забыть.

– Ну да, как же.

Помолчав немного, миссис Маларки сказала:

– У нас в семье все делают работу по дому и соблюдают правила. Мы с мистером Маларки никаких фокусов не потерпим.

Талли резко вскинула голову:

– Что вы сказали?

Эту внезапную надежду невозможно было выразить словами.

– И уж точно не потерпим курения.

Талли уставилась на нее, едва замечая, как щиплет от слез глаза, чувствуя только, что все переворачивается внутри. Будто летишь в пропасть.

– Вы хотите сказать, что мне можно жить с вами?

Миссис М. подалась вперед и провела пальцами по ее подбородку.

– Я знаю, как жестоко обошлась с тобой жизнь, Талли, и не могу допустить, чтобы это повторилось.

И вот она уже не летит в пропасть, а взмывает в небо. И плачет, плачет обо всем: о бабушке, о приемной семье, о Дымке. Талли в жизни не испытывала чувства более сильного, чем это облегчение. Дрожащими руками она достала из сумки мятую, полупустую пачку сигарет и протянула ее миссис М.

– Добро пожаловать в нашу семью, Талли, – сказала та после паузы и, притянув Талли к себе, обняла ее, позволила выплакаться.

В этот момент, который Талли запомнила на всю жизнь, для нее началось нечто новое и сама она превратилась в кого-то нового. Поселившись в одном доме с шумливыми, сумасшедшими, любящими Маларки, она обнаружила в себе совершенно нового человека. Она больше не хранила секретов, не лгала, не притворялась тем, кем не являлась, а Маларки ни разу даже не намекнули, что она им чужая или что она недостаточно хороша. Куда бы потом ни забрасывала ее жизнь, с кем бы ни сталкивалась, она всегда помнила этот момент и эти слова: «Добро пожаловать в нашу семью, Талли». Этот год – когда она училась в выпускном классе, жила с Маларки и почти не расставалась с Кейт – так навсегда и остался лучшим годом в ее жизни.

Глава восьмая

– Девочки! Заканчивайте прохлаждаться. Пора уже выезжать, иначе все пробки соберем. Стоя в своей тесной спальне со скошенным потолком и скрипучим полом, Кейт разглядывала открытый чемодан, в котором лежали все ее главные сокровища. Сверху – перевязанная лентой пачка старых писем от Талли и совместная фотография, сделанная в день выпуска, а рядом снимок бабушки и дедушки в рамке.

Она так давно ждала этого дня (ночами они с Талли без конца строили планы, которые неизменно начинались со слов «вот будем в колледже...»), но теперь, когда он наконец настал, вдруг расхотела уезжать.

За год учебы в выпускном классе они стали неотделимы друг от друга. Талли-и-Кейт. В школе их имена всегда звучали вместе, как одно. Когда Талли сделалась редактором школьной газеты, Кейт была рядом, помогала готовить статьи. Она жила достижениями подруги, плыла на волне ее популярности, но все это происходило в понятном, знакомом мире, где она чувствовала себя в безопасности.

– А вдруг я что-то забыла?

Талли подошла к ней, захлопнула чемодан и щелкнула замком:

– Ты готова.

– Нет, это ты готова. Ты вообще всегда готова, – сказала Кейт, пытаясь не выдать своего страха. Она вдруг с невероятной отчетливостью поняла, как сильно будет скучать по родителям и даже по младшему брату.

Талли пристально на нее поглядела.

– Мы команда или как? Мы же девчонки с улицы Светлячков.

– Были. Но...

– Никаких «но». Мы едем в один колледж, вступаем в одну студенческую общину, потом идем работать на один телеканал. И точка. Ничего сложного. Мы справимся.

Кейт знала, чего ждет от нее Талли, да и все остальные тоже: что она будет сильной и храброй. Она бы хотела себя такой и чувствовать. Но не чувствовала. Поэтому сделала то, что ей в последнее время частенько приходилось делать в разговорах с Талли, – натянула на лицо улыбку и сыграла нужную роль.

– Ты права. Поехали.

Кейт моргнуть не успела, как они оказались в Сиэтле, хотя обычно дорога занимала минут тридцать пять. Она сидела в машине молча, пока мама и Талли увлеченно болтали о предстоящем наборе в женские студенческие общины. Казалось, мама ждала начала их студенческой жизни с куда большим нетерпением, чем сама Кейт.

Добравшись до высоченного, громоздкого здания Хаггетт-Холла⁵⁴, они долго протискивались по шумным, переполненным людьми коридорам, прежде чем добрались до крохотной, замызанной комнатки на десятом этаже. Здесь им предстояло жить первую неделю, пока идет набор. А потом можно будет переехать в дом своей общины.

– Ну вот мы и на месте, – сказала миссис Маларки.

Кейт подошла к родителям и притянула обоих к себе – знаменитое семейное объятие Маларки.

Талли остановилась поодаль, будто чужая.

– Талли, это еще что? – крикнула мама. – Ну-ка, давай к нам!

Талли бросилась к ним, и Маларки сжали ее в объятиях.

⁵⁴ Одно из студенческих общежитий Вашингтонского университета.

Следующий час они распаковывали вещи, болтали и фотографировались. Затем папа сказал:

– Ладно, Марджи, пора ехать. А то весь день в пробках стоим.

За этим последовал еще один раунд жарких семейных объятий.

Кейт крепко прижалась к маме, отчаянно стараясь не расплакаться.

– Все будет хорошо, – сказала мама. – Главное, не переставайте верить, что мечты сбываются. Вы с Талли еще станете лучшими журналистками штата. Мы с папой ужасно вами гордимся.

Кейт кивнула и посмотрела в глаза маме сквозь горячую пелену слез.

– Я тебя люблю, мам.

Всего через мгновение, слишком скоро, они ушли.

– Мы будем звонить каждое воскресенье, – крикнула им вслед Талли. – Как вернетесь из церкви.

А потом они скрылись из виду.

Талли плюхнулась на кровать:

– Интересно, как будет проходить набор. Хотя нас с тобой в любой общине с руками оторвут, сто пудов.

– Это тебя с руками оторвут, – тихо поправила ее Кейт и впервые за долгое время снова почувствовала себя той девочкой, которую в средней школе дразнили «Маларки-Чмоларки», – девочкой, которая носила очки с толстыми линзами и слишком короткие штаны. И неважно, что брекеты ей давно сняли, что теперь она носит контактные линзы и умеет с помощью косметики подчеркнуть свои достоинства. Студентки из общин все равно ее раскусят.

Талли выпрямилась на кровати.

– Ты ведь понимаешь, что без тебя я ни в какую общину вступать не стану?

– И это будет нечестно. По отношению к тебе.

Кейт подошла к кровати и села рядом с Талли.

– Помнишь улицу Светлячков? – спросила Талли, понижая голос почти до шепота. За прошедшие годы эта фраза стала универсальной отмычкой к их общим воспоминаниям. Произнося ее, они обещали друг другу, что дружба, начавшаяся, когда им обоим было по четырнадцать, – в те далекие времена, когда они плакали над песнями и тащились от Дэвида Кэссиди⁵⁵, – связала их навеки.

– Помню.

– Но не понимаешь, – сказала Талли.

– Чего не понимаю?

– Когда меня бросила мать, кто был со мной рядом? Когда умерла бабушка, кто держал меня за руку, кто принял в семью? – Она повернулась к Кейт: – Ты. Вот и ответ. Мы команда, Кейт. Подруги навеки, что бы ни случилось. Понятно? – Она пихнула Кейт, и та улыбнулась.

– Вечно все по-твоему.

Талли рассмеялась.

– А то. За это ты меня и любишь. А теперь давай подумаем, что надеть в первый день в колледже...

Вашингтонский университет оказался именно таким, каким Талли его себе представляла, даже лучше. Это был целый мир – огромный квартал готических особняков, простиравшийся на несколько миль вокруг. Его размеры обескураживали Кейт, но не Талли, которая

⁵⁵ Дэвид Кэссиди (1950–2017) – американский актер, музыкант и автор песен, наиболее известный по роли Кита Партриджа в музыкальном ситкоме «Семья Партридж».

сразу решила, что если уж добьется успеха здесь, то сможет повторить его где угодно еще. Едва переехав в дом своей общины, она начала готовиться к тому, чтобы однажды стать репортером на одном из крупных телеканалов. Помимо посещения всех основных университетских занятий по коммуникациям и медиа, она ежедневно прочитывала не меньше четырех газет и смотрела столько выпусков новостей, сколько удавалось застать. Когда придет ее час, она будет готова.

За первые несколько недель она освоилась и в общих чертах уяснила, из чего будет состоять Первый Этап ее учебного плана. К факультетскому консультанту по учебным вопросам она навевывалась так часто, что тот в конце концов начал избегать ее и уклоняться от встреч в коридорах, но Талли было плевать. У нее были вопросы, она хотела ответов.

Главной ее проблемой снова оказался возраст. На продвинутые курсы по журналистике и телевидению ее не брали, сколько она ни пыталась пробиться, сколько ни уговаривала, – сдвинуть с места огромную бюрократическую махину государственного университета даже ей было не под силу. Оставалось только ждать.

А ждать она не очень-то умела.

Она повернулась к Кейт и прошептала ей на ухо:

– Вот скажи, чего им дались естественные науки? Можно подумать, без геологии в журналисты не берут.

– Тсс.

Талли нахмурилась и откинулась на спинку стула. Они сидели в Кейн-Холле, одной из самых больших аудиторий в кампусе. Со своего места на самой верхотуре, втиснутого среди еще пяти сотен таких же мест, занятых другими студентами, она едва видела преподавателя, который, к слову, оказался даже не настоящим преподавателем, а всего лишь его ассистентом.

– Пошли, потом купим у кого-нибудь конспекты. Редакция газеты открывается в десять.

Кейт на нее даже не взглянула, так и продолжала строчить.

Талли со стоном села обратно, брезгливо скрестила руки на груди и принялась считать минуты до конца лекции. Едва прозвенел звонок, она вскочила на ноги:

– Слава богу. Пойдем отсюда.

Кейт отложила ручку, собрала исписанные страницы в стопку и аккуратно вложила в тетрадь.

– У тебя тут бумажная фабрика или что? Пойдем уже. Я хочу познакомиться с редактором.

Кейт встала, закинула рюкзак на плечо.

– Не дадут нам работу в газете, Талли.

– Так, тебя зря, что ли, мама учила позитивному настрою?

Они спустились по лестнице, смешались с шумной толпой студентов.

Снаружи яркое солнце освещало мощный кирпичом внутренний двор, который все привыкли называть Красной площадью. Возле библиотеки Суззало кучковались патлатые студенты с плакатами «Требуем очистить Хэнфорд»⁵⁶.

– Хватит уже жаловаться маме каждый раз, когда что-то не по-твоему, – сказала Кейт по пути к Кводу⁵⁷. – Нам даже на занятия по журналистике раньше третьего курса ходить не полагается.

Талли остановилась:

– Ты что, не идешь со мной?

⁵⁶ Хэнфордский комплекс – некогда один из крупнейших в США комплексов по производству радиоактивных материалов, расположенный в штате Вашингтон. Полностью выведен из эксплуатации в 1987 году, ныне хранилище радиоактивных отходов.

⁵⁷ *The Quad*, Двор свободных искусств, – главный внутренний двор Вашингтонского университета, одна из достопримечательностей кампуса.

Кейт лишь улыбнулась, не сбавляя шаг.

– Нам ничего не светит.

– Но ты ведь пойдешь? Мы же команда.

– Конечно, пойду.

– Так и знала. Ты просто прикальываешься.

Продолжая разговаривать, они шли по Кводу мимо пышно зеленеющих вишневых деревьев, мимо газонов, покрытых густой сочной травой, мимо компаний студентов в разноцветных шортах и футболках, игравших во фрисби и сокс.

Талли остановилась возле здания, в котором располагалась редакция газеты.

– Говорить буду я.

– Какая неожиданность.

Смеясь, они вошли в здание и представились потрепанного вида парню за стойкой в вестибюле, который показал им дорогу к кабинету главного редактора.

Встреча заняла от силы минут десять.

– Я же говорила, что мы еще не доросли, – сказала Кейт на обратном пути.

– Не беси. Я начинаю думать, что ты не хочешь становиться журналисткой.

– Вот уж враки, думать ты вообще не приучена.

– Сучка.

– Грымза. – Кейт обняла ее за плечи. – Пошли уже домой, Барбара Уолтерс⁵⁸.

Талли так расстроилась из-за разговора с редактором, что Кейт до самого вечера уговаривала ее приободриться.

– Ну ладно тебе, – наконец сказала она несколько часов спустя, когда они с Талли сидели в своей крохотной комнатке. – Давай собираться. Ты же хочешь круто выглядеть на вечеринке?

– Да плевать я хотела на эту идиотскую вечеринку. Можно подумать, меня интересуют сопливые студенты.

Кейт отчаянно старалась сдерживать улыбку. Талли все делала с размахом – воодушевлялась от души, но и огорчалась горше некуда. В университете это стало еще заметнее. Но, странное дело, в отличие от Талли, которую теперь будто сильнее бросало из крайности в крайность, Кейт, наоборот, понемногу расслаблялась. Она чувствовала себя с каждым днем все более уверенной, зрелой, готовой ко взрослой жизни.

– Любишь ты все драматизировать. Если хочешь, можешь меня накрасить.

Талли подняла взгляд:

– Серьезно?

– Полжизни ждать не буду, так что пошевеливайся.

Талли подскочила, схватила Кейт за руку и потащила по коридору к душевой, где несколько десятков девушек уже мылись, вытирались, сушили волосы.

Они постояли в очереди, приняли душ и отправились обратно к себе. К счастью, двух других соседок дома не было. В крохотной камерке, заставленной шкафами и столами, с трудом помещалась двухъярусная кровать их соседок-старшекурсниц, а места, чтобы развернуться, едва хватало для двоих. Сами они спали не здесь, а в огромной общей спальне с кучей кроватей в дальнем конце коридора.

Талли почти час потратила на макияж и прически, затем достала заранее купленные отрезки ткани – золотой для себя, серебристой для Кейт, – тут стянула ремнем, там закрепила булавкой, и получились две божественные тоги.

⁵⁸ Барбара Уолтерс (р. 1929) – американская журналистка и телеведущая, вела новостные программы и ток-шоу на нескольких крупнейших телеканалах.

Когда она закончила, Кейт посмотрелась в зеркало. Сверкающая серебром ткань прекрасно шла к ее бледному лицу и золотистым волосам, зеленые глаза так и сияли. После стольких лет в образе ботаника она до сих пор иногда удивлялась тому, как здорово может выглядеть.

– Ты гений, – сказала она.

Талли покружилась, демонстрируя свой наряд:

– Как я выгляжу?

Золотая тога подчеркивала ее большую грудь и тонкую талию, щедро начесанные, залитые лаком волосы волнами струились по плечам, как у Джейн Фонды в «Барбарелле»⁵⁹. Голубые тени и густая подводка придавали лицу экзотический вид.

– Выглядишь потрясно, – сказала Кейт. – Парни с ног попадают.

– Слишком ты много думаешь о любви, начиталась своих романчиков. Эта вечеринка для нас, а не для парней. Хрен с ними.

– Подозреваю, что с ними, но проверять не планировала. Хотя от свидания не откажусь.

Талли взяла ее под руку и повела по коридору, затопленному болтовней и смехом. Вокруг снова туда-сюда девушки разной степени одетости со щипцами для завивки, фенами и простынями.

Внизу, в большой гостиной, какая-то девчонка учила подруг танцевать хастл.

Выйдя на улицу, Кейт и Талли смешались с толпой, плывущей мимо. Стоял теплый сентябрьский вечер, люди были повсюду. Вечеринки планировались почти в каждом братстве. Девушки из разных общин группками стекались к домам пригласивших их братств – кто в костюмах, кто в обычной одежде, кто вообще почти без одежды.

Большой квадратный дом братства «Фи-Дельта», сравнительно современной постройки, весь из стекла, металла и кирпича, стоял на углу улицы. Внутри скрывались потертые стены и еле живая, расшатанная, уродливая мебель; богатством декора комнаты напоминали тюремные камеры годов этак пятидесятых. Впрочем, их было толком и не разглядеть, такая собралась толпа.

Утрамбованные плотно, как сельди в бочке, студенты хлестали пиво из пластиковых стаканов и покачивались под музыку. «Кричи!»⁶⁰ – подначивал голос из колонок, и все подпевали и подпрыгивали в такт.

Теперь чуть тише...

Все присели на корточки, на мгновение замерли, а потом вскинули руки и подскочили снова, выкрикивая слова песни.

Как обычно, едва оказавшись на вечеринке, Талли «включилась». Тут же сошел налет грусти, расцвела прежде неуверенная улыбка, улетучилось раздражение из-за неудачи. Кейт восхищенно наблюдала за подругой, моментально захватившей всеобщее внимание.

«Кричи!» – смеясь, подпевала Талли. Парни придвигались ближе, тянулись к ней, точно мотыльки к пламени, но она будто и не замечала. Схватив Кейт за руку, она нырнула в толпу танцующих.

Кейт сама не помнила, когда в последний раз так веселилась.

С кучей других студентов они танцевали под «Дом из кирпича», «Здесь танцуют до утра», «Луи Луи»⁶¹, и к концу последней песни она уже обливалась потом.

⁵⁹ Научно-фантастический фильм 1968 года.

⁶⁰ *Shout!* – песня группы *The Isley Brothers*, записанная в 1959 году. В фильме «Зверинец» (1978) ее исполняет вымышленная группа на вечеринке студенческого братства. Здесь студенты повторяют сцену из фильма.

⁶¹ *Brick House* (1977) – песня фанк-соул-группы *Commodores*. *Twistin' the Night Away* (1962) – песня соул-музыканта Сэма Кука; в 1973 году кавер-версию записал Род Стюарт. *Louie Louie* – песня, написанная в 1955 году Ричардом Берри; версия группы *The Kingsmen* 1963 года получила статус рок-стандарта, впоследствии свои версии исполняли и записывали многие музыканты, в т. ч. *Motörhead* и *Led Zeppelin*.

– Скоро вернусь, – проорала она на ухо Талли, та кивнула, и спустя мгновение Кейт оказалась на улице и присела на низкий кирпичный заборчик, окружавший дом. Вечерний ветерок приятно охлаждал взмокшее от пота лицо. Закрыв глаза, она стала медленно покачиваться под музыку.

– Вечеринка внутри, если что.

Она подняла взгляд.

Незнакомый парень, высокий и широкоплечий, смотрел на нее невозможно голубыми глазами из-под светлой, пшеничного цвета, челки.

– Можно присяду?

– Конечно.

– Меня зовут Брандт Ганновер.

– Кейт Маларки.

– В первый раз на вечеринке в братстве?

– А что, так заметно?

Улыбка превратила его из просто симпатичного парня в настоящего красавчика.

– Ну, немного. Помню свой первый курс. Было ощущение, что оказался на Марсе. Я сам из Мозес-Лейк, – добавил он, будто это должно было все объяснить.

– Небольшой город?

– Точка на карте.

– Если честно, тут и правда всего немного слишком.

С этого момента разговор по-настоящему задался. Кейт было знакомо все, о чем он говорил. Брандт вырос на ферме, ходил задавать корм скоту на рассвете, разъезжал на отцовском пикапе в тринадцать лет. Он понимал, каково это – чувствовать себя одновременно не к месту и совершенно на своем месте в этом огромном, расплзшемся на много кварталов кампусе.

В доме закончилась одна песня и заиграла другая. Кто-то прибавил громкость. Кейт узнала «Королеву танцев» «Аббы». На улицу, смеясь, выскочила Талли:

– Вот ты где!

Брандт тут же поднялся на ноги.

Талли, взглянув на него, нахмурилась:

– Это еще кто?

– Брандт Ганновер.

Кейт тут же угадала намерения Талли. Из-за того, что случилось с ней много лет назад в лесу у реки, она не доверяла парням, не желала иметь с ними ничего общего и собиралась всеми силами оберегать Кейт от страданий и боли. Кейт же, как на беду, совсем не боялась. Ей *хотелось* ходить на свидания, развлекаться, хотелось влюбиться – а почему нет?

Но разве можно признаться в этом Талли, которая лишь пытается ее защитить?

Талли потянула ее за руку, заставила встать.

– Извини, Брандт, – сказала она и потащила Кейт за собой, смеясь чуточку нарочито. – Это наша песня.

– Я сегодня в Хабе⁶² видела Брандта. Он мне улыбнулся.

Талли с трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза. Хотя с той первой вечеринки в «Фидельте» прошло уже полгода, Кейт до сих пор умудрялась ежедневно заводить разговор про Брандта Ганновера, иногда и не по одному разу. Поминала его так часто, будто они встречались.

– Дай угадаю, ты притворилась, что не заметила?

⁶² *The HUB (Husky Union Building)* – здание, в котором размещаются студенческие организации Вашингтонского университета.

– Я тоже ему улыбнулась.

– Офигеть. Надо обвести этот день в календаре.

– Слушай, а что, если пригласить его на весенний бал? Можно было бы двойное свидание устроить.

– Мне надо статью про аятоллу Хомейни⁶³ написать. Я тут подумала: если буду продолжать отправлять свои тексты в газету, рано или поздно они что-нибудь да опубликуют. Тебе бы, кстати, тоже не помешало приложить чуточку усилий...

Кейт повернулась к подруге:

– Ну все. Я отрекаюсь от нашей дружбы. Я понимаю, что тебя не интересуют вечеринки и парни, а вот меня очень даже. Если ты не пойдешь...

Талли захохотала.

– Попалась!

Кейт, не удержавшись, тоже рассмеялась.

– Сволочь ты.

Она закинула руку на плечи Талли. Ступая по изъеденному травой асфальту 21-й улицы, они вместе дошли до кампуса.

На университетской проходной Кейт сказала:

– Я в Мини⁶⁴. А тебе куда?

– Театр и ТВ.

– Точняк, первое занятие по тележурналистике с тем известным чуваком, которого ты не оставляла в покое с начала учебного года.

– Чед Уайли.

– Сколько там тебе пришлось отправить писем, чтобы к нему попасть?

– Не меньше тысячи. И между прочим, тебе бы стоило записаться со мной вместе, нам обоим эти занятия пригодятся.

– Запишусь на третьем курсе. Проводить тебя?

За это Талли и любила подругу. Кейт видела ее бравату насквозь, понимала, что она нервничает. Сегодняшний день мог оказаться началом новой жизни, о которой она всегда мечтала.

– Нет, спасибо. Я собираюсь эффектно появиться, а как это сделать с кем-то за ручку?

Оставшись одна в толпе студентов, спешащих от корпуса к корпусу, Талли постояла, глядя вслед Кейт. Затем сделала глубокий вдох и попыталась расслабиться. Надо хотя бы выглядеть невозмутимо.

Уверенной поступью она прошагала мимо пруда Первокурсников, вошла в корпус Театра и ТВ и тут же свернула в туалет.

Остановившись у зеркала, она внимательно себя изучила. Обильно политые лаком кудри выглядели безупречно, макияж тоже не подкачал. Глянцево блестящая белая блузка с воротником-стойкой, подпоясанная золотым ремнем, и джинсы клеш в обтяжку смотрелись сексуально, но при этом по-деловому.

Прозвенел звонок, и она побежала по коридору, чувствуя, как шлепает по спине рюкзак. У дверей в аудиторию остановилась, не спеша вошла и спокойно заняла место в первом ряду.

Преподаватель сидел, развалившись, на железном стуле у доски.

– Меня зовут Чед Уайли, – сказал он сексуальным, хрипловатым, точно пропитанным виски голосом. – Все, кто уже слышал обо мне, получают «отлично» автоматом.

Кое-кто из студентов тихонько прыснул. Громче всех засмеялась Талли. Она о Чед Уайли не просто слышала. Она знала всю его биографию.

⁶³ Аятолла Хомейни (1900–1989) – лидер исламской революции 1979 года в Иране, политический и духовный лидер Ирана в 1979–1989 годах.

⁶⁴ *Meany Hall* – концертный зал на территории Вашингтонского университета.

В колледже подавал большие надежды. Отучившись, стремительно сделал карьеру и уже к тридцати стал ведущим новостей. А потом просто-напросто слетел с катушек. Пары арестов за вождение в нетрезвом виде и автомобильной аварии, в которой пострадал ребенок, а сам Уайли сломал обе ноги, хватило, чтобы его звезда угасла. Года два о нем вообще ничего не было слышно, а теперь он объявился в университете, получил должность преподавателя.

Уайли поднялся на ноги. Выглядел он неважно – темные волосы давно не стрижены, на щеках, не выдавших бритвы дня три, если не больше, ежик седеющей щетины, – но его незаурядный ум никуда не делся, по глазам ясно. Таким людям на роду написано быть великими. Неудивительно, что он так высоко забрался.

Положив перед Талли план занятий, Уайли двинулся дальше по аудитории.

– Ваши репортажи о деле Карен Силквуд⁶⁵ – просто произведение искусства, – сказала она и широко улыбнулась.

Он ненадолго остановился, взглянул на нее. Было что-то жутковатое в том, как он смотрел – слишком уж пристально, но продолжалось это всего секунду, будто луч лазера загорелся и погас, а потом он прошел мимо, переключил внимание на кого-то другого.

В следующий раз надо быть поаккуратнее. Сейчас самое главное – произвести хорошее впечатление на Чеда Уайли. И научиться у него всему, что он знает.

⁶⁵ Карен Силквуд (1946–1974) была сотрудницей одного из заводов по производству ядерного топлива в США. Сообщала о возможных утечках и нарушении техники безопасности на заводе. Погибла в автокатастрофе при невыясненных обстоятельствах по пути на встречу с журналистом «Нью-Йорк таймс».

Часть вторая Восьмидесятые

*Любовь – поле боя
Остаемся в строю,
Разбитое сердце
К разбитому сердцу⁶⁶*

Глава девятая

К концу второго года учебы Талли уже не сомневалась, что Чед Уайли ее запомнил. Она ходила на два его курса по тележурналистике – начальный и продвинутый. Что бы он ни преподавал, она сидела в аудитории, что бы ни задавал – все выполняла. Выкладывалась на полную. Жилы рвала.

Но ничего не помогало: он отказывался признать ее талант. Всю прошлую неделю они читали новостные репортажи с телесуфлера. Закончив, Талли каждый раз смотрела на Уайли, а он и взгляда от своих заметок не поднимал. Выдаст серию замечаний таким тоном, будто зачитывает приставучей соседке кулинарный рецепт, и сразу кричит: «Следующий!»

День за днем, неделю за неделей, занятие за занятием Талли ждала, что он вот-вот обратит внимание на ее очевидный талант, скажет: «Вам место на *KVTS*». Так и прождала до конца года. Май на дворе, до каникул шесть недель, а ее старания так и не принесли плодов.

За последние два года в ее жизни многое поменялось. Новая прическа – волосы до плеч и челка. Новая икона стиля – место Фэрры Фосетт-Мэйджорс заняла Джессика Сэвич. Восьмидесятый год был словно создан для Талли: повсюду начесы, яркий макияж, ткань с люрексом и огромные подплечники. Она не признавала блеклых расцветок и скромных студенческих свитерков. Когда Талли входила в помещение, все ее замечали.

Все, кроме Чеда Уайли, разумеется.

Но скоро и его равнодушие придет конец, теперь Талли была твердо в этом уверена. На прошлой неделе она наконец набрала достаточно баллов, чтобы записаться на летнюю стажировку на *KTVS* – местном телеканале, офис которого располагался в кампусе. Она специально встала в шесть утра, чтобы быть в списке первой. Получив текст для прослушивания, немедленно отправилась обратно к себе и принялась читать его на разный манер – поменяла способ подачи не меньше десяти раз, прежде чем подобрала тональность, на сто процентов соответствующую истории. Вчера на прослушивании она была великолепна. В этом она не сомневалась. Теперь пришло время наконец узнать, на какую позицию ее приглашают.

– Как я выгляжу?

Кейт даже глаз не подняла от «Поющих в терновнике».

– Офигенно.

Талли ощутила вспышку раздражения, в последнее время сделавшегося привычным. Иногда у нее от одного взгляда на Кейт кровь закипала. Сил едва хватало, чтобы сдержаться и не наорать на нее.

А все ее любовные дела. Весь первый курс Кейт сохла по Брандту и его отстойной стрижке. Когда они наконец начали встречаться, реальность не оправдала ожиданий, и все

⁶⁶ ...*Heartache to heartache, we stand* – строчка из песни *Love Is a Battlefield* (1983) американской певицы Пэт Бенатар.

стремительно закончилось. Но Кейт это не остановило. Большую часть второго курса она пробегала на свидания то с Тедом (этот ее типа любил), то с Эриком (а этот – явно нет). Ни одной вечеринки в братствах она не пропускала и, хотя никогда не влюблялась по-настоящему в тех придурков, с которыми встречалась, и уж точно не занималась с ними сексом, болтала про них без умолку. Почти каждая фраза, вылетавшая у нее изо рта, начиналась с имени какого-нибудь парня. Хуже того, она уже почти не упоминала их с Талли план вместе работать на телевидении. Вечно ходила на какие-то занятия, совсем с телевидением не связанные. И каждый раз, когда кому-нибудь из девушек в общине парень делал предложение, сломя голову неслась вместе со всеми поохать над кольцом.

Талли это, по правде говоря, осточертело. Она только и делала, что писала статьи, которые университетская газета отказывалась печатать, и крутилась в редакции местного телеканала, где на нее и внимания-то никто не обращал, а Кейт, вместо того чтобы поддержать лучшую подругу после очередной неудачи, как заведенная трепалась про свое очередное свидание.

– Да ты даже не посмотрела.

– А мне и не надо.

– Ты понятия не имеешь, как для меня это важно.

Кейт все же оторвала взгляд от книги.

– Ты репетировала один и тот же репортаж две недели. Я среди ночи пописать вставала – и то слышала, как ты готовишься. Поверь мне, я знаю, что ты на взводе.

– Тогда почему ведешь себя так, будто тебе плевать?

– Мне не плевать. Я просто знаю, что тебя выберут ведущей.

Талли улыбнулась:

– Думаешь?

– Уверена. Ты же чертовски хороша. Станешь первой третьекурсницей, которую выпустили в эфир.

– Теперь-то профессору Уайли придется меня заметить. – Талли закинула на плечо рюкзак. – Пойдешь со мной?

– Не могу. Мы с Джошем идем заниматься в библиотеку.

– По мне, отстойнее свидания не придумать, но каждому свое, конечно.

Талли сдернула с комода солнечные очки и вышла.

Стояла середина мая, кампус был залит солнечным светом. Цвело все, что было способно цвести, трава сделалась настолько густой, что казалось, будто земля между бетонными полосками тротуаров застелена лоскутами ворсистого зеленого бархата. Талли уверенным шагом приблизилась к зданию, в котором располагалась редакция *KVTS*. Ненадолго задержалась у входа, чтобы поправить намертво скованные лаком волосы, затем вошла в безмолвный вестибюль с практичной, незамысловатой отделкой. Слева на стене висела доска объявлений. Первым делом ей в глаза бросился листок с текстом: «Ищу соседа. Только для курящих траву». Здесь все хвостики с номером телефона уже оборвали, а вот соседнее объявление («Ищу соседа. Предпочтение воцерковленным») пока никого не соблазнило.

Аудитория 214 была закрыта. Даже полоска света из-под двери не пробивалась. К доске, висевшей на стене возле двери, был припилен лист бумаги.

ЛЕТНИЕ СТАЖИРОВКИ ВАКАНСИИ/ОТДЕЛЫ

Новости/Ведущий.....	Стив Лэндис
Прогноз погоды.....	Джейн Тернер
Маркетинг и связи с общественностью.....	Гретхен Лаубер
Новости спорта.....	Ден Блуто
Планирование эфира.....	Эйлин Хаттон
Поиск/проверка информации.....	Талли Харт

Талли окатило волной разочарования, затем ярости. Она рванула дверь на себя, скрылась от чужих глаз в темной аудитории, бормоча себе под нос:

– Чед Уайли, сраный неудачник. Ты настоящий талант в упор не разглядишь – схвати он тебя за яйца, если отыщутся, да стисни их как следует, и то не заметишь...

– Вы обо мне, если я не ошибаюсь?

Услышав его голос, Талли вздрогнула.

Уайли вдруг материализовался среди теней всего в нескольких метрах от нее. Выглядел он неряшливее обычного, темные волосы спутанными волнами падали на плечи.

Скользя кончиками пальцев по спинке стула, он подошел ближе.

– Спросите меня, почему стажировка в новостях досталась не вам, и я объясню.

– Да плевать я хотела почему.

– Правда?

Он постоял с минуту, не отрывая от нее взгляда, не улыбаясь, затем развернулся и пошел между рядами к возвышению кафедры.

Придется поступиться либо своей гордостью, либо своим будущим. К тому моменту, как Талли приняла решение и бросилась следом за Уайли, тот уже успел скрыться в соседнем помещении.

– Ладно, – слова застревали у нее в горле, – почему?

Он шагнул ей навстречу. Талли впервые заметила морщины на его лице, на щеках. Тусклый, падавший сверху свет подчеркивал каждый изъяз, каждую неровность на его коже.

– Всякий раз, когда вы приходите на занятие, я вижу, что вы тщательно выбирали одежду, потратили кучу времени на макияж и прическу.

Он смотрел прямо на нее, *видел* ее. А она видела его. И разглядела в этом неряшливом, запустившем себя человеке того красавца с острыми, резкими чертами лица, которым он был когда-то. Но по-настоящему ее притягивали глаза – карие, блестящие, печальные. Пустота внутри нее отвечала на этот взгляд.

– Ну да. И что?

– Вы знаете, что красивы, – ответил он.

Ни запинки, ни намек на мандраж. Он вел себя спокойно, с достоинством. Не чета тем парням, с которыми она знакомилась на вечеринках в кампусе, в баре за бильярдом – полупьяным и думающим только об одном: как бы пообжиматься с тобой где-нибудь в темном углу.

– Еще я знаю, что талантлива.

– Возможно, однажды будете.

Тон, которым он сказал это, взбесил Талли. Пока она пыталась сочинить едкую остроту в ответ, он подошел к ней вплотную. Она успела лишь в замешательстве пробормотать: «Что это вы...» – прежде чем он поцеловал ее.

Прикосновение его губ, одновременно мягкое и уверенное, пробудило внутри нее что-то тонкое, нежное; ни с того ни с сего она расплакалась. Он, видимо почувствовав на губах вкус ее слез, отстранился, нахмурился:

– Ты женщина, Талли Харт, или девочка?

Понятно, о чем вопрос. Она изо всех сил старалась скрыть свою неопытность, но он раскусил ее, угадал правду.

– Женщина, – солгала Талли, и голос почти не дрогнул, лишь слегка трепыхнулся в начале слова.

Одного поцелуя ей хватило, чтобы понять: каков бы ни был секс на самом деле, то жалкое изнасилование в лесу не имело с ним ничего общего. Она уже не девственница, но от этого только хуже – куда проще быть девственницей, чем вместилищем страшных, болезненных воспоминаний; и все же сейчас, с ним, она впервые чувствовала, что хочет большего.

Впрочем, с Патом она тоже хотела большего.

Нет. Сейчас все по-другому. Она уже давно не та одинокая, несчастная девчонка, готовая среди ночи даже отправиться в лесную чащу, лишь бы заслужить любовь.

Он снова поцеловал ее, прошептал:

– Вот и хорошо.

Поцелуй длился целую вечность, становился все глубже, переворачивал все у нее внутри, заставляя изнывать от желания. Он прижался к ее бедрам своими, и между ног у нее сделалось так горячо, что она позабыла о страхе.

– Хочешь? – прошептал он.

– Да.

Он поднял ее на руки и отнес на продавленный диван, стоявший у затопленной темной дальней стены. Положил на комковатые, шершавые подушки и принялся медленно раздевать. Она чувствовала, будто издалека, как расстегивается лифчик, сползают по ногам трусы. А поцелуй все продолжался, раздувая огонь внутри.

Когда на них обоих не осталось одежды, он лег рядом, притянул ее к себе. Пружины дивана просели под их весом, протестующе скрипнули.

– А ты, похоже, не привыкла, чтобы все делали не спеша, Талли?

Она увидела в его глазах отражение собственного желания и поняла, что впервые в жизни не чувствует страха в объятиях мужчины.

– Вот чем ты собираешься заниматься? Делать все не спеша?

Он убрал взмокшие от пота пряди волос у нее со лба.

– Я собираюсь тебя учить. Ты ведь на это и рассчитывала?

Талли почти два часа носилась по кампусу в поисках Кейт. Начала с учебного зала в подвале общинного дома, потом заглянула в большую гостиную, в их с Кейт комнату, даже общую спальню проверила, хотя в четыре часа дня в середине мая там, по понятным причинам, никого не было. Зашла в библиотеку, сунула голову в любимый отсек Кейт, прошлась по читальному залу для магистрантов, где несколько старшекурсников хипповского вида на каждый ее шаг реагировали возмущенным «Тсс!». Она уже почти сдалась, но тут вспомнила про Флигель.

Ну разумеется.

Она побежала по необъятному кампусу к небольшому двухэтажному зданию с островерхой крышей, которое все называли Флигелем. Раз в квартал шестнадцать везучих старшекурсниц переселялись сюда из большого дома. Вечеринки тут не прекращались. Никакого тебе комендантского часа, да и комендантов тоже – почти настоящая взрослая жизнь, только из кампуса уезжать не надо.

Она открыла дверь и прокричала: «Кейт!»

– Она вроде на крыше, – ответили из соседней комнаты.

Талли вытащила из холодильника пару банок газировки и поднялась по лестнице. На втором этаже в дальней комнате было распахнуто окно. Талли просунула в него голову и выглянула на крышу автомобильного навеса.

Кейт, совсем одна, лежала на полотенце в крохотном вязаном купальнике и читала книгу в бумажной обложке.

Талли вылезла в окно и тоже перебралась на крышу, которую все называли Черным Пляжем.

– Привет, – сказала она, протягивая Кейт газировку. – Дай угадаю, читаешь любовный роман?

Кейт повернулась к ней, шурясь на солнце, и улыбнулась.

– «Обещание» Даниэлы Стил. Ужасно грустно.

– А хочешь, про настоящий роман расскажу?

– Ой, много ты знаешь. Ни на одно свидание не ходила за все два года.

– Необязательно бегать по свиданиям, чтобы заниматься сексом.

– Ну, вообще так принято.

– А я не из тех, кто делает так, как принято. И ты это прекрасно знаешь.

– Ага, да, – сказала Кейт. – Типа я должна поверить, что ты с кем-то переспала?

Талли дернула к себе забытое кем-то полотенце и растянулась на нем рядом с Кейт. Уставившись в синее небо и отчаянно пытаясь сдержать улыбку, она сказала:

– Трижды, если быть точной.

– Но ты же ходила узнавать по поводу стажировки... – Охнув, Кейт поднялась и села. – Только не говори, что...

– А ты не говори, что спать с преподами запрещено. По-моему, это не запрет, а просто пожелание такое. Рекомендация. Но все равно никому не рассказывай.

– Ты переспала с Чедом Уайли.

Талли мечтательно вздохнула при звуке этих слов.

– И было офигенно, Кейти. Вот честно.

– С ума сойти. И что ты делала? А он что? Больно было? А страшно?

– Поначалу было страшно, да, – тихо сказала Талли. – Я только и думала, что... ну... о той ночи с Патом. Думала, меня стошнит или я просто сбегу, а потом он меня как поцелует.

– И?..

– И... ну я вроде как растаяла. Я и не заметила, как он меня раздел.

– А больно-то было?

– Немного, но не как тогда.

Талли сама удивилась легкости, с которой могла теперь говорить о ночи, когда ее изнасиловали. Впервые в жизни она вспоминала об этом как о чем-то далеком, о чем-то, что случилось много лет назад, когда она была еще совсем девчонкой. Благодаря нежности Чедона она поняла, что секс – это необязательно больно, что иногда это прекрасно.

– А потом стало совсем хорошо. Я теперь хоть понимаю, про что все эти статьи в «Космо».

– А в любви он признался?

Талли рассмеялась, но в глубине души почувствовала, что это вовсе не так смешно, как ей хотелось бы.

– Нет.

– Уф, слава богу.

– В смысле? Я типа недостаточно хороша, чтобы мне в любви признавались? Любовь для благонравных католичек вроде тебя?

– Он твой *препод*, Талли.

– А, вот ты о чем. Мне плевать на такую фигню. – Она повернулась к Кейт: – Я-то думала, ты после своих романчиков станешь мне рассказывать, как это все сказочно и прекрасно.

– Я хочу с ним познакомиться, – твердо сказала Кейт.

– Ну, не то чтобы я могла его пригласить на двойное свидание.

– Значит, буду третьей лишней. С ним выгодно будет ужинать, небось и пенсионерскую скидку дадут.

Талли рассмеялась:

– Ну ты и сволочь.

– Вполне возможно, и эта сволочь хочет знать подробности. Все до единой. Можно я буду записывать?

Кейт вышла из автобуса и остановилась на тротуаре, сверяясь с адресом на листке бумаги, который держала в руках.

Все верно, это здесь.

Вокруг сновали толпы народа. Несколько человек задели ее, проходя мимо. Расправив плечи, она пошла ко входу в здание. Какой смысл заранее волноваться? Она и так целый месяц волновалась – и без конца доставала Талли. Убедить ее устроить эту встречу было непросто.

Но в конце концов Кейт использовала безотказное заклинание, выкинула из рукава старый козырь: «Ты что, не доверишь мне?» После этого оставалось только определиться с датой.

И вот теплым летним вечером она направляется ко входу в незнакомое заведение, похожее на бар, чтобы выполнить важную миссию: уберечь подругу от самой большой ошибки в жизни.

Секс с преподавом.

Ну серьезно, каковы шансы, что это хорошо закончится?

Оказавшись внутри «Последнего поворота на Бруклин»⁶⁷, Кейт решила, что попала в какой-то другой, доселе скрытый от нее мир. Во-первых, заведение было просто огромное, столиков семьдесят пять, не меньше: мраморные вдоль стен, грубые деревянные в середине. В самом центре располагалась сцена с пианино. На стене возле пианино она заметила загнутый по краям, выцветший постер с текстом поэмы *Desiderata*⁶⁸. «Средь суеты и шума оставайся безмятежным и помни – в тишине найдешь покой».

Здесь уж точно не найдешь ни покоя, ни тишины. Ни кислорода.

В воздухе висело плотное серо-голубое марево, под потолком клубился дым. Курили почти все. Мельтешили красные огоньки сигарет, зажатых между пальцев подвижных, взлетающих в такт разговорам рук. Сперва Кейт показалось, что нет ни одного свободного столика – кругом люди играли в шахматы, раскладывали карты Таро, спорили о политике. Несколько человек сидели на стульях, расставленных вокруг микрофона, и брэнчали на гитарах.

Пробираясь вглубь помещения, она разглядела, что на улице за дверью тоже стоят столы и за ними тоже сидят люди, тоже разговаривают, тоже курят.

Талли расположилась за столиком в дальнем углу, где почти не было света. Заметив Кейт, она вскочила и замахала руками.

Кейт протиснулась мимо женщины, курившей сигарету с гвоздикой, бочком обогнула колонну.

И увидела его.

Чеда Уайли.

Он оказался совсем не таким, как она себе представляла. Сидел, лениво развалившись на стуле, вытянув перед собой ногу. Даже в темноте, в дыму было видно, насколько он хорош собой. И совсем не выглядит старым. Разве что усталым, вроде как пресыщенным жизнью. Будто стареющий гангстер или рок-звезда. Его улыбка разгоралась медленно, понемногу оплетая его глаза сеточкой морщин, и эти глаза светились пониманием, которого Кейт никак не ожидала, даже споткнулась от неожиданности.

Он знал, зачем она пришла: лучшая подруга явилась уберечь девушку от ошибки, спасти от коварного соблазнителя.

– Вы, наверное, Чед, – сказала Кейт.

– А вы, вероятно, Кейти.

Она вздрогнула, услышав из его уст уменьшительную форму своего имени. Это послужило напоминанием: Чед тоже близко знает Талли.

– Садись, – сказала Талли. – Я официантку позову.

⁶⁷ Кафе *Last Exit on Brooklyn* существовало с 1967 по 2000 год, до 1993 года располагалось на Бруклин-авеню, недалеко от кампуса Вашингтонского университета. Играло заметную роль в культурной жизни Сиэтла.

⁶⁸ *Desiderata* – поэма в прозе американского писателя Макса Эрманна, написанная в начале 1920-х. Долгое время распространялась без указания авторства, в 1960-е годы многие ошибочно считали, что это образец поэзии XVII века, найденный в одной из церквей Балтимора, штат Мэриленд. Постеры с текстом поэмы были широко распространены в 1960—1970-е годы, в особенности среди хиппи.

И ушла, прежде чем Кейт успела ее остановить.

Кейт взглянула на Чеда, тот посмотрел на нее в ответ, улыбаясь так, будто его посвятили в какую-то тайну.

– Любопытное место, – сказала она, чтобы сказать хоть что-нибудь.

– Вроде бара, только пиво не наливают, – ответил он. – В таких местах люди по-настоящему меняются.

– Я думала, изменения начинаются изнутри.

– Иногда и так. А иногда тебе их навязывают.

В его глазах, когда он произнес эти слова, сгустилась какая-то сокровенная тьма, мелькнуло неясное чувство. Кейт вдруг вспомнила о его прошлом, о блестящей карьере, которую он потерял.

– Вас ведь уволят из университета, если узнают про Талли?

Он подтянул к себе ноги, выпрямился на стуле.

– Вот, значит, как ты собираешься действовать. Ну что ж, мне нравится твоя прямота.

Да, уволят. Эту работу я тоже потеряю.

– Вы какой-то адреналиновый наркоман или что? Любите рисковать?

– Нет.

– А раньше вы спали со студентками?

Он рассмеялся.

– Обошлось без этого.

– Тогда с чего вдруг?

Он украдкой глянул на Талли, которая стояла в толпе у эспрессо-бара, пытаясь сделать заказ.

– Не мне тебе объяснять. С чего вдруг она твоя лучшая подруга?

– Она особенная.

– Вот именно.

– А об ее карьере вы подумали? Не будет ведь никакой карьеры, если кому-то станет известно о ваших отношениях. Все решат, что она и диплом получила через постель.

– Ты молодец, Кейти. Хорошо, что за ней есть кому присмотреть. Иначе она пропадет.

Она ведь такая... хрупкая, наша Талли.

Кейт сама не знала, что ее расстроило сильнее: это слово, «хрупкая», или то, как он назвал ее – «наша Талли».

– Да она неудержимая, как паровоз. Я не просто так ее зову Талли-ураган.

– Это с виду. Для проформы.

Кейт с удивлением выпрямилась.

– Да она вам и в самом деле безразлична.

– Ну, это, надо думать, мои проблемы. Что ты ей скажешь?

– О чем?

– Ты ведь пришла, чтобы придумать, как убедить ее со мной порвать? Всегда можно напомнить, что я старей. Ну или зайти с этической стороны, тоже хороший ход, я все-таки препод. Кстати, я еще пью многовато.

– Вы серьезно хотите, чтобы я ей все это сказала?

Он посмотрел ей в глаза:

– Нет, я не хочу, чтобы ты ей это говорила.

Позади них, потряхивая своенравной шевелюрой, к микрофону поднялся молодой человек в затасканных штанах. Представившись Кенни Гореликом, он заиграл на саксофоне что-то джазовое, невыносимо романтическое. На несколько мгновений все разговоры вокруг стихли. Кейт сперва почувствовала, как музыка подхватила ее, потянула за собой. Но постепенно звуки саксофона превратились просто в приятный фон, и она снова посмотрела на Чеда. Он внима-

тельно изучал ее лицо. Она вдруг поняла, как важна для него эта встреча, как важна для него Талли. И это перевернуло все с ног на голову, так внезапно, что Кейт сама себе удивилась. Теперь она волновалась уже не за Талли, а за этого мужчину, которого Талли могла ранить, – а он, откровенно говоря, не выглядел готовым еще к одному удару судьбы. Прежде чем она успела ответить на его вопрос, вернулась Талли в компании официантки с выкрашенными в фиолетовый волосами.

– Ну как, – спросила она, чуть нахмурившись, переводя дыхание, – вы подружились уже?

Первым на нее посмотрел Чед:

– Подружились.

– Вот и славно. – Талли уселась к нему на колени. – Ну что, кто хочет яблочного пирога?

Чед высадил их в двух кварталах от дома, на темной улице, застроенной с обеих сторон неприглядными пансионатами, в которых жили студенты, очень мало интересовавшиеся моральным обликом девушек из общин.

– Было приятно познакомиться, – сказала Кейт, вылезая из машины.

Она остановилась на тротуаре, дожидаясь, пока Талли вдоволь нацелуется с Чедом.

Наконец Талли вышла и помахала вслед черному «форду-мустангу».

– Ну? – спросила она, поворачиваясь к Кейт. – Скажи, красавчик?

Кейт кивнула:

– Это уж точно.

– И классный, да?

– Очень классный.

Она пошла было прочь по тротуару, но Талли схватила ее за руку, задержала, развернула к себе:

– Он тебе понравился?

– Конечно, понравился. И чувство юмора что надо.

– Но?

Кейт кусала губу, тянула время. Она не хотела обидеть или разозлить Талли, но не врать же? Друзья не врут. Чед ей и в самом деле понравился, и Талли явно была ему небезразлична; но дурное предчувствие никуда не делось, даже усилилось после знакомства с ним.

– Ну хорош, Кейти, мне страшно уже.

– Я не хотела ничего говорить, но раз уж ты меня вынуждаешь... Думаю, тебе не стоит с ним встречаться. – Прорвав плотину молчания, она уже не могла остановиться. – Ну, в смысле, он же сильно старше. Разведен, дочке четыре года, а он с ней даже не общается. Вы нигде не можете появиться вместе, его за это сразу уволят. Что это за отношения такие? Ты с ним всю студенческую жизнь упускаешь.

Талли отступила назад.

– Студенческую жизнь? Это, что ли, вечеринки в гавайских костюмах, где хлещут пиво литрами? Или свидания с тупыми лузерами типа твоих парней? Да у большинства из них мозгов не больше, чем у табуретки.

– Ну, может быть, мы просто хотим разного...

– Думаешь, я с ним ради карьеры, да? Типа, сплю с ним за оценки? За место на канале?

– А разве нет? Ну, в глубине души? – Кейт тут же поняла, что говорить этого не стоило. –

Прости. – Она взяла Талли за руку. – Я не то хотела сказать.

Талли дернула рукой, вырвалась.

– Еще как «то». Ты же у нас мисс Совершенство, отличница, девочка из хорошей семьи. Вообще не понимаю, зачем ты со мной водишься, я же ради карьеры любому дать готова.

– Подожди! – крикнула Кейт, но Талли уже бежала от нее по темной улице, постепенно скрываясь из виду.

Глава десятая

Талли бежала всю дорогу до автобусной остановки на 45-й улице.

– Сучка, – сказала она вполголоса, утирая слезы.

Когда подошел автобус, она заплатила за билет, забралась в салон и, пока искала, где сесть, успела еще дважды пробормотать «сучка».

Как Кейт могла ей такое сказать?

– Сучка, – снова повторила она, но вышло как-то жалко, беспомощно.

От автобусной остановки до Чеда было меньше двух кварталов. Она торопливо прошагала по тротуару к скромному, обшитому деревом домику в стиле крафтсман⁶⁹, постучала в дверь.

Он открыл почти сразу – прямо в заношенных серых спортивных штанах и футболке с «Роллинг Стоунз». Улыбнулся, будто ждал ее появления.

– Привет, Талли.

– Хочу с тобой в постель, – хрипло прошептала она, забираясь руками ему под футболку.

Не переставая целоваться, они ошупью добрались до маленькой спальни в дальней части дома. Талли ни на мгновение не отрывалась от него, не покидала его объятий, не прерывала поцелуя. Они не встречались глазами, Талли не смогла бы выдержать его взгляда, но это и не имело значения. Обнаженные, изголодавшиеся друг по другу, они рухнули на кровать.

Талли позволила себе и своей боли раствориться в блаженстве, которое рождали его руки и губы, а после, когда они лежали рядом, сплетясь телами, старалась ни о чем, кроме этого блаженства, не вспоминать.

– Хочешь поговорить об этом?

Она лежала, уставившись в гладкий скошенный потолок, знакомый ей не хуже ее собственных снов.

– Ты о чем?

– Ладно тебе прикидываться.

Она перевернулась на бок и, подперев ладонью голову, посмотрела на него.

Он нежно прикоснулся к ее щеке.

– Вы с Кейт поссорились из-за меня, а я прекрасно знаю, как ты дорожишь ее мнением.

Талли удивили его слова, хотя, пожалуй, удивляться было нечему. С тех самых пор, как они впервые переспали, она понемногу обнажала перед ним душу. Сперва это выходило случайно – пару раз она проболталась о чем-то после секса или за выпивкой, – а потом как-то пошло-поехало. С ним рядом, в его постели она чувствовала себя в безопасности, здесь ее никогда не осуждали, не порицали. Они были любовниками без любви, и от этого проще становилось говорить откровенно. Талли лишь теперь осознала, что каждый раз он внимательно слушал ее болтовню и складывал из открывшихся ему фрагментов ее подлинный образ. И эта мысль почему-то вдруг сгладила остроту ее одиночества; это, пожалуй, немного пугало, но вместе с тем и успокаивало.

– Она считает, что это неправильно.

– Но ведь так и есть, Талли. Мы с тобой оба это знаем.

– А мне плевать, – сердито отозвалась она, утирая слезы. – Моя лучшая подруга должна быть на моей стороне, что бы ни случилось.

⁶⁹ Американский архитектурный стиль, зародившийся в конце XIX века. Дома в стиле крафтсман, как правило, имеют низкую многоскатную крышу и веранду, оформленную деревянными колоннами. Для строительства и отделки используются натуральные материалы (дерево, камень).

На этих словах – этой клятве, которую они дали друг другу столько лет назад, – ее голос сорвался.

– Она права, Талли. Тебе стоит к ней прислушаться.

Уловив в его голосе что-то непривычное, едва заметный надлом, она посмотрела ему в глаза. Печаль, таившаяся в его взгляде, сбивала с толку.

– Зачем ты так?

– Я почти влюбился в тебя, Талли, и сам этому не рад. – Он с тоской улыбнулся. – Да ты не пугайся. Я же знаю, что ты в любовь не веришь.

Это была правда, и осознание этой правды тяжело опустилось на плечи Талли. Она вдруг почувствовала себя старухой.

– Может, когда-нибудь поверю.

Можно же хотя бы надеяться.

– Я на это рассчитываю. – И он нежно поцеловал ее в губы. – Так что насчет Кейт?

– Она со мной не разговаривает, мам. – Кейт откинулась на подушки, прислоненные к стене крохотной каморки, гордо именовавшейся «телефонной комнатой». Было воскресенье, ей пришлось почти час ждать своей очереди.

– Я знаю, мы только что говорили.

Ну разумеется, Талли умудрилась позвонить первой. Кейт сама не могла понять, почему это так ее взбесило. Она услышала, как мама на другом конце провода закуривает сигарету.

– И что она сказала?

– Что тебе не понравился ее парень.

– И все?

Нужно быть осторожной. Если мама узнает, сколько Чеду лет, у нее точно крышу снесет, а Талли решит, что Кейт нарочно настроила маму против нее, и вот тогда *по-настоящему* разозлится.

– А есть что-то еще?

– Нет, – поспешно отозвалась она. – Просто он совсем ей не подходит.

– А ты, надо думать, судишь с высоты своего богатого опыта?

– Она в прошлый раз даже на танцы не пошла, потому что он не захотел. Она с ним все радости студенческой жизни упускает.

– А ты правда думала, что Талли станет жить как все? Бог с тобой, Кейти. Она ведь такая... яркая. Амбициозная. Тебе, справедливости ради, капелька амбиций тоже бы не повредила.

Кейт закатила глаза. Вечно мама намекает – когда тонко, а когда и не очень, – что ей хорошо бы превратиться во вторую Талли.

– Сейчас не про мое будущее речь. Мам, сосредоточься.

– Я просто говорю...

– Да поняла я. Делать-то мне что? Она меня избегает. А я всего лишь пыталась быть ей хорошей подругой.

– Иногда работа хорошей подруги – просто промолчать.

– Мне что, стоять и смотреть, как она совершает ошибку?

– Иногда это единственный выход. Главное, потом быть рядом, помочь ей собрать себя заново. Талли такая выдающаяся личность – легко забыть, через что она прошла, как просто ее ранить.

– И как мне быть?

– Тебе решать. Я давно уже вышла из роли сверчка Джими⁷⁰.

⁷⁰ Персонаж диснеевского мультфильма «Пиноккио» (1940) – говорящий сверчок, назначенный служить совестью Пиноккио.

– То есть больше никаких речей о тяготах жизни? Вот радость-то. А я бы, между прочим, именно сейчас от речи не отказалась.

В трубке слышался шелест выдыхаемого дыма.

– Могу только сказать, что сегодня в час она будет в монтажной *KVTS*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.